

А·А· Стреленко

**СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ
ОБРАЗЫ ВИКТИМНОЙ
ЛИЧНОСТИ**

Монография

2009

УДК 159.923.2(075.8)
ББК 88.837я3
С84

Автор: доцент кафедры прикладной психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
А.А. Стреленко

Одобрено советом по научно-исследовательской и творческой работе учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова». Протокол № 6 от 28.09.2009 г.

Рецензенты:

профессор кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения, доктор психологических наук *Е.С. Ермакова*;
заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения, доктор психологических наук, профессор *В.Л. Ситников*;
заведующий кафедрой прикладной психологии УО «ВГУ им. П.М. Машерова» *О.Е. Антипенко*

Монография посвящена одной из актуальных проблем современной психологической науки – изучению личности человека-жертвы. Проанализированы факторы, влияющие на виктимизацию личности взрослеющего человека. Определены механизмы, формирующие образ жертвы.

Впервые выявлена специфика субъективного отражения и объективно определяемые психологические особенности личности виктимных подростков. Проведен сравнительный анализ и определена специфика структурных и содержательных характеристик социально-перцептивной сферы подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие. Определена гендерная специфика социально-перцептивных образов подростков и взрослых – жертв насилия.

Предназначена для психологов, социальных педагогов, юристов и студентов психологических и педагогических специальностей.

УДК 159.923.2(075.8)
ББК 88.837я3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Социально-психологические аспекты агрессии в отношении детей и подростков	9
1.1. История и современное состояние проблемы агрессии и насилия	9
1.2. Концепции изучения агрессии, жестокости и насилия	18
1.3. Концепции сексуального насилия	29
1.4. Факторы, влияющие на виктимизацию личности ребенка	42
1.5. «Я-концепция» и социально-перцептивные образы	56
<i>Выводы по 1 главе</i>	66
Глава 2. Методы и организация исследования	68
2.1. Программа, предмет, объект и задачи исследования	68
2.1.1. Программа изучения личности подростков, переживших сексуальное насилие	68
2.1.2. Предмет и объект исследования	69
2.1.3. Основные задачи исследования	71
2.2. Изучение личности подростков, переживших сексуальное насилие	71
2.2.1. Основные методы проведенного исследования	71
2.2.2. Применение опросных методов в исследованиях личности ..	72
2.2.3. Изучение социально-перцептивной сферы подростков и взрослых	74
2.3. Организация сбора эмпирического материала	75
2.3.1. Основные этапы сбора эмпирических данных и контингент испытуемых	75
2.3.2. Принципы отбора испытуемых	77
2.3.3. Процедура эмпирического обследования	78
2.3.4. Программа обработки полученных данных	79
<i>Выводы по 2 главе</i>	81
Глава 3. Особенности личности и социально-перцептивных образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие	82
3.1. Гендерные особенности личности подростков, переживших сексуальное насилие	82
3.1.1. Гендерные особенности агрессивности подростков, переживших сексуальное насилие	82

3.1.2. Гендерные особенности акцентуаций личности подростков, переживших сексуальное насилие	84
3.1.3. Гендерные особенности социально-психологической адаптации подростков	89
3.1.4. Гендерные особенности эмоционально-оценочной системы (самоотношения) подростков, переживших сексуальное насилие	91
3.2. Особенности социально-перцептивных образов в сознании подростков, переживших сексуальное насилие	95
3.2.1. Гендерные особенности Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие	95
3.2.2. Гендерные особенности Ты-образов у подростков-жертв сексуального насилия	99
3.2.3. Взаимосвязи социально-перцептивных образов у подростков, переживших сексуальное насилие	102
3.3. Я-образы и образы «друга» и «недруга» в сознании подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие	104
3.3.1. Сравнительный анализ особенностей Я-образов в сознании взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие	104
3.3.2. Специфика Ты-образов у взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие	110
3.3.3. Результаты корреляционного исследования социально-перцептивных образов взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие	119
<i>Выводы по третьей главе</i>	122
Заключение и выводы	127
Список литературы	129

ВВЕДЕНИЕ

Как никакая другая тема агрессии, жестокости и насилия вобрала в себя вечный вопрос сосуществования добра и зла. Проблема изучения агрессии, насилия и жестокости, их причин и последствий, является не только социальной и криминологической, но и в большей мере психологической проблемой. Как реакция на это в различных общественно-гуманитарных науках (например, в философии, психологии, религиоведении, этике и др.) возникают различные концепции насилия (ненасилия) и даже целые направления междисциплинарного исследования: этика ненасилия, конфликтология, личностно-ориентированная педагогика, а также психология и педагогика ненасилия.

В 90-х гг. XX в. весьма острой проблемой стало насилие в семье, насилие над детьми и женщинами. Исследования показывают, что и в современном обществе дети являются одной из самых незащищенных категорий людей на нашей планете. Именно они часто становятся жертвами злоупотреблений, пренебрежения, эксплуатации.

Эксплуатация детей в проституции и порнографии – это глобальная индустрия, которой способствует нищета, алчность и спрос на дешевый секс. Причем такой секс по степени притока прибыли стоит на третьем месте после прибыли от наркотиков и оружия. При этом калечатся жизни миллионов мальчиков и девочек, как в богатых, так и бедных странах. Если в 70-е годы детская проституция была уделом стран Юго-Востока, то с начала 90-х она стремительно распространилась на страны Восточной Европы и страны СНГ. Непризнание данной проблемы властями и обществом в целом привело к тому, что проституция, сексуальная эксплуатация детей и подростков «помолодели». Следствием этого стало беспрецедентное распространение среди детей и подростков различных заболеваний, передающихся половым путем. Дети широко привлекаются для участия в порнофильмах, что также стало проявлением сексуального насилия и растления несовершеннолетних [122, с. 104–105]. Отмечено, что только проституция ежегодно губит 1 млн детей [133]. Так, в Финляндии и Швеции распространен специальный путеводитель по Санкт-Петербургу. В этом путеводителе указано, где и за какую цену в северной столице России можно найти мальчиков и девочек в возрасте от 8 до 12 лет для женщин и мужчин [133].

В силу расцвета информационных технологий данная ситуация усугубляется еще и тем, что весьма простым способом растления подростков становится доступный путь вхождения их на порнографические сайты Internet.

По мнению некоторых ученых, занимающихся этой проблемой, до сих пор в России не создана сеть помощи детям, пострадавшим от

жестокости обращения и насилия: не проводится профилактическая работа, недостаточно специализированных центров для оказания психологической помощи детям, пережившим сексуальное насилие, вузы страны не готовят психологов, социальных работников, специализирующихся по этой проблеме.

Некоторые аналогичные проблемы обнаруживаются и в Белоруссии. Так, по данным МВД по г. Минску на 1998 г., различным формам насилия подверглось 9528 человек из них 3441 – женщины (36% от общего числа). Из них: 29% – случаи насилия со смертельным исходом, 10% – нанесение телесных повреждений, 35% – разбойные нападения, 26% – изнасилования и хулиганские действия [76]. Однако, по детям и подросткам, пережившим различные формы насилия, статистических данных по территории Белоруссии до сих пор нет. В 1999–2000 гг. при работе с библиотечными фондами в г. Минске нами не было обнаружено ни одной научной работы по интересующей нас области. Даже несмотря на появляющиеся центры (например, социально-психологическая служба по предупреждению всех форм насилия над детьми при центре внешкольной работы Советского района г. Минска), общественные объединения (например, «Дети – не для насилия» г. Минск) и др. проблема остается нерешенной в районных и областных центрах. Ситуация эта усугубляется еще и тем, что психологи не владеют достаточными знаниями для работы с детьми и подростками при проведении судебно-психологических экспертиз по факту изнасилования или др. форм сексуального насилия.

В бывших странах распавшегося Советского Союза проблема сексуального насилия долгое время умалчивалась. И только в 1980–90-х годах, стали появляться исследования, посвященные сексуальному насилию. Так, в 1988 г. была защищена диссертация Л.П. Коньшевой «Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетних жертв изнасилования», также работа О.Ю. Михайловой (1985) «Жестокость как правовая и нравственно-психологическая проблема». Работа И.А. Захарьевой «Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования» была защищена в 2000 году. Также за последнее время вышел в свет ряд публикаций, посвященных этой проблеме: Н.К. Асанова, С.Н. Ениколопов, С.В. Ильина, И.С. Кон, Н.В. Курасова, В.В. Нагаев, Т.Я. Сафонова, О.Ю. Михайлова, Н.Д. Ярославцева и др.

Вместе с тем детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, справиться с ней призваны помочь многие специалисты, общественные организации и государственные структуры. С 2006 года вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях».

Изучение насилия, его причин и последствий сегодня выросло в самостоятельную проблему. Традиционно этот феномен интересовал ученых в контексте общих проблем человеческого существования. Его изучением в советской и постсоветской философии занимались А.А. Гусейнов, А.П. Назаретян. В советской и постсоветской психологии проблему агрессии и насилия изучают А.А. Реан, В.А. Ситаров, В.Г. Маралов, С.Н. Ениколопов и др.

Анализ исследований по проблемам сексуального насилия позволяет сделать вывод о том, что жертвами сексуального насилия нередко становятся люди, имеющие виктимные характеристики, в частности проблемы в области социальной коммуникации. На наш взгляд, особую роль в этом плане играют особенности социально-перцептивной сферы жертв сексуального насилия.

Таким образом, актуальность проблемы исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы психологических особенностей личности детей, переживших сексуальное насилие.

Цель исследования:

Изучить особенности социально-перцептивных образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.

Задачи исследования:

1. Выявить специфику социально-перцептивной сферы и таких личностных особенностей, как социально-психологическая адаптация, акцентуации, самоотношение и агрессивность подростков, перенесших сексуальное насилие.
2. Исследовать взаимосвязи Я-образов и образов «друга» и «недруга» в сознании подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие.
3. Сопоставить возрастные особенности Я- и Ты-образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.
4. Изучить гендерную специфику функционирования Я-, Ты-образов в сознании жертв сексуального насилия.

Предметом исследования явились структура и содержание Я-образов и образов «друзей» и «недрузгов» в сознании подростков и взрослых – жертв сексуального насилия.

Объект исследования: социально-перцептивная сфера подростков и взрослых, подвергавшихся сексуальному насилию.

Методы исследования:

1. Методы теоретического исследования: анализ монографий, статей и других научных публикаций, отражающих состояние проблемы изучения личности подростков, переживших сексуальное насилие.
2. Методы эмпирического исследования: опросник акцентуации личности К. Леонгарда – Х. Смишека; методика изучения самоотношений (В.В. Столин); методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А.П. Осницкого); методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда); методика изучения образа человека «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая)» (В.Л. Ситников).
3. Статистические методы обработки материалов исследования: частотный, корреляционный, ранжирование, статистическая оценка достоверности различий. При представлении использовался табличный метод.

Научная новизна работы

Выявлена специфика субъективного отражения и объективно определяемых психологических особенностей личности подростков, подвергавшихся сексуальному насилию.

Осуществлен сравнительный анализ Я-, Ты-образов трех групп подростков: а) перенесших сексуальное насилие; б) учащихся общеобразовательных средних школ; в) воспитанников школы-интерната.

Проведен сравнительный анализ и определена специфика структурных и содержательных характеристик социально-перцептивной сферы подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие.

Определена гендерная специфика социально-перцептивных образов подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие.

Практическая значимость

Разработанные в монографии положения, результаты, выводы могут быть использованы при организации учебно-воспитательной и психокоррекционной деятельности с подростками, при написании и составлении учебно-методических комплексов и программ. Используемый в данной работе комплекс методик может найти применение в деятельности социально-психологических служб различных учреждений для выявления потенциальных жертв сексуальных преступлений. Полученные данные могут быть использованы психологами в рамках проведения судебно-психологических экспертиз, а также при проведении дальнейших психологических исследований.

Глава 1.

Социально-психологические аспекты агрессии в отношении детей и подростков

1.1. История и современное состояние проблемы агрессии и насилия

В истории человечества насилие и агрессия издавна являлись одной из серьезных и трудноразрешаемых проблем.

Жестокое обращение с детьми и их эксплуатация давно известны. Углубляясь в историю, мы находим большое количество примеров насилия над детьми – жестоких избиений, сексуальных злоупотреблений и даже убийств. Дж. Л. Десперт (1965) отмечает, что дети были движимостью, собственностью, в связи с чем их родитель (владелец) обладал абсолютным контролем над их жизнью и смертью; они могли даже продаваться [7, с. 16].

Во времена Древней Греции и Рима, как отмечает Дж. Л. Десперт (1965), детей приносили в жертву ритуально, их сжигали на костре, в случае неполноценности выгоняли; иногда дети были орудием кровавой мести (убийство перворожденного). Права матерей о заботе и защите своего потомства не распознавались. В средневековье жизнь ребенка также ничего не стоила. Довольно широко было распространено детоубийство (инфантицид). Духовенство влияло на позиции по отношению к ребенку и его внутренней жизни. Его рассматривали как нежелательный результат половых отношений. Их избивали за малейшую провинность, чтобы «изгнать дьявола», называя «одержимыми». Телесные наказания, заброшенность детей, продажа их в рабство или крепостную зависимость находят свое отражение в истории [78, с. 16].

Филипп Ариес доказывал, что до конца XVIII века студентов относили к классу детей. Молодого человека могли называть «дитя» до тридцати лет. В то же время четырнадцатилетняя девочка рассматривалась уже не как подросток, а как юная взрослая женщина, которая может быть выбрана для воспроизведения потомства. Но если суженые назначались друг другу очень рано (могли быть помолвлены с семи лет), то сексуальное общение между детьми не запрещалось [28, с. 39].

В эпоху Возрождения семейное функционирование приобрело более зрелые формы – родители лишились патриархального права на жизнь и смерть своего ребенка. Здесь дети уже стали распознаваться как личности, а не только как подобие взрослых; стали уделять внимание образованию детей. Подчеркивались альтернативные дисциплинарные воздействия – проявления любви и собственный пример, а не только принуждение, страх и физические наказания. Однако и в

данную эпоху еще не упоминалось о последствиях, к которым могли привести действия взрослых.

В колониальной Америке от детей требовалось повиновение и покорность. Строгие правила поведения устанавливались для них в соответствии с господством гедонизма. Однако за всеми этими строгостями не было теплоты и нежности. Существовал обычай нанимать кормилицу, чтобы не заботиться о грудных детях и младенцах, что называлось «сдать в аренду». Практика «аренды» детей сохранялась в США до середины XX века [78, с. 17].

Даже в XVIII и XIX вв. в Европе детей отдавали в зависимость в работные дома. В своем исследовании о положении рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс, ссылаясь на отчет комиссии, созданной английским парламентом в 1833 году для обследования условий труда на фабриках, отмечал: «дети иногда начинали работать с пятилетнего возраста, нередко с шестилетнего, еще чаще с семилетнего, но почти все дети неимущих родителей, работали с восьмилетнего возраста; рабочее время у них продолжалось 14–16 часов». [78, с. 15]

Проведенные исследования в области изобразительного искусства приводят к выводу, что вплоть до XIII века искусство не обращалось к детям, художники даже не пытались их изображать, детские образы в живописи XII века встречаются лишь в религиозно-аллегорических сюжетах. Слово «ребенок» долго не имело того точного значения, которое придается ему сейчас. Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Безразличие по отношению к детству, по мнению Ф. Ариеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Признаком преодоления безразличия к детству, как считает французский демограф, служит появление в XVI в. портретов умерших детей. Их смерть переживалась уже как невозполнимая утрата, а не как естественное событие. Преодоление равнодушия к детям происходит, если судить по живописи, не раньше XVII в., когда впервые на полотнах художников начинают появляться портретные изображения реальных детей [78].

В литературе также можно проследить линии жестокого обращения. Например, в романах Чарльза Диккенса описываются ужасные условия, в которых работали дети. В начале XIX века было в порядке вещей, когда дети должны были работать наравне с взрослыми. «Иногда хозяин использовал длинные острые колья, чтобы маленькие полусонные работники не заснули и не упали с лестницы». Описания Ч. Диккенса привлекли внимание к бедственному положению детей, к отношению к ним как к движимости, к жесточайшей эксплуатации осиротевших детей, что стимулировало общественную реакцию к прекращению этих злоупотреблений.

Однако мнение, что младенцы и дети – всего лишь нечувствительная подвижность, которая не может реагировать на что-либо, сохранилось до начала 1990-х годов. Некоторые люди верили, что дети не способны чувствовать или помнить дурное обращение с ними. Эта позиция с трудом отмирает сегодня: свидетельство этому – распространенность различных форм жестокого обращения и пренебрежения детьми в нашем обществе [78, с. 16–18].

Не секрет, что акты насилия, совершавшиеся с древнейших времен, обнаруживаются и в наши дни. Так, жертвами агрессии тоталитарных режимов стали десятки миллионов детей и подростков [69, с. 110–121].

В настоящее время мы являемся свидетелями новой волны насилия, терроризма. С одной стороны, не затухают, а разгораются традиционные очаги насилия (Ближний Восток, Южная Азия и др.). С другой стороны, насилие распространяется на те регионы, где оно не было развито (Босния, Албания, Югославия и т.д.). Государственные границы России и Белоруссии также не являются преградой для распространения насилия [36, с. 98].

Насилие в самом широком его понимании как системообразующий элемент есть атрибут общественного устройства. И как атрибут этого устройства свойственно разным обществам и сопровождает любые социальные перемены [41, с. 140–149].

Так, государство может использовать насилие как способ принуждения по отношению к части граждан своей страны или по отношению к другим странам и их жителям [26].

Интенсивный рост насилия в американском обществе 90-х гг. XX в. стал действительно общенациональной проблемой. Социальные процессы, позволившие достичь экономического процветания, имели негативную обратную сторону. Господствующая в обществе мораль, основанная на спенсеровской теории сильной личности, благоприятствовала естественному отбору в области экономики, производство оказывалось в руках сильных личностей. Однако эта же мораль способствовала возникновению периодических вспышек социальной войны «всех против всех». Американский писатель Д. Болдвин отмечает, что многие американцы находятся и в настоящее время в состоянии сильной злобы.

По данным американского криминолога М. Грина, ежегодно двенадцати–девятнадцатилетние американцы становятся жертвами 1,9 млн изнасилований, ограблений, нападений. А исследования американского ученого Эрика Пулея, показывают, что 95% подростков в центральных районах Бруклина постоянно имеют при себе нож или огнестрельное оружие в целях самозащиты. И это, по мнению ученого, вполне оправданно, поскольку там каждые 90 мин. регистрируется убийство [45, с. 254].

В то же время в 90-х гг. весьма острой проблемой стало насилие в семье, насилие над детьми и женщинами. По мнению К. Бютнер, с вопросом о пережитом насилии как своеобразной «норме» тесно связана особая проблема, которая до сих пор еще не решена в практике защиты детей. Суть ее сводится к тому, что могут ли родители, испытавшие в детстве насилие от своих собственных родителей или живущие в системе насильственных по форме отношений, воспитывать своих детей с меньшим использованием насилия? Психиатр Чайм Ф. Шатан на примере спровоцированных людьми катастроф, таких как войны, придерживается той точки зрения, где опыт насилия и разрушения передается детям, даже когда родители открыто ни разу не истязали их (С.Ф. Shatan, 1984).

Мысль, что насилие в отношении детей представляет собой нечто вполне обыденное и может приводить к катастрофам не только в индивидуальных судьбах, но также в судьбах групп и даже обществ, находит свое подтверждение и в другой позиции. Наиболее радикальной представительницей ее является Алиса Миллер. Ссылаясь на свой опыт работы в качестве психоаналитика, она полагает, что воспитание неизбежно приводит к нанесению травм в результате применения физического и психологического насилия [23, с. 10–12].

Следует отметить, что явление жестокого обращения с детьми сравнительно недавно привлекло внимание психиатров, психологов, социальных работников и закона, когда С.П. Кемпе с соавт. (1962) описали «синдром избиваемого ребенка». В 1963 г. в штате Колорадо, была введена жестокая правовая норма, согласно которой родители несли наказание «за плохое обращение с ребенком». В 1963–1965 гг. во всех штатах США были утверждены законы, согласно которым медицинские работники обязывались сообщать о случаях насилия против детей, что, в конечном счете, предусматривало юридическую ответственность родителей при их злоупотреблении детьми, ускорило формирование детских психиатрических служб и развитие программ семейной поддержки. В этот период начались психиатрические исследования последствий избиения детей и первые психологические изучения родителей, жестоко обращающихся со своими детьми.

По данным официальной статистики, в 1977 г. в Нью-Йорке таких случаев было 5930, из них 77 со смертельным исходом. Кроме того, о случаях с 18309 детьми сообщалось как о пренебрежении. Цифры, отражающие 20-кратное увеличение случаев жестокого обращения с детьми за 13-летний период, свидетельствовали об улучшении в процедурах сообщения о фактах насилия над детьми, а также о действительном увеличении инцидентов жестокого обращения с детьми в стране.

Р.Дж. Лайт (1973) на основании данных обзора Д. Гил (1965) и статистики переписи США (1970), предположил, что ежегодно соверша-

ется 200–500 тыс. случаев физического насилия над детьми. На основании оценки Департамента социальных служб штата Нью-Йорк о процентном соотношении случаев пренебрежения и сексуальных злоупотреблений против детей среди населения, Р. Дж. Лайт (1973) предположил, что в стране ежегодно происходит от 465 тыс. до 1 млн 175 тыс. таких инцидентов. Распространенность всех видов дурного обращения определялась в соответствии с верхней границей предположения – 1 млн 500 тыс. случаев в год. Эти цифры были подтверждены Д. Бишеровым (1975) на основании статистического анализа, проведенного Национальным центром по злоупотреблению и пренебрежению детьми, из них от 2 тыс. до 4 тыс. со смертельными исходами. В 1973 г. в Канаде произошел резкий поворот, связанный с проблемой злоупотребления детьми. Это побудило к развитию системы помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения. В 80-х годах в США и Канаде было проведено 3 крупных исследования распространенности жестокого обращения с детьми: Д. Финкельхор (1984) и Д. Рассел (1986) – в США; Р. Бэджин с соавт. (1984) – в Канаде [7].

По данным независимой благотворительной организации «Сестры» (центр помощи пережившим насилие), в США каждые 6 мин. происходит изнасилование. Каждые 7 сек. в этой стране имеет место акт насилия в семье [19, с. 37–38]. Однако насилие не является чисто американской проблемой. М. Родуэн и Г. Аббарбанела в книге «Как это бывает» приводят цифры о размахе насилия над женщинами в развитых западных странах. В Канаде и Великобритании каждая шестая женщина становится жертвой изнасилования. В Голландии и Норвегии каждая третья женщина была объектом сексуальных притязаний и насилия в детстве или подростковом возрасте. В Германии ежедневно подвергаются насилию 4 тыс. женщин [Цит. по: 25]. В США эта ситуация еще драматичнее: около 1 млн половых преступлений совершается в этой стране в отношении детей. Жертвами порнобизнеса становятся тысячи детей в возрасте 7–12 лет [45, с. 255–256].

В 1996 году весь мир шокировали цифры, обнародованные на первом международном конгрессе в Стокгольме, посвященном проблемам защиты детей от сексуальных притязаний, от использования их в порнобизнесе и проституции, где было отмечено, что только проституция ежегодно губит 1 млн детей [133].

Подобных исследований, как в России, так и в Белоруссии практически не проводилось. Отмечается лишь, что С.Я. Долецкий как хирург, занимаясь изучением избиваемых детей, описал «синдром опасного обращения с детьми» – под таким названием это явление вошло в нашу литературу [7, с. 19].

Считается, что любому цивилизованному обществу надлежит строго оберегать честь, достоинство и неприкосновенность детей,

подростков, женщин как символ собственной чести, где эффективность этой защиты выступает показателем его защиты. Существующий строй сексуальных отношений охраняется не только с помощью уголовного кодекса, но главным образом путем воспитания нравственных чувств, формирования культуры общения и межличностных отношений [6].

К сожалению, следует признать, что в последнее время существенные негативные изменения произошли в нравственном состоянии общества. В настоящее время ухудшающиеся условия жизни семьи, падение ее нравственных устоев, способствуют одновременно изменению отношения к детям, вплоть до их полного «вытеснения» из семьи, что приводит к детской проституции и сексуальному насилию [110], [121].

По имеющимся данным, 20% уличных проституток являются несовершеннолетними (от 13 до 17, средний возраст – 15,3 лет), причем половую жизнь они начинали в среднем в 13,1 лет [106, с. 24]. По результатам опроса 1240 человек, проводимого Д.Е. Немировским, оказалось, что 1,6% респондентов полагают возможным для себя заниматься проституцией ради заработка денег. 1,5% несовершеннолетних могут осуществить этот путь под влиянием компании; 1,3% допускают возможность такого поведения под влиянием алкоголя, наркотиков; 1,5% опрошенных считают, что ситуация, когда придется заниматься проституцией, может возникнуть при защите себя и близких; 0,8% готовы идти «на панель» от скуки. 1,6% городских школьниц назвали такой побудительный мотив, как любопытство. Более того, авторы отмечают, что помимо омоложения проституции наблюдается также активный приток не только девочек младшего школьного возраста, но и мальчиков, в основном за счет бродяжничающих детей [137, с. 129–143].

По данным Информационного Центра МВД, в России ежегодно около 2 тыс. детей подвергаются сексуальному насилию. Как отмечают сами специалисты МВД, эти цифры не отражают реального положения дел, так как регистрируют только те случаи насилия, когда преступники были арестованы и понесли заслуженное наказание [75, с. 59–79]. В продолжение этого в аналитическом докладе «Социальное сиротство в современной России» А.А. Реан ссылается на анализ статистических данных ГИЦ МВД России, где выражена позитивная динамика снижения таких преступлений с 1998 года. Однако, как отмечает он, подобное благополучие было достигнуто, с одной стороны, принятием закона, снижающего возраст несовершеннолетнего, вступление с которым в сексуальное отношение может преследоваться законом с 16 до 14 лет, что, по сути, «легализует» детскую проституцию и способствует ее распространению. А с другой стороны, масштабы

этого явления таковы, что уже не только не шокируют общественность, но и вызывают определенную степень привыкания со стороны тех государственных учреждений и общественных институтов, которым вменяется защита и охрана детства, воспитание и образование детей [107, с. 42].

Как отмечает Л. Ефимова, к сожалению, у нас в стране как общественность, так и политическая элита еще недопонимают значения законодательного обеспечения защиты нравственности и психического здоровья детей и подростков от неблагоприятного воздействия средств массовой информации, и особенно телевидения [35, с. 17–19], [121].

Актуальность проблемы сексуального насилия обнаруживается и при изучении других статистических данных. Так, рост заболеваемости сифилисом среди детей отмечался с 1991 по 1997 г. и составил 94,1%. В 1997 г. более 55% школьников 12–14 лет заразились сифилисом и 66,7% – гонореей при половых контактах. В 1999 г. по сравнению с 1997 г. заболеваемость сифилисом детей до 14 лет снизилась на 19%. Вместе с тем число детей до 3 лет с врожденным сифилисом возросло на 4,6% [142, с. 16].

Можно предположить, что число детей, пострадавших от сексуального насилия, растет из года в год. По мнению отечественного ученого И.С. Кона, первый источник данных о распространенности этих явлений – криминальная статистика обычно преуменьшает их число, т.к. большая часть их остается милиции неизвестной. Например, из 785 позвонивших (1993) в Санкт-Петербургский центр помощи пострадавшим от сексуального насилия (из них 427 моложе 18 лет), в правоохранительные органы обращались только 37 человек, что составляет менее 5% [56, с. 58–66].

Т.Я. Сафонова в докладе «Реабилитация детей, пострадавших от жестокого обращения, в условиях приюта» на 1 Московской международной конференции «Службы психического здоровья в раннем развитии ребенка» (1995) отмечала, что «очень трудно определить, сколь распространено сексуальное насилие. По нашим ориентировочным данным, основанным на официальной статистике, органы внутренних дел ежегодно регистрируют 7–8 тыс. случаев сексуального насилия над детьми, по которым возбуждены уголовные дела. Но, учитывая очень высокую латентность, т.е. невыявляемость этих случаев, реальное число детей, которые страдают от сексуального насилия, достигает величин, по меньшей мере, в десять раз больших. Однако эти величины могут быть и выше, ведь, по материалам телефона доверия для лиц, перенесших сексуальное насилие, только одна жертва из ста обращается в милицию» [111, с. 275–276].

Особенность российской, как отмечает Н.К. Асанова, ситуации состоит также и в том, что обсуждение проблем насилия над детьми,

как и в целом насилия против личности, до недавнего времени, было запретным. Отдельные случаи, которые все же становились достоянием средств массовой информации, трактовались как случайные. Лишь теперь общество начинает осознавать и «приспосабливаться» к масштабам этой проблемы.

Отмечено, что в настоящее время практически не существует системы оказания помощи детям, пострадавшим от различных форм насилия. Она переживает только начальный период своего становления. Для претворения в жизнь таких программ необходимы подготовленные кадры. До недавнего времени в России не велась подготовка специалистов, работающих с данным контингентом детей и подростков, их семьями, не было методической литературы и образовательных программ, статистики, опросов общественного мнения. В Белоруссии (в частности в районных и областных городах) этого нет и сейчас.

Вместе с тем явления насилия над детьми особенно распространены в определенных социальных группах населения, в семьях «риска», живущих в условиях нищеты, в зонах военных бедствий и катастроф. Эти вопросы, как и проблемы, собственно, социальной (общественной) профилактики жестокого обращения с детьми, не входят в учебные программы подготовки специалистов (юристов, психологов, педиатров, психиатров, невропатологов, педагогов), руководящих кадров и политиков, что очень важно в русле быстро меняющихся социально-экономических и политических условий для оказания помощи детям.

Количество ученых и инициативных групп, занимающихся исследованиями в этой области в России, тоже невелико. В Белоруссии их практически нет. Даже если и находятся заинтересованные лица, ведущие работу в этой области, то их деятельность приостанавливается из-за интеллектуального тупика. Также выражена межведомственная разобщенность в проведении исследований, нет единого понятийного аппарата между детскими специалистами разных направлений.

Таким образом, жестокое обращение и пренебрежение детьми в настоящее время считается одной из острейших проблем общественного здоровья и ведущей причиной детского травматизма, детской смертности во многих странах. Рост насилия в отношении детей обнаруживает связь с общим возрастанием насилия в обществе, ростом случаев насильственных преступлений, делинквентности, суицидов и несчастных случаев с летальным исходом [7, с. 21], [142, с. 5].

Первым международным документом, закрепляющим понятие «права детей», стала Женевская декларация прав ребенка (1924). Затем положение об особой помощи детям было закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948). Начиная с 1990 года, ориенти-

ром гуманного подхода к детям во многих странах мира стала Конвенция о правах ребенка. Таким способом мировое сообщество взрослых попыталось вплотную приблизиться к осмыслению проблем детей [118, с. 3].

Осознав глубину проблемы, стали активно действовать и общественные организации России. В сентябре 1993 г. вышел указ Президента РФ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав», где впервые рассматривается создание приютов как основа профилактики детской безнадзорности. В настоящее время создаются первые кризисные центры для детей, ставших жертвами насилия. Например, Московский независимый благотворительный центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры»; Московский психолого-медико-социальный центр помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения и насилия; Санкт-Петербургский центр помощи пострадавшим от сексуального насилия. Однако, как правило, жертвам и их семьям предоставляется очень ограниченный ассортимент консультативных услуг.

В решение этой социальной проблемы включился комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы, который выступил в начале 1995 г. инициатором разработки закона о предотвращении насилия в семье. Начато обсуждение положения о кризисных центрах помощи людям, пережившим насилие. Показательно, что в 1995 г., по данным официальной статистики по Российской Федерации, было совершено 791 тыс. «родственных» преступлений, связанных с насилием против личности: из них 641 тыс. – случаи, когда жертвами становились девушки и женщины, 131 тыс. – старики, 17 тыс. – дети. Около 2 млн детей ежегодно попадают под тяжелую родительскую руку. Каждый десятый ребенок гибнет, 2 тыс. кончают жизнь самоубийством, более 50 тыс. уходят из дома [7, с. 6–7].

Имеющиеся статистические данные, опубликованные В. Собкинским и Н. Кузнецовой, показывают стремительное распространение венерических заболеваний на всем постсоветском пространстве. Характер распространения венерических заболеваний в подростковой среде позволяет оценивать эту ситуацию как близкую к эпидемиологической. Так, к основным выводам относится то, что именно мужчины более старшего поколения являются по преимуществу трансляторами венерических заболеваний в молодежную среду. Причем предполагается, что в самой молодежной и подростковой среде заболевание преимущественно транслируется от девушек старшего возраста не только к своим сверстникам, но и к младшим подросткам. Таким образом, делается предположение о существовании возрастной волны в трансляции венерических заболеваний: от старших мужчин к девушкам и от девушек к младшим юношам и подросткам [119, с. 20–21].

Отмечено, что проституцией («сексом за деньги») в целом, с той или иной частотой, занимаются 5,7% молодежи в возрасте 12–22 года (примерно 625 тыс. чел.). Так, в одном из исследований обнаружен факт начала ведения сексуальной жизни в среднем с 15,3 лет: юноши с 14,8 лет, девушки – 15,8 лет. Показательно, что средний возраст начала сексуальной жизни за прошедшие 10–11 лет снизился примерно на 3,5 года; в 1991 г. составлял 16,3 года, а в 2001 г. – 12,6 лет. Определено и то, что материальное благополучие молодежи в некоторой степени влияет на занятие проституцией. Все те, кто занимается «сексом за деньги» из состава живущих в нищете, а также из состава живущих в состоятельных семьях (две полярные группы) являются профессиональными путанами. Первые – из-за нищеты, вторые – либо строят таким образом свое благополучие, либо имеют к проституции предрасположенность и занимаются этим в свое удовольствие. Территориально показатель профессиональной проституции среди молодежи наиболее высок в Санкт-Петербурге и Новгороде.

Также значимость доли занимающихся «сексом за деньги» в составе молодежи обнаруживается в Москве, Калининграде, Нижнем Новгороде, Владимире, Саратове, Омске, Владивостоке [141, с. 13].

Как отмечает В.В. Абраменкова и др., растущая в обществе либерализация половой морали, ослабление роли семьи, фактическая легализация СМИ половых извращений, с одной стороны, в частности распространение порнографии через различные издания, в том числе ориентированные и на детскую аудиторию; а также теле- и видеофильмов, компьютерных игр – с другой, не только ориентируют подростков на ранние сексуальные связи, но и активно стимулируют интерес мальчиков и девочек к занятиям проституцией и совершению половых преступлений [1, с. 103–120].

1.2. Концепции изучения агрессии, жестокости и насилия

Результатом реакции ученых на беспрецедентный рост агрессии явилось множество статей и книг. Однако в этой сложной области еще остались неразрешенные проблемы. Одной из них являются варианты определений понятий «агрессия», «жестокость» и «насилие».

К настоящему времени «разброс» этих определений дает возможность рассмотрения их с точки зрения различных отраслей научного знания, направлений, подходов, теорий. Так, например, дифференциация агрессии по признакам видовых или индивидуальных особенностей человеческой агрессии [138, с. 10]. Или рассмотрение феномена агрессии с точки зрения этико-гуманистического подхода и эволюционно-генетического, обуславливание агрессии социоонтогенетической детерминацией [105, с. 225–248]. В обобщенном же виде, в

сущности, имеются в виду основные теоретические подходы: этологический, психоаналитический, фрустрационный, бихевиоральный.

Рассматривая этологический и психоаналитический подходы к пониманию агрессии и агрессивности, в них зримо проявляется биологизаторское понимание агрессивности как врожденного инстинкта. Этологи рассматривают как спонтанную врожденную реакцию. Это мнение нашло свое выражение в работах К. Лоренца (1966). Согласно К. Лоренцу, природа человеческой агрессивности инстинктивна, связана с борьбой за выживание [146, с. 20–36].

Между тем преувеличение роли инстинктивных механизмов в поведении людей можно наблюдать у многих представителей психоанализа, в том числе у самого З. Фрейда. Именно ему принадлежит заслуга превращения агрессии и агрессивности в объект научного психологического анализа. В частности, развитие взглядов З. Фрейда привело к созданию фрустрационных концепций агрессии.

В одной из них агрессия – это результат действия фрустраторов, т.е. непреодолимых барьеров, стоящих на пути к достижению цели, вызывающих состояние растерянности, или фрустрации. Интерес к изучению фрустрации и ее связи с агрессией был вызван опубликованной в 1939 г. фрустрационно-агрессивной гипотезой. Эта гипотеза, разработанная группой психологов Йельского университета (США) во главе с Д. Доллардом (1932), опирающаяся на работы З. Фрейда и К. Левина, утверждала, что агрессия всегда следует за фрустрацией. Если организм подвергается воздействию фрустрации, то он всегда на это реагирует агрессией, и что не существует такой агрессии, которая возникает не на почве фрустрации.

В отличие от психоаналитиков и этологов сторонники поведенческого подхода (например, Л. Берковиц) опираются преимущественно на данные контролируемых лабораторных экспериментов. Следует отметить содержащиеся в данном подходе следующие важные положения:

- во-первых, учет различий между отдельными видами агрессии;
- во-вторых, разведение таких личностных свойств, как агрессивность и враждебность;
- в-третьих, роль негативной модели поведения, которая является как источником, так и стимулом агрессивного поведения;
- в-четвертых, неоднозначность результатов применения наказания как способа подавления агрессии.

Наиболее известным представителем поведенческого подхода к агрессии является Арнольд Басс (1961). Он определяет фрустрацию как блокирование процесса инструментального поведения и вводит понятие атаки-акта, поставляющего организму враждебные стимулы. При этом атака вызывает сильную агрессивную реакцию, а фрустрация – слабую.

Он предлагает классификацию агрессии по трем шкалам. Первая – активная-пассивная; вторая – физическая-вербальная; третья – прямая-косвенная [30, с. 60–72], [112, с. 30].

Комбинирование этих форм дало ему возможность выделить 8 видов агрессивного поведения.

В свою очередь примером активной физической прямой агрессии является нанесение телесных повреждений, а активной физической косвенной – нанесение телесных повреждений заместителю жертвы. Примером же активной вербальной прямой агрессии является нанесение оскорблений, а активной вербальной косвенной – злословия.

Таким же образом представляется и пассивная агрессия. Пассивная физическая прямая агрессия рассматривается на примере противодействия, а пассивная физическая косвенная – на примере негативизма. В свою очередь примером пассивной вербальной прямой является отказ разговаривать или говорить, а примером пассивной вербальной косвенной – несогласие, несоглашательство [30, с. 64].

Рассмотрение данного вопроса, по нашему мнению, будет обдано в том случае, если мы не коснемся позиции Э. Фромма. Следует отметить, что Фромм находился под сильным влиянием идей З. Фрейда, который придерживался того, что агрессивные побуждения являются врожденными и потому неизбежными. Э. Фромм приходит к выводу, что Фрейд не столько прояснил, сколько завуалировал феномен агрессии, распространив это понятие на совершенно разные типы агрессии, и таким образом все эти типы к одному-единственному инстинкту. Поэтому фрейдовский физиологический принцип объяснения человеческих страстей Э. Фромм заменяет эволюционным социобиологическим принципом историзма [151].

Исходной посылкой фроммовской теории деструктивности является положение о некорректности сравнения человека с животным. Он говорил: «Человек отличается от животных именно тем, что он убийца. Это единственный представитель приматов, который без биологических и экономических причин мучит и убивает своих соплеменников и еще находит в этом удовольствие» [134, с. 15], [151].

Э. Фромм критикует два крайних научных направления: инстинктивизм и бихевиоризм. По мнению исследователя, одинаково заблуждаются как те, кто видит истоки агрессивности лишь в биологических инстинктах, так и те, кто отрицает значимость этих инстинктов и интерпретирует человека как марионетку социальной среды.

Ученый считает, что агрессивность – достаточно сложный феномен, компоненты которого имеют разную генетическую природу и различную причинную обусловленность: «Если обозначить словом «агрессия» все «вредные» действия, т.е. все действия, которые наносят ущерб и приводят к разрушению живого или неживого объекта

(растения, животного и человека в том числе), то тогда, конечно, поиск причин утрачивает свой смысл, тогда безразличен характер импульса, в результате которого произошло это вредное действие. Если назвать одним и тем же словом действия, направленные на разрушение, действия, предназначенные для защиты, и действия, осуществляемые с конструктивной целью, то, пожалуй, надо расстаться с надеждой выйти на понимание «причин», лежащих в основе этих действий» [134].

Дифференцируя исследуемый феномен, Э. Фромм выделяет поведение, связанное с обороной, ответной реакцией на угрозу. Это поведение он называет агрессией (или доброкачественной агрессией). Механизм доброкачественной агрессии передается человеку генетически, у человека и у диких зверей он практически аналогичен. Эту агрессию ученый называет доброкачественной потому, что смысл, заложенный в нее природой, заключается в сохранении жизни. Согласно наблюдениям биологов данный вид агрессии достаточно редко ведет к уничтожению соперника (ее главная функция в отлучении нападающего) [151].

Злокачественная агрессия проявляется как человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать. По Э. Фромму, это и есть деструктивность. Ее природа социальна. Истоки деструктивности в пороках культуры и образа жизни человека. Ни у животных, ни у далеких предков человека (первобытных охотников и собирателей плодов) деструктивность не выявлена. Как утверждает Э. Фромм, в отличие от животных человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению и вне связи с удовлетворением потребностей. Э. Фромм обнаружил и доказал, что биологически запрограммированной у человека является лишь оборонительная агрессия. Наиболее крайнее проявление жестокости – деструктивность – социальный продукт. И если это так, то злокачественная агрессия не может считаться неискоренимой [45, с. 149–155].

С. Фишбах (1964) видит основную разделительную черту между различными типами агрессии в том, какой характер носят эти агрессии: инструментальный или враждебный. Враждебная агрессия, по его мнению, направлена на причинение боли и ущерба жертве, ее можно рассматривать в качестве агрессии во имя агрессии. Инструментальная агрессия направлена на достижение цели, причем причинение ущерба не служит этой целью, хотя и не обязательно избегается. Помимо этого, он ввел одну переменную, связанную с мотивированием поведения. На основании чего он выделяет 3 типа агрессивного поведения:

– *враждебная агрессия* – имеет целью причинить другому субъекту неприятные или психологические ощущения;

– *инструментальная агрессия* – целью такого поведения является не само причинение вреда другому субъекту, а решение определенной проблемы;

– *экспрессивная агрессия* – является формой выражения себя с помощью применения насилия.

Основной критерий построения классификации Д. Зиллмана – позиция агрессора по отношению к жертве и их взаимоотношениях по схеме «стимул–реакция». Так он выделил 8 типов агрессивного поведения:

– *наступательная агрессия* – нанесение физических или психических повреждений другому, который не применял по отношению к нему насилия;

– *защитная агрессия* – нанесение повреждений другому субъекту в ответ на применение им насилия;

– *ответная* – нанесение повреждений другому субъекту с целью отмщения за нанесение ему этим субъектом повреждения;

– *спровоцированная агрессия* – подвергание атакующего нападению или другим действиям, которое повлекло за собой его ответные агрессивные действия;

– *непровоцированная агрессия* – агрессивные действия нападающего по отношению к жертве, не вызванные никакими поступками жертвы, которые могли бы подтолкнуть нападающего на такие действия;

– *агрессия, вызванная раздражением* – агрессивные действия, первичная функция которых редуцирование или снятие состояния раздражения;

– *побудительная агрессия* – агрессивные действия, первичная причина которых получение внешней стимуляции;

– *санкционированная агрессия* – агрессивные действия, служащие социальным нормам и не выходящие за их рамки [30, с. 65].

Есть и другие формальные деления, например, на агрессию групповую и индивидуальную. Так, тот факт, что агрессия совершается одним человеком или целой группой, при противозаконном поведении влияет на меру наказания.

В свою очередь, психопатология интересуется садистской агрессией, она рекомендует деление в зависимости от степени связи между агрессивными и сексуальными импульсами, которые в случае необходимости можно с достаточной объективностью получить в ходе физиологических измерений в лаборатории.

Таким образом, анализ различных подходов убеждает в целесообразности понимать агрессию как целенаправленное разрушительное поведение. Противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевлен-

ным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряжения, страха, тревоги, подавленности и т.п.). В прямом смысле слова – это нападение по собственной инициативе с целью захвата. Вместе с тем, это такое состояние, которое может включать в себя не только прямое нападение, но и угрозу, желание напасть, враждебность.

Разделение агрессии мы также встречаем в работах американского психолога Дэвида Майерса. Он считает, что агрессия – это физическое или вербальное поведение, направленное на причинение вреда кому-либо. И отмечает, что сюда не относятся дорожно-транспортные происшествия, причинение боли во время лечения зубов, непреднамеренные столкновения на тротуарах. Под это определение подпадают рукоприкладство, приемы оскорбления и даже «дразнилки» [66, с. 485].

Американские исследователи феномена агрессии – Роберт Бэрон и Дебора Ричардсон предлагают такое определение. «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбления или причинения вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения». Данное комплексное определение включает в себя следующие частные положения:

1) агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное причинение вреда жертве;

2) в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда или ущерба живым организмам;

3) жертвы должны обладать мотивацией избегания подобного с собой обращения [22, с. 53–54].

Попытка определить агрессию с позиции лексического значения обусловлена тем, что само слово «агрессия» имеет корни в латинском «adgradi» («ad» – «на», «gradus» – «шаг»), т.е. «на-ступать». «Толковый словарь современного русского языка» С.И. Ожегова дает следующее определение: «агрессия – это открытая неприязнь, вызывающая враждебность». Словарь французского языка Поля Робера определяет агрессию как «нападение на индивида с использованием силы». Оксфордский словарь английского языка – как «неспровоцированное нападение на индивида» [Цит. по: 30, с. 63]. Таким образом, можно констатировать, что все вышеприведенные определения близки по смыслу.

В то же время многие авторы разводят понятия агрессии как специфической формы поведения и агрессивности как психического свойства личности. Агрессия трактуется как процесс, имеющий специфическую функцию и организацию; агрессивность же рассматрива-

ется как некоторая структура, являющаяся компонентом более сложной структуры психических свойств человека.

С понятием «агрессия» тесно связано понятие «насилие». Л. Берковиц, ссылаясь на определение Мюррея Страуса, трактует понятие «насилие» как действия, вызывающие физическое повреждение или же способные его вызывать. [8, с. 293]. По мнению В.А. Ситарова, В.Г. Маралова насилие – это форма принуждения со стороны одной группы (одного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения определенных выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства [114, с. 28]. Г.Н. Киреев в отношении насилия говорит об «особом типе отношений между людьми, сложившемся на основе противоположного отношения к природным, объективным условиям их существования насилие существует там, где имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ней...» [47, с. 103]. Немецкий ученый Вальтер Хорнштайн вообще «насилие» сводит к понятию «насильственные действия» и уже потом дробит его на определения. Так, он выводит 3 составляющие: а) *согласие на насилие* (имеется в виду оправданность насилия, считающегося правильным, использующегося для достижения своих целей); б) *готовность к насилию* (уместно тогда, когда нужно выразить готовность добиваться своей цели путем насилия); г) *насильственные действия* (фактически совершенное насилие, его использование) [153].

С.Н. Ениколопов, проводя анализ понятиям «агрессия» и «насилие», отмечает следующее: «В широком смысле слова насилие определяется как «применение физической силы к кому-нибудь; принудительное воздействие на кого-, что-нибудь»; «принуждение... действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное». А также отождествляет его с английским словом «violence» и с идентичным ему по форме и смыслу французским «la violence». Этимологические корни слова «violence» – в латинском «violentia», обозначающем «грубая сила». Словарь современного французского языка П. Робера объясняет слово «violence» как «грубую мощную силу, принуждающую к подчинению», а Оксфордский словарь английского языка – как «применение физической силы с целью нанесения повреждений людям или предметам; действия или поведение, характеризующиеся вышеперечисленными чертами; обращение, приводящее к телесным повреждениям или к силовому вмешательству в свободное развитие индивида» [Цит. по.: 30, с. 60–61].

Также насилием считается всякое действие, угрожающее физической, психологической или моральной целостности индивида. Данное утверждение было принято на заседании ЮНЕСКО в 1971 году. Более того, анализ, проведенный в США Национальной комиссией по изучению причин и предупреждению насилия, показал, что исследова-

тели все чаще рассматривают насилие как намеренное использование физической силы против других людей, причинение боли, обиды, физического стеснения (ограничения) как угрозы или наказания для того, чтобы вынудить людей совершать нежелательные для них действия.

Итак, по мнению С.Н. Ениколопова, существует масса различных определений насилия, но практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможен. Угроза насилия также является насилием.

Под основными потребностями понимаются: а) потребность выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием этой потребности – нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание – отчуждение); г) потребность свободы (отрицание – репрессии).

Один из исследователей проблем мира и насилия Й. Галтунг выделил три формы насилия: прямое, структурное и культурное.

Наиболее явным и доступным для эмпирического наблюдения является прямое насилие со всеми видами жестокости, проявляемой людьми друг к другу, к другим формам жизни и природе в целом. По отношению к перечисленным выше потребностям прямое насилие проявляется в следующих формах: а) убийство; б) телесные повреждения, блокада, санкции, нищета; в) десоциализация из собственной культуры и ресоциализация в другую культуру (например, запрещение родного языка и навязывание другого), отношение к людям как гражданам второго сорта; г) репрессии, задержание, изгнание.

Структурным наследием являются: а) эксплуатация типа А, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезни; б) эксплуатация типа Б, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни; в) внедрение в сознание, ограничение информации; г) маргинализация, разобщение.

Под культурным наследием Й. Галтунг предлагает рассматривать те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой (логикой и математикой), которые могут быть использованы для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия.

Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинают выглядеть и восприниматься как справедливое, или, во всяком случае, недурное дело.

Три вида насилия имеют базовое различие во временном отношении. Прямое насилие имеет характер события; структурное – про-

цесса с подъемами и спадами; культурное насилие – инварианта, «перманентности», оставаясь по существу неизменным на долгие периоды с медленной трансформацией базовой культуры. Можно установить каузальную связь от культурного через структурное к прямому насилию. Культура проповедует, учит, заставляет рассматривать эксплуатацию и репрессии в качестве нормальных и естественных явлений или не замечать их вовсе.

Изучение культурного насилия проливает свет на то, каким образом акт прямого насилия и факт структурного насилия легитимизируются и становятся приемлемыми в обществе.

Один из способов функционирования культурного насилия состоит в изменении моральной окраски действия с несправедливой на справедливую или же, по крайней мере, на приемлемую (например, убивать во имя страны, нации – справедливо, убивать ради себя – несправедливо) [30], [153].

Исходя из проведенного С.Н. Ениколоповым анализа по интересующей нас теме, отмечается, что достаточно большой рост насильственных действий в обществе тесно связан с крупными и резкими социальными переменами (например, модернизация страны) и, соответственно, со связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества, которые заставляют людей обратить внимание на свои индивидуальные проблемы [30, с. 61–62].

Похожую позицию по этому вопросу можно обнаружить у Т.В. Шипуновой. В принципе ее позиция согласуется с нашими представлениями о фабуле рассматриваемых вопросов. Сущность ее заключается в том, что насилие – это причинение вреда или стремление причинить вред. Насилие выступает как инструмент агрессии, эти два явления оказываются связанными между собой как цель и средство. Однако недостаточно, по ее мнению, определять насилие как причинение вреда или желание причинить вред. Такое определение подходит лишь для чисто биологического уровня жизни. Но человек – это социобиологическое существо, отличающееся от других животных более развитым мышлением. Прогресс рационального влечет за собой (кроме положительных моментов) поиск более изощренных и завуалированных (а потому – более опасных) форм насилия – индивидуального и социального. При этом на первый план выходят не столько объективные последствия внешнего насильственного воздействия на индивида (хотя при определенных условиях они играют решающую роль, например, при оценке деяния, направленного против психологически или социально незрелой личности), сколько его субъективная оценка. Поэтому насилие – это воздействие на человека или социальную систему с целью изменения их параметров (физических и/или психологических), оцениваемое по объективным критериям или субъек-

активно как причиняющее или способное причинить вред. В качестве вреда могут выступать такие временные или постоянные характеристики, как материальный ущерб, подрыв здоровья, психологический дискомфорт, психические расстройства и т. д. [144, с. 11–19].

Считается, что физическая агрессия и жестокость – формы наиболее прямого проявления разрушительного поведения человека.

Д. Ольвеус утверждает, что явление жестокости сводится: а) к агрессивному поведению или умышленному «нанесению вреда»; б) которое осуществляется «неоднократно и в течение какого-то времени»; в) в межличностных взаимоотношениях, характеризующихся дисбалансом сил. Жестокое поведение часто возникает без видимых провоцирующих причин. Это определение, по Ольвеусу, поясняет то, что жестокость может рассматриваться как форма оскорбления.

Также он отмечает, что полезно провести различие между прямой жестокостью (преследованием, относительно открытыми нападениями на жертву и косвенной жестокостью) и преследованием в форме социальной изоляции и умышленного исключения из группы. Из вышесказанного, жестокость – это подкатегория агрессии, или агрессивного поведения, которое в свою очередь определяется как «поведение, направленное на причинение вреда или дискомфорта другому индивиду». Таким образом, жестокость – это агрессивное поведение с определенными специфическими характеристиками, такими как неоднократность и асимметричные силовые взаимоотношения. Это разъясняет тот факт, что бывает много видов агрессивного поведения, не подпадающих под определение жестокости: например, когда возникает конфликт и агрессивное взаимодействие 2-х лиц приблизительно равных физических или умственных возможностей или когда человек, стоящий в очереди в ресторане, словесно или физически нападет на другого человека, которого он прежде никогда не видел.

Определения «насилие» и «поведение, характеризующееся насилием», часто используются как синонимы определения «агрессивное поведение». Однако, Ольвеус утверждает, что данная трактовка неудача, и насилие (поведение, характеризующееся насилием) должно быть определено как «агрессивное поведение, где действующее лицо, или нарушитель (нарушительница) использует свое собственное тело или предмет (включительно оружие) для того, чтобы причинить вред (относительно серьезный) или дискомфорт другому лицу» [80, с. 117–147]. Словарное значение термина «насилие» очень похоже, включая применение физической силы или власти. Стоит также отметить, что определение правонарушений с применением насилия в уголовном праве (включая убийство, нападение с отягчающими вину обстоятельствами, угрозу физического насилия, кражу и изнасилование) основываются на тесно связанных между собой понятиях. Подобно жестоко-

сти, делает вывод Ольвеус, насилие является подкатегорией агрессивного поведения, но со своими собственными специфическими характеристиками. Он предлагает рассмотреть взаимосвязь данных понятий на диаграмме Венна. Агрессия, агрессивное поведение – это общее, всеохватывающее понятие (сфера его применения обозначена большой, внешней окружностью), в то время как жестокость и насилие, поведение, характеризующееся насилием, являются подкатегориями агрессивного поведения), занимая меньшие сферы применения внутри большого круга). Объединение части жестокости и насилия может рассматриваться как частичное совпадение насилия и жестокости.

Объединенная часть определяет ситуации, в которых жестокость осуществляется путем физического насилия или контактов либо выражается иначе, когда физическое насилие используется в контексте жесткого отношения (например, нанесение ударов, избивание ногами, толкание и т.п.) в ситуациях, где применены общие критерии жестокости. Также здесь можно представить, что существует много видов жестокости без применения физического насилия (например, оскорбление словами, жестами, умышленное исключение из групп и т.п.). И точно так же есть много видов насилия, которые не могут быть охарактеризованы как жестокость (например, случайная драка на школьном дворе или ссора по пустякам между незнакомыми пьяными людьми, стоящими в очереди в ресторан) [80, с. 117–147].

Иное осмысление и определение жестокости дает Г.Р. Чернова. Отдавая должное фроммовской концепции деструктивности, она выявляет противоречие, сущность которого сводится к рассмотрению разных аспектов человеческой агрессивности. Э. Фромм утверждал, что жестокость не имеет филогенетических корней, однако сам же считал, что человеческая деструктивность проявляется только в ходе антропогенеза. Так он приравнивал человека к животному с искусственно сформированной агрессивностью. Т.е. здесь упускается из виду не собственно социальный аспект человеческой деструктивности, который в принципе и подчеркивается Э. Фроммом, а культурно исторический аспект, который и придает феномену жестокости ценностный смысл. Поэтому «жестокость» – это оценочное понятие и оценка конкретного поступка зависит от субъективных моральных представлений и воззрений оценивающего, его социокультурной принадлежности. Более того, отнесение того или иного деяния к «жестокому» или «нежестокому» зависит не столько от оценок субъекта, сколько от социокультурных оснований этих оценок – эти оценки сами зависят от психологической атмосферы в обществе, его ценностей, от характера и уровня общественной нравственности, представлений о добре и зле [138].

1.3. Концепции сексуального насилия

Ситуация сексуального злоупотребления в отношении детей и подростков несомненно является фактором жестокости. Эта проблема вызывает повышенный интерес общества как в нашей стране, так и за рубежом. Несмотря на научный и практический интерес, по мнению О.Ю. Михайловой, проблема сексуального насилия представляется еще недостаточно разработанной [68].

С уверенностью можно утверждать, что половые различия, анатомия и физиология половых органов, сексуальная техника, зачатие, беременность, роды занимают одно из центральных мест в мифологии и искусстве всех народов мира. Как отмечает И.С. Кон, древняя эротология («наука и искусство любви») народов Востока рассматривала сексуальность как естественную сторону человеческой жизни. Тесно связанная с этикой, эстетикой и религиозно-философскими ценностями, она предлагала людям не объективное знание и частные рецепты, а целостную жизненную философию, включая определенное отношение к телу и чувственности [57, с. 5].

Родоначальниками сексологии, начавшими систематическое изучение половой жизни, были врачи – профессор психиатрии Венского университета Рихард фон Крафт-Эбинг, швейцарский психиатр и невропатолог Август Форель, немецкие психиатры Альберт Моль и Мангус Хиршфельд и английский публицист, фармацевт по образованию Генри Хэвлок Эллис. Постепенно освобождаясь от власти религиозной морали, сексология опиралась прежде всего на биологию. Кроме того, биология была ведущей отраслью естествознания во второй половине XIX в., эволюционная теория Дарвина служила методологической основой для других наук [57, с. 6–7].

Анализируя историю развития сексологии конца XIX – начала XX в., И.С. Кон отмечает следующие тенденции: во-первых, влияние репродуктивной биологии (раздел биологии, посвященный вопросам продолжения рода, включая анатомию и физиологию половой системы), получившей признание и практическое применение в акушерстве и гинекологии задолго до XIX в. постепенно ослабевало в пользу более тонких и сложных психологических теорий. Во-вторых, наблюдалось усложнение и обогащение самого понятия «норма» за счет включения в него широкого спектра вариаций. Более того, приходят к тому, что этнографические и исторические факты свидетельствуют о многообразии сексуального поведения людей и то, что считается нормальным и даже обязательным в одной культурной среде, осуждается и запрещается в другой [57, с. 9]. Так, например, английский этнограф Бронислав Малиновский в 1920-х гг. опубликовал крупные работы о сексуальной жизни народов Меланезии. Широкую известность приоб-

рели книги американского этнографа Маргарет Мид «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935) и «Мужчина и женщина» (1955). Советские этнографы В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг были первопроходцами в изучении полового символизма у народов Севера и Сибири. Ленинградские филологи В.Я. Пропп и О.М. Фрейденберг выявили наличие символической взаимосвязи между сексуальностью, смехом, едой и смертью.

Отмечается также и то, что до Второй мировой войны такие исследования были редкими и разобщенными. Но в 1951 г. американские ученые этнограф Клеелланд Форд и психолог Фрэнк Бич в книге «Образцы сексуального поведения» статистически сопоставили нормы сексуального поведения, принятые в 190 разных человеческих обществах, друг с другом и с поведением разных видов животных. Это, по утверждению И.С. Кона, стимулировало дальнейшие сравнительно-этнографические и исторические исследования, доказавшие многообразие и пластичность человеческой сексуальности, несводимые к законам биологии [57, с. 9–10].

По мнению ученого, типологию сексуальных культур можно классифицировать по принципу их половой морали – деление на антисексуальные и просексуальные или репрессивные (строгие) и перmissive (терпимые). Так, например, средневековое крестьянство отождествляло сексуальность с грехом. Половая жизнь обычно ограничивалась браком, который заключался, как правило, старшими без учета личных предпочтений жениха и невесты. Характерное жесткое разделение мужчин и женщин в общественной жизни и в быту накладывало отпечаток на ограничения половых отношений в браке. Таким образом, реализовывалась репрессивная, антисексуальная мораль.

Противоположный полюс, по мнению И.С. Кона, представляют народы Полинезии, где сексуальность и эротизм поощряются и в мужчинах, и в женщинах. Сексуальные проблемы свободно обсуждаются, выражаются в песнях и танцах. Проявление чувственности у подростков и юношей считается нормальным и здоровым. Большое значение придается сексуальному удовлетворению в браке, допускаются и внебрачные связи.

Таким образом, большинство человеческих обществ расположено между этими полюсами, причем их отношение к сексуальности зависит от общих свойств их образа жизни и культуры [57, с. 76].

Считается, что отношение к сексу зависит от условий воспитания в детстве и юности, а также от общего образовательного и культурного уровня развития того общества, в котором развивается ребенок. В то же время культура и существующие в ней традиции передаются детям от воспитывающих их взрослых. По А.Г. Харчеву: «...семья определяется как исторически конкретная система взаимо-

отношений между супругами, между родителями и детьми, как малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [135]. И.Ю. Шилов утверждает, что семью создает отношение родители–дети, а брак оказывается легитимным признанием тех отношений между мужчиной и женщиной, тех форм сожителства или сексуального партнерства, которые сопровождаются рождением детей. То есть семья – это общность людей, основанная на единой общесемейной деятельности, связанных узами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи [143, с. 31–32].

Однако, на наш взгляд, не всегда детско-родительские отношения будут социально одобряемы и позитивны. Например, в некоторых семьях дети могут подвергаться совращению как со стороны родителей, так и со стороны других близких родственников. Такие отношения называют инцестной связью, т.е. кровосмесительной. В проведенном нами исследовании были выявлены подобные факты, вот один из примеров: «... это событие негативно повлияло на мое психическое состояние. Тогда я училась в школе, в классе 6–7 ко мне приставал взрослый мужчина, дорогой мне человек – мой отец. Он был в нетрезвом состоянии. Ничего страшного не произошло, он меня не изнасиловал. Но то чувство страха, стыда, незащитности у меня осталось до сегодняшних дней. Об этом никто не знает. Моя мама тогда лежала в больнице. Отец смотрел за мной и моим младшим братом. Мне до сих пор стыдно перед отцом и я его боюсь. Хотя я не скажу, что он плохой человек, он не пьет, любит маму, брата. А еще я постоянно думаю о том, что он этого не помнит, он был пьян, я терзаюсь этим, меня это мучает около 7 лет. Я боюсь с ним оставаться дома одна, боюсь сидеть с ним за одним столом во время завтраков, обедов и т.д. Я не могу с парнями нормально общаться, между нами всегда стоит мой отец. Я не обращалась ни к психологу, ни к кому-либо другому за помощью в решении этой проблемы. Мне кажется, что этот страх стал неотъемлемой частью меня. Ложась спать, я стону и кричу во сне. Если сейчас спросить меня люблю ли я своего отца, то я даже не смогу на это ответить, я не знаю, как я к нему отношусь, я не знаю, как я отношусь к себе. Но я точно знаю, что люблю маму, поэтому я ей ничего не говорила и не уверена, что смогу ей об этом когда-нибудь сказать. Я даже не уверена – опыт ли это, это просто какая-то пытка. А еще я боюсь, что не смогу воспитать психически нормальных детей. Я читала, что люди, подвергавшиеся насилию в детстве, что-то подобное могут делать и со своими детьми. Я боюсь этого, хотя хочу иметь троих детей» [124].

По утверждению И.С. Кона единой теории инцеста или его запрета в науке не существует. Так, одни авторы (Фрейд) выводят из универсальных свойств человеческой психики. Другие (Малиновский) объясняют запрещение инцеста необходимостью поддержания стабильности социальной структуры и семейных отношений, потому что

сексуальные связи между членами семьи создают между ними опасную напряженность. Третьи (американский антрополог Робин Фокс) связывают его с процессом биосоциальной эволюции, указывая, что кровородственные связи потенциально ухудшают генофонд соответствующей человеческой группы. Кроме того, тесная физическая и эмоциональная связь, существующая между родителями и детьми, братьями и сестрами с самого раннего детства, препятствует эротизации их образов [Цит. по: 57, с. 221].

В настоящее время, на наш взгляд, особого анализа требует спектр форм насилия и жестокости родителей по отношению к своим детям, который весьма широк, – от безответственного отношения к безопасности детей (приводящего к случайным травмам, потере физического здоровья и др.) до детоубийства. Одной из особенностей взаимоотношений ребенка-жертвы и взрослого является дисбаланс сил. Жестокое обращение с детьми определяется как намеренное нанесение детям психологических и физических травм. Как указывает Ф. Райс, иногда бывает трудно провести различие между проявлением жестокости и обычным наказанием. Исторически сложилось, что многие культуры применяют суровое физическое обращение с детьми в качестве воспитательных мер. Традиционно дети считались собственностью родителей, и родители имели право обращаться с ними так, как посчитают нужным. В наше время причинение физического ущерба или действия, повлекшие смерть ребенка, считаются серьезным преступлением [104, с. 624].

В связи с этим, а может быть по причине того, в середине 70-х годов XX в. возникли три новые теоретические версии объяснения изнасилования: *феминистская теория*, *теория социального научения* и *эволюционная*. В рамках этих трех подходов проводилось большое количество исследований, анализировавших как «жестокие» изнасилования, так и ситуации сексуального насилия над знакомыми и семейного насилия.

Феминистскую теорию в наши дни считают наиболее распространенной и популярной (Браунмиллер, Гордон, Риджер, Шведингер и др.). Этот подход рассматривает изнасилование как результат давних и глубоко укоренившихся социальных традиций, согласно которым мужчины доминируют практически во всех социальных, политических и экономических сферах. Крайним выражением этой тенденции является взгляд на женщину как на собственность. Изнасилование по этой теории – акт, мотивируемый желанием власти и контроля, а не сексуальным влечением. А сексуальная интимность и эксплуатация в данном случае используются мужчинами для поддержания их первенства.

Феминисты считают, что изнасилование – преступление, связанное с властью и помогающее удерживать женщину на более низ-

ком социальном уровне. Однако вопрос, почему насильники используют не только физическую силу, остается неразрешенным до сих пор. Много споров ведется и о том, является ли изнасилование актом политической доминантности или актом сексуального влечения.

Согласно феминистской теории, большую роль играют факторы установок и «мифов», существующих в обществе относительно сексуального насилия.

Существуют эмпирические данные, которые иногда трактуют как подтверждение мифов. Например, значительное количество женщин в анонимных опросниках отмечают, что они, по крайней мере, иногда, фантазируют в сексуальном контакте с элементами насилия, атаки. Однако неправомерно, как заключает С.Н. Ениколопов, делать из этого вывод о том, что «большинство женщин мечтает быть изнасилованными». Около 1/3 женщин признали, что в их жизни бывали случаи, когда они, сказав «нет», на самом деле желали сексуального контакта. Это якобы подтверждает миф о том, что «нет» часто означает «да». На самом деле, по утверждению С.Н. Ениколопова, подобные данные скорее служат поддержкой феминистской теории, чем подтверждают мифы. Свои фантазии человек склонен контролировать. И поэтому потеря контроля является эмоционально стрессогенным фактором в ситуации насилия [32, с. 45–53].

Недостатком феминистской теории ее критики считают взгляд на изнасилование как на акт, в котором сексуальное влечение играет незначительную роль. «Жестокие» изнасилования часто включают девиантные сексуальные фантазии, реализовать которые принуждает жертву насильник. В случаях «изнасилования на свидании» мужчины часто используют различные «тактики», чтобы добиться сексуального контакта: совместное распитие алкоголя с целью «опоить» женщину, ложные заверения в любви, угроза разрыва отношений.

Поэтому считается, что феминистская теория недооценивает степень сексуальной мотивации изнасилования и несколько переоценивает роль «сексуальных» установок.

Другая теория – это *теория социального научения* (Бандура, Доннерштейн, Линц и др.). Толчком к созданию этой теории послужила позиция социобиохевиористов о том, что многократное предъявление любых стимулов имеет тенденцию образовывать положительное отношение к этим стимулам (например, распространение порнографии). Бандура рассматривает телевидение и другие визуальные средства массовой информации как имеющие особое влияние, так как они: а) «учат» актуальным методам агрессии; б) очень редко дают примеры нормального социального подавления агрессии; в) уменьшают восприимчивость к насилию путем многократного предъявления; г) «учат» методам рационализации и оправдания агрессии.

Теория социального научения рассматривает изнасилование как часть агрессивного поведения по отношению к женщинам, усвоенного через четыре взаимозависимых процесса:

1) «эффект модели» – имитация сцен изнасилования и других видов насилия над женщиной, которое можно увидеть в реальной жизни и в средствах массовой информации;

2) «эффект связи секса и насилия» – образование ассоциаций между сексуальностью и насилием (в результате многократного предъявления порнографии);

3) «эффект мифов» – вера в многочисленные мифы, касающиеся сексуального насилия («нет» означает «да», «женщина втайне мечтает быть изнасилованной» и т.п.);

4) «эффект нечувствительности» – снижение восприимчивости к чужой боли, страху и унижению, сопровождающим сексуальное насилие.

В некоторых аспектах объяснения изнасилований, по мнению С.Н. Ениколопова, теория социального научения похожа на феминистскую теорию. Так, обе рассматривают социальное и культурное научение как имеющее важное влияние на число изнасилований; обе они выделяют черты современного западного общества, позволяющие мужчинам сексуально эксплуатировать женщин; обе теории отвергают предположения о внекультурных переменных, которые могли бы влиять на индивидуальную изменчивость склонности к совершению изнасилования. Однако есть и различия, считает С.Н. Ениколопов. Суть их в следующем: во-первых, феминистская концентрируется скорее на социологической (и даже политической) эксплуатации женщины мужчиной как причине, лежащей в основе изнасилований. Во-вторых, теория социального научения рассматривает культурные традиции в связи с интерперсональной агрессией как причиной сексуального насилия. В-третьих, теория сексуального научения не настаивает на рассмотрении изнасилования как исключительно несексуального акта, но, тем не менее, соглашается с феминистской теорией в том, что основная мотивация изнасилования – не сексуальное влечение [32, с. 45–53].

Таким образом, теория социального научения рассматривает изнасилование как результат совместного влияния культурных и средовых факторов, опосредованных установками, половыми ролевыми стереотипами и другими процессами, связывающими физическую агрессию и сексуальность [32, с. 45–53].

Следующая – это *эволюционная теория* (Дейч, 1944). Современными представителями эволюционной (или социобиологической) теории являются Бараш, Саймонс, Шилс, Куинси и др. Наиболее общими для них являются такие аргументы: мужские и женские особи, особенно среди млекопитающих, склонны к разным типам распределения времени и энергии на задачи репродукции. Среди практически

всех видов млекопитающих для самок особенно важна забота о потомстве, в то время как самцы стремятся к наличию наибольшего количества сексуальных партнеров.

Так, эволюционная теория рассматривает агрессивную копулятивную тактику как крайнюю реакцию на естественный отбор, который заставляет мужчину быть более напористым в попытках копуляции, чем женщина.

Исследования во многом подтверждают гипотезы эволюционной теории. Согласно статистике, жертвами изнасилования в большинстве случаев являются женщины репродуктивного возраста (16–35 лет), где вероятен риск беременности после насилия. Средний уровень сексуальной активности у насильников выше, чем в среднем у всех мужчин.

Недостатком эволюционной теории, по мнению С.Н. Ениколопова, является то, что социальные, ситуативные факторы, факторы научения рассматриваются здесь только как второстепенные, а не выступают как одни из основных.

В 1989 г. Эллисом была предложена интегративная (синтетическая) теория, содержащая основные элементы феминистской, эволюционной теории и теории социального научения, а также идеи, возникшие из долговременного интереса автора к влиянию половых гормонов и особенностей функционирования мозга на агрессивное сексуальное поведение. Теория Эллиса включает четыре положения.

Во-первых, в основе большинства изнасилований лежат две потребности: сексуальное влечение и желание власти и контроля. Во-вторых, поведение, включенное в совершение изнасилования, во многом – результат научения, хотя и не все мужчины одинаково восприимчивы к этому научению. В-третьих, как результат естественного отбора, мужчина имеет более сильное сексуальное влечение, чем женщина, и с большей вероятностью направляет свою репродуктивную энергию на множество партнеров. В то время как женщины имеют тенденцию сопротивляться копуляции до тех пор, пока ухаживающий мужчина не продемонстрирует убедительную готовность долговременных отношений и заботы о женщине и возможном потомстве (именно по причине потери женщиной контроля над собственным репродуктивным поведением, считает Эллис, изнасилование, даже не сопровождающееся серьезными физическими повреждениями, является большой травмой). В-четвертых, благодаря различным типам и степени воздействия андрогенов на головной мозг, мужчины варьируют в их склонности к совершению изнасилования, и в их восприимчивости к научению насильственным тактикам копуляции.

Итак, на склонность к сексуальному насилию, согласно Эллису, влияют базисные переменные – генетическая предрасположенность,

эволюционное развитие, функционирование мозга, гормональные характеристики и порог насильственной копуляции. И более частые в жизни – факторы мотивации и научения, индивидуальные и расовые различия, социальные и культурные переменные, общественная реакция [32, с. 45–53].

Как всякая синтетическая теория, учитывающая различные точки зрения и сочетающая положительные стороны многочисленных подходов по интересующему нас вопросу, теория Эллиса представляется более точной. Однако применительно к нашему исследованию ни одна из них не является полной, т.к. не затрагивает вопросы сексуального насилия над детьми и подростками.

Проблема обнаруживается и в самом определении «сексуальность». Следует отметить, что до П.П. Блонского сфера интимной жизни ребенка характеризовалась или нейтрально, или заостренностью на его эротическом образе. Первый, кто вывел изучение этой проблемы на научный уровень, был П.П. Блонский [9].

На современном этапе изучения проблемы, как отмечает О.Ю. Михайлова, в поисках содержательного анализа по данному термину была найдена только одна работа. В ней «сексуальность» рассматривалась как «индивидуальная способность переживать половое возбуждение, содержащая в качестве интенции сексуальное поведение, определяющаяся в четырех аспектах: 1) как свойство индивидуальности, хотя и зависящее от культурных и средовых влияний; 2) как переживание, связанное с сексуальным (прошлым или антиципируемым будущим) опытом; 3) как переживание телесных процессов, тесно связанных с психофизиологическими функциями; 4) как переживание, концентрирующееся вокруг половых органов [Цит. по.: 67, с. 16–24]. В принципе, по мнению О.Ю. Михайловой, такое рассмотрение «сексуальности» приводит к отождествлению с половым самосознанием. В свою очередь она приводит свое видение по данному понятию, в частности сексуальность рассматривается ею как комплексная характеристика человека, отражающая определенность (выраженность) его биологических, психологических и социальных характеристик, связанных с полом, и обнаруживающаяся в его поведении [67, с. 16–24].

В силу того, что данная тема носит в себе достаточно много понятий и определений, на наш взгляд, необходимо детальное рассмотрение этого вопроса, а также по возможности разграничение таких определений, как «изнасилование», «развратные действия», «сексуальное злоупотребление», «пренебрежение», «жестокое обращение», «плохое обращение», «физическое насилие», «психологическое или психическое насилие» и т.д.

В связи с тем, что понятие «сексуальное насилие» сопряжено с преступлениями против половой неприкосновенности и половой

свободы личности, необходимо обратиться, на наш взгляд, к Комментарию Уголовного Кодекса РФ. В нем «изнасилование» трактуется как «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Помимо вышеназванного определения в юридической практике существует понятие как «насильственные действия сексуального характера». В свою очередь оно рассматривается как любые другие, не являющиеся изнасилованием, насильственные способы удовлетворения половой страсти (к ним относятся: мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера). К рассмотрению данного вопроса относится и определение «развратные действия». Под ними подразумеваются сексуальные действия, состоящие в удовлетворении половой страсти виновного либо преследующие цель возбудить или удовлетворить половой инстинкт малолетнего при его добровольном согласии на их совершение. Они не могут выражаться в совершении полового сношения, мужеложства, лесбиянства, так как в этом случае наступает ответственность по другой статье [55, с. 205–215].

В Комментарий к Семейному Кодексу РФ (1997) отмечается, что под злоупотреблением понимается использование родительских прав в ущерб интересам детей (создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, проституции и т.п.). Жестокое же обращение с детьми включает в себя применение физического или психического насилия, покушение на их половую неприкосновенность, побои, истязания, оставление в опасности и др. [54, с. 148–149].

Н.К. Асанова, ссылаясь на мнение канадских ученых, отмечает, «злоупотребление ребенком» определяется как нанесение ему тяжелых физических повреждений родителем или попечителем, таких, как переломы, гематомы и множественные травмы мягких тканей, нередко влекущие за собой инвалидность и смерть. Далее, поясняет, что понятие «злоупотребление детьми» дифференцируется от понятия «пренебрежение», а термины «плохое обращение» или «жестокое обращение» используются как обычные понятия для обозначения случаев, связанных со злоупотреблением детьми и пренебрежением их интересами в целом [Цит. по: 7, с. 23–24].

Более того, в США существуют определения, используемые профессионалами в практической деятельности, которые не всегда совпадают с юридическими. Во-первых, физическое, жестокое обращение определяется как любое неслучайное нанесение повреждения ребенку в возрасте до 18 лет родителем или лицом, осуществляющим уход или опеку. Во-вторых, сексуальное насилие над детьми – это использование ребенка или подростка другим лицом для получения сексуального удовлетворения. В-третьих, пренебрежение – это хрониче-

ская неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребенка, не достигшего 18-летнего возраста, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и присмотре. В-четвертых, психологическое насилие рассматривается как: 1) психологическое пренебрежение – это последовательная неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить ребенку необходимую поддержку, внимание и привязанность; 2) психологическое жестокое обращение – хронические паттерны поведения, такие как унижение, оскорбление, издевательства и высмеивание ребенка [Цит. по: 7, с. 25–26].

В свою очередь Н.Ю. Синягина отмечает, что в современной отечественной литературе выделяют 4 основные формы жестокого обращения с детьми: физическое насилие, сексуальное насилие или развращение, психическое (эмоциональное) насилие и пренебрежение нуждами ребенка или моральное насилие.

Так, *физическое насилие* определяется как преднамеренное нанесение физических повреждений ребенку родителями или лицами, их замещающими, либо ответственными за воспитание. Эти повреждения могут привести к смерти, вызвать серьезные нарушения физического или психического здоровья или отставание в возрастном развитии [Цит. по: 113, с. 20].

Сексуальное насилие или развращение рассматривается как осознанное или неосознанное в силу возрастной незрелости или других причин вовлечение ребенка, с его согласия или без, в сексуальные отношения со взрослыми с целью получения последними выгоды, удовлетворения или для достижения корыстных целей [Цит. по: 113, с. 20].

Психическое (эмоциональное) насилие – периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие родителей, опекунов или других взрослых, ответственных за воспитание ребенка, приводящее к возникновению у него патологических черт характера или же тормозящее развитие его личности. К этой форме насилия относятся:

- открытое неприятие и постоянная критика ребенка;
- угрозы в адрес ребенка, проявляющиеся в словесной форме без физического насилия;
- оскорбления и унижение достоинства ребенка;
- преднамеренная физическая или социальная изоляция ребенка;
- предъявление к ребенку требований, не соответствующих возрасту и возможностям;
- ложь и невыполнение взрослыми обещаний;
- однократное грубое психическое воздействие, вызвавшее у ребенка психическую травму, и др.

То есть, по мнению Н.Ю. Синягиной, происходит насилие над потребностями, намерениями, чувствами, установками ребенка, уни-

жение или принуждение его к действиям, противоречащим его устремлениям [113, с. 21–22].

А вот *пренебрежение нуждами ребенка (моральная жестокость)* – есть отсутствие со стороны родителей, опекунов или других взрослых, ответственных за воспитание ребенка, элементарной заботы о нем, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию. Формы моральной жестокости могут быть различными:

- недостаточное возрасту и потребностям ребенка наличие питания, одежды, жилья, образования, медицинской помощи, включая отказ от его лечения;
- отсутствие должного внимания и заботы, в результате чего ребенок может стать жертвой несчастного случая;
- вовлечение в употребление алкоголя, наркотиков, а также в совершение преступления [Цит. по: 113, с. 22].

Л.И. Смагина и др., ссылаясь на пособие Michele Elliottova «Jak ochranit sve dite» (Praha, 1995), приводят следующие формулировки по предмету нашего исследования.

Во-первых, «физическое насилие выявляется в нанесении травм ребенку при избиении или при ранении другими способами или при лишении его жизни».

Во-вторых, «моральное насилие над ребенком заключается в унижении его достоинства, словесном оскорблении, брани, угрозах в его адрес, демонстрации неприязни к нему, а также в уничижительном сравнении с другими детьми».

В-третьих, «психическое насилие выражается в воздействии на психику ребенка путем запугивания, угроз, с целью сломить волю ребенка к сопротивлению, к отстаиванию своих прав».

В-четвертых, «сексуальное насилие над детьми – это использование их в прямых сексуальных контактах или вовлечение их в действия, при которых насильник получает сексуальную стимуляцию или удовлетворение» [Цит по: 76, с. 148].

И.С. Кон, ссылаясь на мнение Д. Финкельхора, отмечает, что рассматриваемые нами понятия не имеют строгого разграничения, и условно подразделяет их на три категории: 1) сексуальную эксплуатацию детей, злоупотребление их беспомощностью для непосредственного удовлетворения собственных сексуальных потребностей взрослого или в коммерческих целях; 2) подавление детской сексуальности, будь то физическое калечение половых органов ребенка или очернение и подавление его нормальных сексуальных интересов; 3) эротизацию детей, т.е. создание среды, которая может искусственно стимулировать детскую сексуальность в ущерб другим задачам развития [Цит. по: 56, с. 58–59]. Также отмечает, что сексуальные права детей и под-

ростков практически нигде не признаются, ребенок считается не субъектом, а объектом сексуального поведения взрослых. Что же касается искусственной эротизации детей, то, по мнению И.С. Кона, она достаточно неопределенна. В первую очередь он связывает это с теоретической неразработанностью понятия «детская сексуальность» и вопросов, касающихся ее формирования. Ссылаясь на мнение А.П. Дьяченко, он отмечает следующее: по мнению одних юристов, «развратными» в отношении несовершеннолетних являются только такие действия, которые направлены на удовлетворение полового влечения лица, их совершившего, т.е. на первый план выдвигается наличие умысла. Другие же подводят под эту категорию любые «поступки интеллектуального характера (циничные беседы на сексуальные темы, демонстрацию порнографических предметов и т.д.), способные возбуждать сексуальное любопытство» и вызывающие «моральное развращение потерпевших несовершеннолетних». И далее продолжает: «но умысел, не реализованный в конкретных телесных действиях, недоказуем, а факт «морального развращения» трудно определить объективно» [Цит. по: 56, с. 59].

В свою очередь, О.В. Сафуанова во вступительной статье «Правовые аспекты проблемы «сексуального злоупотребления» в отношении детей» отмечает, что развратные действия могут быть физическими (обнажение половых органов малолетнего, прикосновение к ним, эксгибиционизм, др. непристойные действия). Или иные (демонстрация порнографических предметов, магнитофонных записей, фильмов, ведение циничных разговоров на сексуальные темы и т.п.) [74, с. 13].

В то же время О.Ю. Михайлова предлагает иной теоретико-методологический подход к проблеме агрессии, который, по ее мнению, позволяет по-новому подойти к изучению как агрессивного поведения вообще, так и сексуальной агрессии, в частности. Рассматривая агрессию как специфическую поведенческую программу, формирующуюся на основе поисковой активности, отличающуюся от других стратегий поисковой активности, отмечает следующее:

- во-первых, агрессия всегда проявляется как воздействие на ситуацию при сохранении постоянного к ней отношения субъекта;
- во-вторых, агрессия проявляется как эмансипация, расширение возможностей субъекта, удовлетворение его потребностей путем устранения (деструкции) депривировующих факторов ситуации;
- в-третьих, агрессия всегда адресована другому субъекту.

Также, по ее мнению, сексуальная агрессия выступает как специфический вид агрессивного поведения, в рамках которого предметом деструктивной активности выступает сексуальность. Поскольку сексуальность представляет собой интегральное образование, то ее

деструкция может проявляться как лишение объекта агрессии его сексуальной определенности, разрушение связанных с полом биологических, личностных и/или социальных характеристик субъекта.

В силу того, что сексуальность, с одной стороны, является наиболее очевидной характеристикой объекта агрессии (другого человека), а с другой, это наиболее интимная сфера человеческой жизнедеятельности, то ее деструкция рассматривается (и преступником, и жертвой) как особо утонченный способ унижения. В этом смысле сексуальное поведение включается в структуру агрессивного поведенческого акта наряду с другими способами деструктивного воздействия.

По мнению О.Ю. Михайловой, сексуальная агрессия может обнаруживаться и как специфическая стратегия поведения в ситуации межличностного взаимодействия, как поведенческий паттерн, в рамках которого деструктивная активность субъекта направлена исключительно на сексуальность другого человека. И в этом случае уже физическая агрессия является компонентом сексуального поведения.

Более того, она выделяет и раскрывает особенности четырех уровней детерминации сексуального агрессивного поведения:

- ситуативный, выделяющийся в контексте отношений «субъект – ситуация»;
- психофизиологический, обнаруживающийся как проявление специфического мощного функционального состояния;
- ценностный, как функция системы личностных ценностей;
- рефлексивный, как системное свойство личности, обусловленное особенностями самосознания [68, с. 119–121].

Однако, на наш взгляд, понятия «сексуальная агрессия» и «сексуальное насилие» различны по своему содержанию. В свою очередь мы рассматриваем «сексуальное насилие» как подкатегорию сексуальной агрессии. Так как «сексуальное насилие», на наш взгляд, это поведенческий акт или попытка такого акта непосредственного или опосредованного воздействия и контроля конкретной ситуации лицом (лицами), совершающим изнасилование или определенные действия сексуального характера, которое может находиться с жертвой во взаимодействии.

В рассматриваемом нами вопросе, жертвой (объектом агрессии другого по О.Ю. Михайловой) выступают малолетние и несовершеннолетние, как правило, испытывающие беспомощное состояние в таких ситуациях. Разница данных определений обусловлена, в первую очередь, позицией рассмотрения двух взаимосвязанных функций волевых действий в ситуации насилия. Преступник в такой ситуации всегда производит наступательные действия по отношению к жертве (побудительная функция воли), обусловленные удовлетворением половой страсти. В свою очередь жертва вынуждена защищаться, т.е.

имеет место тормозная функция воли, выступающая в единстве с побудительной функцией, проявляющаяся в сдерживании нежелательных проявлений активности преступника [87, с. 276]. Однако не всегда ребенок или подросток способен защитить себя от сексуальных домогательств взрослого. Как в силу своих индивидуально-психологических, так и в силу возрастных особенностей он может испытывать беспомощное состояние.

К тому же, правоприменитель определяет беспомощное состояние как невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий или невозможность оказывать сопротивление из-за своего физического или психического состояния: физических недостатков, расстройств душевной деятельности, иного болезненного или бессознательного состояния, малолетнего возраста и т.п. [Цит. по: 24, с. 516].

Таким образом, встает вопрос о рассмотрении возрастного и гендерного уровней детерминации сексуального насилия. Данный аспект актуален для нас с точки зрения рассмотрения этапов психосексуального развития жертв сексуальных злоупотреблений. А также для необходимости изучения компонентов этих подсистем и их соотношений.

1.4. Факторы, влияющие на виктимизацию личности ребенка

Как видно из предыдущего параграфа, многочисленные теории пытались объяснить жестокое обращение, определить психологические и психосоциальные факторы риска насилия над детьми. Отмечено, что насилие – это результат комплекса различных причин, в котором задействованы различные психологические и часто встречающиеся факторы, но степень их влияния при тех или иных формах насилия различна.

Ссылаясь на исследования зарубежных ученых, Н.К. Асанова, выделяет следующие группы:

- во-первых, психологические факторы риска родителей;
- во-вторых, психологические факторы риска ребенка;
- в-третьих, воздействие среды.

По нашему мнению, факторы риска родителей тесным образом связаны с воздействием среды. Так как сама семья, состоящая из родителей (родителя), является одной из составляющих той среды, в которой воспитывается и растет ребенок [150].

Так, зарубежные ученые (Е. Меррил 1962; Б. Стил, К. Полок, 1968) пытались определить поведенческие характеристики и личностные черты родителей, избивающих своих детей. Б. Стил (1968) подчеркивал важность родительской идентификации с грубой отвергающей

матерью, что является постоянным при злоупотреблении детьми. Большинство родителей, жестоко обращающихся с детьми, часто переживали жестокое физическое обращение, отвержение, депривацию и пренебрежение со стороны родителей в период своего детства [7, с. 28–29].

Во многих зарубежных исследованиях прослеживается сильная связь между физическим насилием и алкоголизмом, наркоманией. Показательно, что инцест наблюдался в семьях, среди которых было 35% алкоголиков (Ж. Гарбарино, Д. Штерман, 1980; Ж.М. Левентхаль, 1982; М.С. Касимет, 1994). Авторами отмечено, что такие родители имеют низкую самооценку. Они теряют уверенность в своей родительской роли, чувствуют себя неудачниками. Матери боятся быть покинутыми. Отец с отрицательным чувством самооценки может проявлять насилие в ярость, чувствуя себя отвергнутым [7, с. 28–30].

Отмечено также, что такая характеристика семьи, как «полная или неполная» представляется связанной с агрессивностью детей. Эта характеристика квалифицирует как раз те самые составляющие семейной обстановки, которые связываются со становлением агрессивности, – одни или оба родителя живут с ребенком, и каков характер отношений между ними [Цит. по: 22, с. 93; 150].

Вопросы, связанные с проблемой сексуального насилия и особенностями развития детей, позволяет отчасти прояснить теория привязанности, предложенная Дж. Боулби (1960-е гг.). В отличие от традиционного психоаналитического подхода, предполагающего доминирующую роль сознательных и бессознательных фантазий в протекании психической жизни ребенка, Боулби сосредоточил свое внимание на переживании детьми таких реальных событий, как сепарация и утрата близких. Под сепарацией он понимал ситуацию длительного разлуки ребенка с матерью или другим замещающим лицом.

Теория привязанности считает потребность в близких эмоциональных отношениях специфически человеческой. Эта потребность присутствует уже у новорожденного и сохраняется до конца жизни. В младенчестве и детстве привязанность ребенка к родителям является залогом получения заботы; соответственно задача родителей – обеспечивать эту заботу своему ребенку.

Отношения привязанности, согласно Боулби, регулируются мотивационной системой, которая развивается в младенчестве и объединяет человека с другими приматами. Эта система отслеживает пространственную близость и психологическую доступность взрослого человека – объекта привязанности – и регулирует поведение привязанности по отношению к этому объекту. Пока индивид чувствует себя комфортно, и объект привязанности обеспечивает надежную основу его действиям, он в состоянии развивать исследовательское поведение, или игру, или иные виды социальной активности. Когда инди-

вид испуган, его исследовательские цели уступают необходимости поиска спасения и защиты у объекта привязанности, особенно если индивид – это маленький ребенок. Таким образом, Боулби делает вывод о том, что привязанность становится заметной в условиях воспринимаемой угрозы. Поиск защиты у объекта привязанности должен обеспечивать потомству большую вероятность выживания [46, с. 91].

Одно из центральных понятий теории привязанности – понятие «рабочая модель», на основе которого происходит взаимодействие ребенка с миром. То, каким образом привязанность может выполнять свою защитную функцию, зависит от качества взаимодействия между индивидом и его объектом привязанности. Рабочая модель включает модель себя и близкого человека (Я – Другой), при этом восприятие себя определяется тем, как меня воспринимает объект привязанности [37, с. 149]. А основной термин теории привязанности – «надежность» – описывает уверенность индивида любого возраста в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и достигаема. При этом Боулби утверждал, что постоянное чувство безопасности и соответствующее возрасту ощущение собственной надежности ребенка нарушается, если рабочие модели, как его самого, так и родителей не приводятся в соответствии с его физическим, социальным и когнитивным развитием [46, с. 92]. Так, у надежно привязанного ребенка в прошлом – надежное, устойчивое и чуткое отношение со стороны матери; он склонен доверять другим людям, имеет довольно хорошо развитые социальные навыки. ненадежно привязанный или тревожащийся по поводу своей привязанности ребенок будет либо резистентным, либо избегающим. Такие дети несговорчивы и сопротивляются контролю. Проявляют физическую агрессию, импульсивны, для них характерны эмоциональные вспышки. И.С. Кон сообщает, что ненадежно привязанные дети оценивались своими сверстниками как участвующие в большем числе драк, чем надежно привязанные [56], [46, с. 93–94], [21].

Наряду с зарубежными (в частности с интерперсональными), отечественные теории отводят центральную роль в развитии взаимодействия взрослого с ребенком (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, М.И. Лисина, В.С. Мухина, Л.Ф. Обухова, Д.Б. Эльконин и др.). Депривация рассматривается как нарушение или несформированность у ребенка специфической человеческой потребности в общении. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, развитие происходит в процессе интериоризации культурно-исторического опыта и социальных отношений. Взрослый выступает для ребенка в качестве носителя этого опыта и важнейшего исторического развития; только в постоянном контакте со взрослым возможна интериоризация как основной механизм развития. Этот контакт способствует формированию у ре-

бенка потребности в привязанности к заботящемуся о нем взрослому. Л.С. Выготский считал задержки развития результатом депривации общения и контактов с внешним миром, вследствие чего потребность в общении не формируется или приобретает уродливые формы. Так, в качестве важнейшего условия развития ребенка Л.С. Выготский рассматривал социальную ситуацию его развития – «систему отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью». Так, описывая тип личности, характерный для ребенка, не имеющего семью, А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых указывают на недоразвитие внутренних механизмов активного, инициативного и свободного поведения, преобладание зависимого, реактивного поведения у детей из сиротских учреждений. Недоразвитие механизмов саморегуляции компенсируется формированием различного рода «защитных реакций» [99, с. 122–123].

М.И. Лисина писала о том, что потребность в общении и деятельность общения возникает у ребенка прижизненно и формируется одновременно, так как исходным пунктом обоих процессов является выделение ребенком из окружающей среды взрослого как особого объекта своей активности. Отсутствие значимого взрослого или дисфункциональные отношения с ним снижают способность ребенка к интериоризации и эмоциональному развитию. Социальная ситуация развития превращается для ребенка в «ситуацию невозможности», приводит к задержкам эмоционального и интеллектуального развития и эмоциональным расстройствам [37; 64].

Согласно В.Н. Мясищеву, богатство отношений с окружающим миром – главное условие нормального развития личности. Он считал, что степень деструктивности депривационных условий в значительной мере зависит от мотивационно-потребностной сферы, конституциональных особенностей, от наличия психических и соматических заболеваний. Он подчеркивал необходимость исследования ситуаций, которые можно рассматривать в качестве наиболее значимых источников депривации для данной конкретной личности.

В концепции В.С. Мухиной в качестве механизмов развития личности выделяются идентификация и обособление. Идентификация «отвечает» за социализацию, т.е. присвоение индивидом своей человеческой сущности, а обособление – за индивидуализацию, т.е. формирование и поиск собственной индивидуальности. Соответственно депривация обоих механизмов, неизбежная в определенных условиях, обязательно приводит к искажениям развития личности и самосознания.

Е.Т. Соколова показала, что при личностных расстройствах грубые нарушения самосознания выступают в виде неустойчивого, диффузного образа Я, деструктивного внутреннего диалога и являются последствием травматического опыта и нарушенных отношений с

взрослым на ранних этапах онтогенеза. Лишение родительской любви в младенчестве и отроческом возрасте способствует развитию неутолимого эмоционального голода, существенно искажает формирующийся образ Я. Нестабильность и ненадежность эмоциональных отношений делает перцептивный, эмоционально-чувственный образ взрослого неконстантным, изменяющимся в восприятии ребенка от «тотально плохого» (отвергающего и наказывающего) к «тотально хорошему» (любящему и понимающему). Это расщепление отношений с другим человеком ведет к стойкой патологии межличностных отношений.

Б.С. Братусь считает способность к любви и привязанности родовой сущностью человека и основой нормального психического развития. Если развитие этой способности по каким-то причинам блокируется, то возникают различные личностные девиации [37, с. 155–157].

Роль ребенка в вопросе жестокого физического обращения представляет также существенный интерес. Период младенчества и раннего детства, во время которого ребенок наиболее беспомощен и зависит от воспитывающих взрослых, бывает самым стрессовым временем для большинства родителей и, особенно для тех, кто «склонен к злоупотреблению» [7].

В исследованиях таких зарубежных ученых, как Кигно, Бурке (1995), Винд, Сильверн (1994) отмечается, что дети с физическими и психическими отклонениями также уязвимы для злоупотребления. Дети-инвалиды с видимыми физическими дефектами, врожденными аномалиями, умственной отсталостью или хроническими психическими заболеваниями не только обременительны для родителей, но действительно рассматриваются родителями как символ их собственного поврежденного самоотражения. В некоторых исследованиях отмечается, что в обычной популяции детей распространенность умственной отсталости составляет 2–3%, а в популяции детей, подвергающихся жестокому обращению, эти цифры доходят до 20–40% .

Младенцы, родившиеся преждевременно и имеющие низкий вес при рождении, также занимают большое место в статистике жестокого физического обращения. Это можно объяснить тем, что такие дети обычно рассматриваются как «непривлекательные» и, как правило, более раздражительны, чем их нормальные сверстники. У них чаще отмечаются различные медицинские проблемы и задержки развития. Они часто требуют специальной техники кормления в связи с нарушениями питания. Их социальная неотзывчивость может быть особенно фрустрирующей для «склонных к злоупотреблению» родителей с большими надеждами в отношении своих детей. Длительная разлука между матерью и ребенком в ранний послеродовой период также препятствует нормальному развитию привязанности (М.Х. Кланс, Ж.Х. Кенелл, 1970).

Ребенок может способствовать физическому насилию своей агрессивностью, гиперактивностью и импульсивным поведением, являющимся, как правило, общим результатом плохого обращения. Гиперактивные дети более импульсивны и менее охотно выполняют правила. Это фрустрирует родителей, склоняет к насилию и фактически может привести к нему. Ребенок подражает насильственному поведению своих родителей, проявляя тот же самый тип агрессивности и возбудимости, чтобы предотвратить жестокое обращение по отношению к себе, и таким образом создается порочный круг плохого поведения и злоупотребления. Тот факт, что многие дети, подвергшиеся физическому злоупотреблению, оставшиеся без попечения родителей, сами «подстрекают» такое плохое обращение к ним и становятся «козлами отпущения» в воспитательных учреждениях, свидетельствует об их провокационных действиях.

Нередко возникают сложности определения того, является ли плохое поведение результатом насилия или способствующим ему факторам. По данным национального исследования США, проведенного в 1988 г., оказалось, что почти у 25% детей были трудности поведения в течение года до насилия. Но это же является и симптомом плохого родительского обращения [7, с. 32].

В свою очередь Л. Берковиц поддерживает позицию, в которой указывается на то, что мальчики чаще девочек становятся жертвами грубого обращения родителей в младшем школьном возрасте, зато среди подростков картина изменяется на противоположную. Так, социолог Милдред Пагелу отмечает: «Родительская власть уменьшается по мере роста физической силы мальчиков. Однако по-прежнему остается относительно высокой для девочек. Похоже, что некоторые родители, чаще жестоко обращающиеся с сыновьями, будут направлять свою агрессию на ранее не привлекавших их внимание дочерей, т.к. мальчики становятся настолько большими, что оказываются способными дать сдачи» [8, с. 294–295].

Воздействие среды часто ассоциируется с низким социально-экономическим статусом семьи, жизненной неустроенностью, экономической нестабильностью. Д. Гил (1970) объясняет физическое насилие над детьми почти полностью социально-экономическими факторами. Случаи жестокого обращения отмечены и в семьях со средним и высоким экономическим статусом. Бедные родители, подвергавшие ребенка физическому насилию, чаще регистрировались муниципальными службами, в то время как родители со средним и высоким экономическим статусом чаще обращались с детьми к частным врачам. В своем обзоре Дж. Спинетта и Д. Риглер (1972) сделали заключение о том, что не доказано, будто средовые факторы выступают как единственные и достаточные для злоупотребления ребенком. Они находятся в

тесном взаимодействии с личностными чертами родителей и предрасположенностью ребенка вызывать плохое обращение посредством увеличивающихся разногласий между ограниченными способностями родителя и потребностями ребенка в заботе (М.С. Касим, 1994).

Изучение средовых факторов риска показало, что несовершеннолетние родители и родители до 21 года составляют особую группу риска и нуждаются в осуществлении специальных превентивных программ семейной поддержки. Важен не молодой возраст родителей, а те факторы, которые присутствуют в такой семье: тяжелая финансовая ситуация, неадекватные знания о ребенке, его развитии, более низкий уровень образования, плохая социальная поддержка.

В группу высокого риска, в отношении насилия над ребенком, входят и матери-одиночки, чему часто сопутствуют финансовая необеспеченность, отсутствие необходимой социальной поддержки. Для родителей группы риска свойственны социальная изоляция, плохой уровень информационного обеспечения, чувство одиночества [150].

Национальное исследование США, проведенное в 1988 г., показало, что среди родителей, жестоко обращающихся с детьми, более высокий уровень стрессов в жизни и меньше информации о программах социальной поддержки, чем у нормальных родителей.

Исследования, проводимые в России, отличаются клиническим и медико-психологическим подходами. Научные коллективы, НИИ им. В.П. Сербского, занимающиеся психопатологическими проблемами подросткового возраста, исходят из того, что сексуальная травма является лишь гранью большой социально значимой проблемы «жестокость к детям». Она анализируется как социально-психологический феномен и как фактор хронической психогенной травматизации. Жестокость к детям обладает выраженным деформирующим воздействием на личность ребенка, нарушающим ее структуру, поведение и социальное содержание [43; 63; 129; 136].

Как известно, человек является не только объектом и субъектом, но и жертвой социализации, а также жертвой неблагоприятных условий социализации.

В 1941 году немецкий криминолог Герберт фон Гентиг опубликовал статью «Замечания по интеракции между преступником и жертвой». Постепенно число последователей Г. Гентига стало увеличиваться. Это способствовало возникновению новой отрасли человеческого знания – виктимологии, основные идеи которой сводились к следующему:

Во-первых, поведение жертвы оказывает существенное влияние на мотивацию преступного поведения. Оно может облегчать и даже провоцировать его. Напротив, оптимальное поведение может сделать невозможным преступное посягательство (либо свести его вероят-

ность к минимуму или, по крайней мере, позволит избежать серьезных отрицательных последствий криминала).

Во-вторых, вероятность стать жертвой преступления зависит от особого феномена – виктимности. Каждая личность может быть оценена: насколько велика вероятность ее превращения в жертву преступления. Эта вероятность определяет виктимность человека (чем больше вероятность, тем выше виктимность).

В-третьих, виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение. Соответственно выделяются: личностная, ролевая и ситуативная виктимность.

В-четвертых, виктимность зависит от личностных характеристик; правового статуса должностного лица, специфики его служебных функций, материальной обеспеченности и уровня защищенности; степени конфликтности ситуации, особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается.

В-пятых, величина виктимности может изменяться. Процесс ее роста определяется как виктимизация, снижения – девиктимизация. Влияя на факторы виктимности, общество может снижать ее и тем самым воздействовать на преступность [45, с. 183–184].

В свою очередь А.В. Мудрик указывает на необходимость введения таких понятий, как «виктимогенность», «виктимизация» и «виктимность».

Виктимогенность обозначает наличие в тех или иных объективных обстоятельствах социализации характеристик, черт, опасностей, влияние которых может сделать человека жертвой этих обстоятельств (например, виктимогенная группа, виктимогенный микросоциум и т.д.).

Виктимизация – процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы неблагоприятных условий социализации.

Виктимность характеризует предрасположенность человека стать жертвой тех или иных обстоятельств. Но, как отмечает А.С. Волочич, здесь нужна оговорка. Буквально виктимность означает жертвенность, что традиционно понимается как синоним самоотверженности и т.п. Поскольку в нашем случае речь идет о людях, объективно или субъективно могущих стать жертвой, а не приносить себя в жертву кому-либо или чему-либо, постольку виктимность правильнее трактовать с помощью неологизма жертвопригодность [77, с. 10–22].

Н.К. Асанова приводит следующее определение виктимизации. Виктимизация – (от лат. *victima* – жертва) – процесс косвенного формирования для личности роли потенциальной жертвы в связи с соответствующими социокультурными особенностями жертвы, ее отношениями со специфической, чаще всего преступной средой, исполнением человеком определенной роли в преступлении (соучастник –

свидетель), а кроме того, за счет его личных качеств (азартность, корысть и т.п.) и особенностей его характера (агрессивность, вспыльчивость и т.п.), поведения (наглость, трусость) [7].

Объективными факторами виктимизации человека могут стать: природно-климатические условия той или иной страны, региона, местности, поселения; общество и государство, в которых он живет (от уровня социально-культурного развития общества и государственной политики); группа сверстников, особенно в подростковом и юношеском возрастах, если она имеет асоциальный, а тем более антисоциальный характер.

Наконец, фактором виктимизации человека любого возраста, но особенно младших возрастных групп, может стать семья.

По мнению А.В. Мудрика, склонность к асоциальному образу жизни, противоправному и (или) саморазрушительному поведению может передаваться по наследству. Кроме того, в семье может формироваться определенный тип жертвы, благодаря тем механизмам социализации, которые для нее характерны – идентификация, импринтинг и др.

Рассмотрев объективные факторы виктимизации, он отмечает, что на каждом возрастном этапе существуют опасности, столкновения с которыми могут привести к тому, что человек становится жертвой неблагоприятных условий социализации. Так, в подростковом возрасте – это пьянство, алкоголизм, аморальность родителей; нищета семьи; ошибки педагогов и родителей; курение, токсикомания; изнасилование, растление; одиночество; физические травмы; травля сверстников; вовлечение в антисоциальные и преступные группы; опережение или отставание в психосоциальном развитии; частые переезды семьи; развод родителей [71].

Эти идеи в какой-то степени подтверждаются исследованиями И.А. Захаревой. В своем исследовании она пришла к заключению, что виктимность к изнасилованию представляет предрасположенность при определенных обстоятельствах становиться жертвой насилия, проявляется в виктимном поведении, в основе которого лежат индивидуально-психологические особенности личности и социально-психологические факторы социализации [38], [39], [40].

Немаловажно и то, каким образом личность предрасположена реагировать на невозможность реализации наиболее значимых для нее потребностей, на крушение идеалов и ценностей, т.е. то, каким образом она переживает, реализуя особую форму активности, критические жизненные ситуации. От этого зависит ее способность преобразовывать свой внутренний мир, переосмысливать свое существование, обрести благодаря переоценке ценностей осмысленность существования в изменившихся условиях [71], [77, с. 10–22].

В зависимости от этих особенностей, реальные жертвы того или иного типа могут воспринимать или не воспринимать себя таковыми. Субъективное восприятие себя жертвы–не жертвы определяется не только индивидуальными особенностями, но и отношением ближайшего окружения, в первую очередь, референтных групп, а также возрастными особенностями.

По Е.И. Цымбал «установлено, что только к 4–5 годам физическое развитие ребенка достигает того уровня, когда он становится способным представлять сексуальный интерес для взрослого». Более того, отмечено, что дошкольный и подростковый возрастные периоды являются «возрастами риска» в отношении насилия. К 15–17 годам вероятность стать жертвой сексуального насилия снижается в четыре раза, к 18 годам – в десять раз [44, с. 65–74].

Почему дошкольники и подростки становятся уязвимыми к насилию, что объединяет эти различные возрастные периоды?

По Л.С. Выготскому, прежде всего, оба этих периода являются критическими в развитии ребенка, причем с 4 до 16 лет это два основных кризиса, характеризующиеся формированием ряда новообразований: за короткий срок ребенок меняется весь в целом. Переживание кризиса дисгармонизирует личность маленького человека, делает его более сензитивным, хрупким, виктимным. Это само по себе может становиться провоцирующим фактором, ведь поведение ребенка к семи годам резко меняется: появляются манерность, капризность, обидчивость. Подобные изменения происходят и в период пубертатного кризиса. Ученые считают, что жестокое обращение или сексуальная травматизация в эти периоды, вероятнее всего, окажут более разрушительное воздействие, чем в период относительной эмоционально-личностной стабильности [44, с. 65–74].

Дети и подростки относятся к группе повышенного риска в силу таких возрастных особенностей психики, как подчиняемость, внушаемость, слабость оценки и прогноза, незрелость, недостаточность жизненного опыта и т.п. В то же время дети наиболее ранимы и чувствительны, поэтому пережитое злоупотребление приводит к серьезным последствиям, оказывающим воздействие на психическое состояние и дальнейшее развитие ребенка [74, с. 9].

Таким образом, индивидуальные особенности, а также нормы и отношения ближайшего окружения могут приводить к тому, что человек считает себя неудачником, несчастным и т.д., относится к себе как к жертве жизненных обстоятельств. Это может вести к тому, что его поведение и отношения с окружающими определяются подобным самоотношением, что, как минимум, усложняет его жизнь, а как максимум, может вызвать психические и социальные отклонения, т.е. превратить в реальную жертву [48; 71, с. 205].

И.А. Захарьева, рассматривая особенности виктимной личности, выделяет следующие основные особенности личности несовершеннолетних, подвергшихся изнасилованию:

– во-первых, это отдельные особенности развития самосознания: неадекватная самооценка, искажение образа Я;

– во-вторых, несформированность ценностно-ориентировочной сферы, связанная с возрастными особенностями и деформированностью мотивационно-потребностной сферы и проявляющаяся в незрелости социальных и других установок;

– в-третьих, характерологические особенности (социальная робость, подозрительность, конформность, неуверенность в себе, экстернальность, агрессивность);

– в-четвертых, особенности эмоционально-волевого реагирования, обусловленные повышенной невротичностью, напряженностью, депрессивностью, раздраженностью, высокой эмоциональной лабильностью и влияющие на формирование дезадаптации личности;

– в-пятых, амбивалентность чувств к родителям, особенно к отцам, обусловленная неадекватным родительствованием: эмоциональной депривацией, автономностью родителей, непоследовательностью и враждебностью отцов, воспитание либо по типу «заброшенного ребенка», либо открытая или скрытая гиперопека; страхом столкнуться с непониманием и психическим насилием; чувством незащитности, ненужности, равнодушия; акцентом родителей на важности первичных актуальных способностей, особенно на чрезмерном требовании послушания [38, с. 18–19], [39, с. 164–166].

Проблема сексуального насилия, по нашему мнению, тесно связана с таким явлением нашего общества, как социальный психотравматизм. Ядром его являются: деформация или утрата связей ребенка со средой, утрата смысла жизни, разрушение базовых ценностных ориентаций. Социальный психотравматизм рассматривается как совокупность явлений, характеризующих функциональное нарушение психики, приводящее к общей устойчивой дезадаптации. Наиболее распространенные формы проявления социального психотравматизма у подростков, по мнению Н.Г. Ломовой, это: девиантное поведение; нарушение эмоционально-волевой сферы личности; психические расстройства [65], [145].

В продолжение вышеизложенного утверждения, З.А. Зимелева замечает, что предпочтение ребенком, подростком как неагрессивных, так и агрессивных моделей поведения является непосредственным отражением процесса социализации [42, с. 22–25].

Р. фон Крафт-Эбинг, один из классиков и основоположников научной сексологии и сексопатологии, писал в начале двадцатого века: «Лишь очень немногие люди вполне осознают могущественное

влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки, как каждого отдельного человека, так и всего общества» [Цит. по: 139, с. 124].

Вопрос о влиянии насилия на личностное развитие ребенка – это прежде всего вопрос о времени, о возрасте ребенка, на который «попадает насилие».

Сексуальные действия, совершаемые с детьми, могут быть насильственными, а могут осуществляться и без применения силы. Однако в широком смысле насилием, преступлением считаются и сексуальные действия, производимые в отношении ребенка с его согласия, в случаях, когда малолетний не понимает их сущности (как правило, в возрасте до 9–11 лет) [74, с. 10].

По мнению В.А. Гурьевой и др., общий перечень последствий сексуальной травматизации детей разделяется на физические (венерические заболевания, тяжкие телесные повреждения), психологические (от фобий и ночных кошмаров до развернутых суицидальных повреждений), и социальные (трудности в межличностных отношениях, деликventность, проституция). А также на кратковременные и долгосрочные (называемые «бомбой замедленного действия», включающие хроническую депрессию, самодеструктивные тенденции, трудности функционирования в супружеской и родительской ролях) [27, с. 118–120], [44], [63], [95], [111], [136], [149].

Однако, как отмечают некоторые авторы, история дурного обращения с ребенком хотя и является значительным фактором риска возникновения многих серьезных эмоциональных, поведенческих и межличностных проблем, но не обязательно обрекает индивида на сложную судьбу.

Жестокое обращение представляет значительный фактор риска возникновения неблагоприятных последствий в развитии ребенка. Даже в пределах какого-либо определенного типа плохого обращения не существует стандартных признаков нарушений приспособления или психопатологии у таких детей. По-видимому, многое зависит от факторов окружения, от индивидуальных факторов, от семейных факторов, а также возраста ребенка [7, с. 4].

Окружение, подвергающее ребенка плохому обращению, может оказывать значимое негативное воздействие на его развитие, но существует много факторов, способных смягчить это воздействие. М. Раттер (1985) утверждает, что примерно у половины детей, подвергавшихся жестокому обращению и неблагоприятному влиянию, не развивается психопатологических симптомов [95, с. 92–93].

Уровень развития ребенка влияет на последствия жестокого обращения различным образом. Интерпретация и понимание детьми плохого обращения играют значительную роль в их приспособлении к

нему. Насилие может принимать различные значения и смысл для детей, находящихся на разных этапах развития. Некоторые очень маленькие дети могут даже не знать, что они подвергались насилию (например, сексуальному злоупотреблению). Как отмечает Д. Финкельхор, они начинают осознавать смысл случившегося с ними только когда становятся старше и лучше понимают социальные запреты и санкции, связанные с этим поведением.

Дж. Пирс в докладе на первой Московской международной конференции «Службы психического здоровья в раннем развитии ребенка» утверждает, что хороший и стабильный уход увеличивает шансы на возникновение привязанности к родителям, основанной на чувстве безопасности, которая может, в свою очередь, послужить значительным компенсаторным фактором для тех детей, которые подвергались насилию [95, с. 94–99].

Сексуальное злоупотребление по-разному влияет и на формирование основных психических новообразований личности жертвы. Самосознание является необходимым условием существования личности. Без него нет личности. Личность осознает не только окружающую действительность, но и саму себя в своих отношениях с окружающим. Нельзя не согласиться с мнением С.Л. Рубинштейна, который отмечает, что изучение личности «завершается раскрытием самосознания личности». Становление самосознания включено в процесс становления личности, и поэтому оно не надстраивается над ней, а является одним из компонентов личности.

Решающий этап в развитии самосознания связан с формирующейся у ребенка полоролевой идентичностью, т.е. отнесение себя к полу и осознание содержания половой роли. Ведущим механизмом усвоения половой роли является идентификация, т.е. уподобление себя в форме переживаний и действий другому лицу.

Ведущая функция самосознания – это саморегуляция поведения личности. Именно совокупность представлений о себе и оценка этих представлений является психологической основой поведения личности. Человек в своем поведении может себе позволить ровно столько, насколько он знает себя. Эта формула в значительной мере обуславливает самодостаточность личности, степень ее уверенности в себе, независимость от других, свободу в поведении и осознание ограничений этой свободы [2, с. 82–86].

По позиции Е.Т. Соколовой осознание человеком своей телесной сущности (что обычно включает осознание схемы тела, внешности и половой принадлежности) представляет собой такой же познавательный процесс, что и познание (отражение) объектов внешнего мира и других людей. Этот процесс всегда опосредован потребностями, отношениями субъекта как личности, в силу чего самосознание

является сложным динамическим единством знания и отношения, интеллектуального и аффективного. Ссылаясь на свои ранние исследования, Е.Т. Соколова отмечает, что потребности, аффективные состояния могут прямо проецироваться в процессе восприятия, что обычно происходит в условиях грубого нарушения самоконтроля и саморегуляции, а также при определенной (умеренной) интенсивности самого потребностно-аффективного состояния [120, с. 6].

Была обнаружена тесная связь между переменными Я-концепции и формами телесного опыта. Так, ссылаясь на исследования зарубежных ученых, Е.Т. Соколова придерживается мнения о том, что возникновение чувства целостности собственного тела, четкости и определенности его границ тесно связано с периодически возникающими циклами сомато-сенсорной стимуляции, идущей от матери на ранних этапах симбиоза с младенцем. Неспособность к интеграции этой стимуляции приводит к недоразвитию чувства целостности и ограниченности собственного тела, а также к появлению различных перцептивных и когнитивных нарушений. В дальнейшем такого рода нарушения оказывают сильное воздействие на все последующее развитие Я [120, с. 14–15].

Направления в области изучения осознания человеком своей телесной сущности представлены двояко: во-первых, исследование образа тела и его связи с Я-концепцией исходит из представления о теле как своеобразном хранилище Я, обладающем более или менее определенными субъективными границами. Во-вторых, направление, где основной объект исследования – «внешность». Также в самом этом направлении выделяются два подхода. Представители первого делают акцент на эмоциональном отношении к собственной внешности. Второй опирается на исследование когнитивного компонента и отвечает на вопрос: «Насколько точно субъект воспринимает свое тело?» [120, с. 15–16].

Так, в одном зарубежном исследовании, где принимали участие около 1000 мужчин и 1000 женщин при классифицировании 12 частей тела, обнаружилась значимость у мужчин таких частей, как половой член, яички и язык. Эта оценка не зависела от возраста, лишь у старых людей несколько снижалась оценка половых органов. У женщин оценки оказались менее определенными, лишь у тех, кому было за 70, язык стабильно оказывался на первом месте [120, с. 16].

Экспериментально доказано, что восприятие физического облика другого человека в сознании подростка затем переносится и на восприятие подростком самого себя. Так, именно в этот возрастной период, когда происходят важнейшие преобразования в организме, когда внешний облик и физические черты начинают сильно волновать подростка, тогда соответствие физического развития ребенка стандартам, принятым в группе его сверстников, становится определяющим фактором в его социальном признании, положении в группе [102, с. 94].

1.5. «Я-концепция» и социально-перцептивные образы

Б.Г. Ананьев, анализируя особенности развития современной науки, еще в 60-е годы XX столетия прогнозировал резкое возрастание интереса к проблеме человека. По его мнению, основная из этих особенностей заключается в превращении проблемы человека в общую проблему всей науки [2, с. 8].

По мнению ряда ученых, необходимым условием для развития психики человека является непрерывная связь индивида со средой и его активное взаимодействие с ней. Это взаимодействие осуществляется посредством межличностного восприятия, понимания, установления и сохранения коммуникаций.

По утверждению А.А. Бодалева, будучи проявлением такого познания, образы других людей и складывающееся у человека обобщенное знание о них постоянно зависят от целей и характера его коммуникаций с другими людьми... [12, с. 87].

Выражение «познание человека» используется в традиционно широком значении: как психическое отражение человека на уровне сознания, так и включая познавательную деятельность. «Познание других и себя является психологической основой для развития» – эту мысль в своих работах развивали многие авторы [3; 5; 10; 11; 13; 14; 16; 51; 50; 52; 53; 59; 64; 72; 73; 88; 89; 90; 91; 92; 93; 94; 128; 130; 131; 132; 148].

Познание себя и других называют «скрытой реальностью педагогического общения», но признают, что она несет «основную развивающую функцию»: «осознавания, обретения смыслов, перестройки структур «Я-и-Мир»...» [34].

Возрастное развитие, в особенности детское, – сложный процесс, который в силу ряда особенностей приводит к изменению всей личности ребенка на каждом возрастном этапе [66; 60; 104].

В отечественной психологии, занимающейся изучением детской психики, достаточно широко представлены исследования, изучающие особенности развития познавательных процессов у детей, представления детей об окружающем мире, в том числе о других людях (П.П. Блонский, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.С. Мухина, М.И. Лисина, А.А. Люблинская, Д.Б. Эльконин и др.).

Развиваясь, становясь все более сознательным и обобщенным, восприятие приобретает вместе с тем все большую свободу по отношению к непосредственно данному. В процессе развития человек все более свободно может дифференцировать непосредственно отраженные факты, события, явления, выделять в них отдельные, существенные, моменты и соотносить их с другими [12, с. 239].

В то же время, по мнению В.Л. Ситникова, понятия «восприятие», «представление», «познание» и «понимание» человека не являются тождественными понятию «образ», начиная с того, что первые четыре понятия относятся к познавательным процессам и отражают динамику, процессуальность, а понятие «образ» статично и отражает некий результат познания. Более того, автор считает, что образ – это изначально целостный комплекс восприятий, представлений, пониманий, установок. Познавательные процессы изначально предполагают достоверное знание, а образ совершенно органично допускает единство реального и идеального, осознаваемого и интуитивно чувствуемого [116, с. 54–55].

Социально-перцептивные образы – это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные [116, с. 21].

В психологическом словаре понятие «образ» рассматривается как чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику [101, с. 228]. Причем некоторыми авторами добавляется понятие «образ человека», которое в последнее время стало широко применяться для обозначения облика человека, характерного для той или иной культуры в целом или для определения этапов ее развития. В качестве синонимов этого понятия выступают «модель человека», «парадигма человека» [Цит. по: 116, с. 20].

Познание другого и себя является психологической основой для развития. Образ человека в его сознании характеризуется объективной и субъективной опосредованностью. Объективная опосредованность раскрывается наличием контакта между источником и носителем в данный момент, его наличием в прошлом и наличием только опосредованного взаимодействия (без прямого контакта). Субъективная опосредованность раскрывается получением лишь текущей информации об объекте, получением новой информации о нем на фоне уже имеющейся (полученной ранее) и опережающим отражением – выходом за рамки субъективно данного [33; 34].

Согласно Б.Г. Ананьеву [4], С.Л. Рубинштейну [109] ведущая роль в процессе формирования образа принадлежит визуальной модальности. Особая роль зрительной системы в процессах чувственного отражения определяется, по мнению ученых, тем, что в нее включается интегрирующая и преобразующая функции сигналов всех модальностей. Зрительный образ собирает, синтезирует, организует вокруг себя данные остальных органов чувств. При восприятии человека, в первую очередь, оказываются задействованы обонятельная и слуховая системы.

По мнению Б.А. Еремеева, гораздо реже образ исследуется как субъективное звено во взаимодействии его носителя с его источником и еще меньше исследуется роль образа как фактора, определяющего развитие породивших его условий [33; 34].

Чаще всего в качестве фактора, детерминирующего отражение, рассматривается какое-то одно из его условий: объект, субъект, объединяющая их практика.

Следует отметить, что источник (объект) образа человека многообразен. Прежде всего – это непосредственно физическая отдельность: как тело, как «вещь в себе». Затем – как представитель различных категорий (групп), или «вещь для себя». И, наконец, как особая ценность, как особая «вещь для нас» – другое Я. Выделение человека как «фигуры» влечет за собой соотнесение его с другими «фигурами», сначала оказавшимися в «фоне».

По представлениям Б.А. Еремеева, в познании человека человеком должны соотноситься друг с другом именно образы. Он считает, что в эмпирических исследованиях обнаруживаются противоречия между теорией и исследовательскими действиями на эмпирическом уровне в частности при психодиагностике, когда сопоставляются Я-образы (Я-концепции) и образы значимых других.

При исследовании образа человека это единство рассматривается как отождествление в образе его субъекта и его объекта, или как их субъективная идентификация. В межчеловеческом взаимодействии идентификация – это информационный аспект взаимного уподобления [34]. Для характеристики того, насколько идентификация выражена, учитывается в образе соотношение между объективным и субъективным [34]. Все это и будет являться вариантами образа человека.

Как итог отражения, идентификация может быть увеличена или уменьшена. Конкретизируя ее, обычно говорят о познавательном, эмоциональном и «поведенческом» вариантах, причем подчеркивается и ее обусловленность влиянием человека на человека [61; 88; 89; 90].

Так, возможна последовательность движения от фиксации признаков через логические умозаключения к рациональным выводам о сущности. Возможно проявление эмоционального сочувствия, сопереживания, причем без видимых причин. Возможна экспрессивно-двигательная подстройка как копирование, воспроизведение состояния другого [34].

Но возможно и движение «от себя». Можно приписать другому человеку такое эмоциональное состояние, которое обнаруживается у того, кто его испытывает.

Продвигаясь в своем развитии, ребенок, уподобляясь другому, таким образом, раскрывает его и одновременно формирует себя, расширяя границы своего бытия. Децентрация как выход за пределы соб-

ственного Я является механизмом саморазвития в плане преодоления своей ограниченности при познании, или механизмом формирования субъектности в познавательной деятельности. Однако в данном случае происходит растворение в другом, в мире его взглядов, переживаний и установок, стимулируя при этом утрату самостоятельности.

Как отмечает В.Л. Ситников, под образом ребенка понимается целостная совокупность житейских и научных представлений о ребенке, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и актуализирующихся в процессе изучения ребенка и взаимодействия с ним. Образ ребенка может отражать и сам ребенок. Такой образ принято называть Я-образ ребенка.

Подростковый возраст, по мнению ученых и практиков, считается наиболее сложным периодом развития человека (П.П. Блонский, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Т.И. Драгунова, С. Холл и др.). Это остро протекающий переход от детства к взрослости, где явно переплетаются противоречивые тенденции всего хода развития. В этот период сказываются внутренние трудности возраста, начиная с психогормональных процессов и кончая перестройкой Я-концепции.

Я-концепция является динамичным психологическим образованием. По мнению А.А. Реана, формирование, развитие и изменение Я-концепции обусловлены факторами внутреннего и внешнего порядка. Социальная среда (семья, школа, многочисленные формальные и неформальные группы, в которые включена личность) оказывает сильнейшее влияние на формирование Я-концепции. Несмотря на то, что с возрастом все более весомым в развитии Я-концепции становится значение опыта социального взаимодействия в школе и в неформальных группах, в подростковом и юношеском возрасте семья как институт социализации продолжает играть важнейшую роль [108, с. 47].

Не менее важное влияние на формирование Я-образа оказывают сверстники. Тем более что в подростковом возрасте круг друзей становится референтным. Как отмечает В.Л. Ситников, роль сверстников в гендерной социализации отечественными психологами и педагогами практически не изучается. Этот вопрос затрагивается лишь в единичных работах, где идентификация со сверстниками того же пола, что и ребенок, рассматривается как важнейший механизм формирования гендерной идентичности. Наибольший вклад в изучение данного фактора внес И.С. Кон [116, с. 108].

Как известно, общение влияет не только на процесс социализации, но и на формирование личности подростка. В подростничестве наступает весьма важный момент в личностном развитии, связанный со становлением дифференцированной и осознанной «Я-концепции» как системы внутренне согласованных представлений о себе. Формирование «Я-концепции» – это результат рефлексии, самопознания, а

также появления образа «другого», в качестве которого чаще всего выступает ровесник. Идентификация со сверстниками представляет собой определенный этап формирования «Я-образа» подростка. Как отмечает Т.М. Марютина и др., было выявлено, что сначала у подростка формируется так называемый «Мы-образ», который служит предпосылкой формирования качественно нового «Я-образа» подростка. Главной характеристикой «Мы-образа» является включенность подростка в группу сверстников [103, с. 235].

Анализ структуры и сущности в Я-концепции необходим для понимания содержания представлений о себе подростков, переживших сексуальное насилие, о роли Ты-образов в осознании причинности данного факта и коррекции личностного развития.

Психологические исследования в области развития ребенка показывают, что факторы, влияющие на становление детской психики, противоречивы. В одном случае они способствуют, в другом – препятствуют оптимальному развитию его личности и адекватности полоролевых представлений и гендерной идентичности (А.П. Петровский, Л.Г. Саго-товская). Так, отношения к ребенку со стороны родителей могут сформировать эффективную потребностно-мотивационную систему ребенка, позитивный Я-образ; те же самые факторы, но с другим психологическим содержанием могут приводить к проблемному развитию потребностей и мотивов, низкому самоуважению, неадекватности Я-образа и др. [149].

Подростковый возраст особенно чувствителен к различным нарушениям отношений. Овладение жизненным и полоролевым опытом на новом этапе происходит проблемно, зачастую через акцентуации, психопатии, невротические и психосоматические расстройства формируется Я-образ [58; 70; 102]. Вот как описывает свой первый сексуальный опыт одна из респонденток, участвовавшая в нашем исследовании: «... Первый наиболее волнующий сексуальный контакт произошел у меня в 13 лет с моей близкой подругой, которая была на год младше меня, но опыта общения с противоположным полом имела намного больше. Впоследствии я очень остро переживала по поводу того, что случилось, мне даже стало казаться, что я влюблена в свою лучшую подругу и тогда эта ситуация казалась просто катастрофической. Примерно в то же время у меня произошел первый сексуальный опыт с мальчиком, моим ровесником. Он был более искушен в этом, чем я, и стал грубо меня домогаться. После первых поцелуев мне удалось от него уйти, и я была потрясена случившемся. От первого сексуального контакта с представителем противоположного пола я осталась в наиболее худших впечатлениях, чем от связи с девушкой. Родители ничего не знали об этих двух случаях, как не знают и до сих пор. Могу с уверенностью сказать, что все это сыграло свою роль в моей сексуальной жизни, т.к. даже теперь, имея сексуального партнера – мужчину, очень близкого мне человека, я периодически даже больше на подсознательном уровне ищу связи с женщиной, что очень осложняет мою жизнь и я считаю это для себя большой проблемой, пути из которой пока не вижу» [124].

По мнению А.Г. Осуховой, в настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитых в отрочестве агрессии со стороны взрослых или сверстников, жестокого обращения, сексуального насилия становятся: нарушение Я-концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях, сексуальные дисфункции и самое главное – утрата доверия к себе и к миру [82, с. 86].

До подросткового возраста отличия ребенка от других привлекают его внимание только в исключительных, конфликтных случаях. Его «Я» практически сводилось к сумме идентификаций с разными значимыми людьми. У подростка положение меняется. Ориентация одновременно на нескольких значимых других делает его психологическую ситуацию неопределенной, внутренне конфликтной [58].

Я-образы оказываются достаточно тесно связанными с Ты-образами. При этом актуализация конкретной системы Я-образов личности ситуативна и зависит от различных факторов: самочувствия; предшествующих поступков; ожиданий и намерений; от того, с кем конкретно взаимодействует человек; от успешности деятельности и взаимодействия; от отношений человека к себе, к окружающим, к ситуации и пр. факторов. Каждый социально-перцептивный образ является продуктом как рациональных, сознательных, осознаваемых, так и иррациональных, бессознательных, неосознаваемых усилий человека по восприятию и пониманию себя и другого [116, с. 26].

Из знаний возрастной психологии следует, что чем старше и более развит человек, тем больше находит он различий между собой и «усредненным» сверстником. Осознание своей непохожести на других исторически и логически предшествует пониманию своей глубокой внутренней связи и единства с окружающими людьми [58].

Так, И.С. Кон, ссылаясь на исследования Д. Марша (1980), утверждает, что более высокие уровни идентичности коррелируют с более высоким самоуважением. Непосредственных связей между уровнем идентичности и интеллектом не найдено, но есть значимые различия в когнитивном стиле (сложившихся установках познания мира) [58].

Физическое Я – важная сторона жизни подростков. Для них является значимым соответствие своего тела и внешности стереотипному образу маскулинности или фемининности. С возрастом озабоченность внешностью обычно уменьшается. Человек привыкает к своей внешности, принимает ее и соответственно стабилизирует связанный с ней уровень притязаний. На первый план выступают теперь другие свойства «Я» – умственные способности, воля и моральные качества, от которых зависит успешность деятельности и отношения с окружающими [58; 102].

Американский психолог Говард Каплан (1977, 1980) на основе обобщения собственного десятилетнего лонгитюдного исследования 9300 семиклассников пришел к выводу, что пониженное самоуважение положительно коррелирует с достаточно большим количеством видов девиантного поведения. И.С. Кон дополняет: неудовлетворенность собой и высокая самокритичность не всегда свидетельствуют о пониженном самоуважении. Несовпадение реального и идеального «Я» – вполне нормальное, естественное следствие роста самосознания и необходимая предпосылка целенаправленного самовоспитания.

Рефлексивная самокритика творческой личности и пониженное самоуважение невротической схожи тем, что в обоих случаях присутствует стремление к совершенству. Однако пути достижения совершенства будут различными. В первом случае конфликт реального и идеального «Я» разрешается в деятельности, будь то учеба, труд или самовоспитание. Этот конфликт разворачивается на основе сильного «Я», которое может ставить себе сложные задачи, и в этом проявляется мера самоуважения. Наоборот, типичная черта невротической – слабое «Я». Многие из них могут быть наиболее реальными и вероятными кандидатами попадания в «группу риска» в силу отсутствия достаточного уровня личностной и социальной зрелости. Которые проявляются через инфантильность, высокую конформность и ведомость, отсутствие интереса к себе, низкий уровень самоуважения и самопонимания, неадекватную самооценку [58, с. 102–103].

В силу слабости «реального Я», инфантильности в проявлении себя, у таких личностей возникает стремление «опереться» на чью-либо силу и значительность. Порой идентификация с сильным, «могущественным» другим оказывается настолько глубокой, что «слабое Я» отказывается от того, на что в принципе имеет право [86]. Так, невротическая рефлексия остается на уровне пассивного самосозерцания. Признание и даже гипертрофия собственных недостатков служат здесь не основой для их преодоления, а средством самооправдания, отказа от деятельности, вплоть до полного «выключения» из реального мира [58].

Таким образом, расхождение реального и идеального «Я» – функция не только возраста, но и интеллекта [58].

Рассматривая понятие «образ», нельзя упускать важный аспект, касающийся духовности личности, уровня ее самосознания. Развитие самосознания – центральный психический процесс переходного возраста. Биогенетическая психология выводила рост самосознания и интереса к собственному «Я» у подростков непосредственно из процессов полового созревания. Половое созревание, скачок в росте, нарастание физической силы, изменение внешних контуров тела и т.п. действительно активизируют у подростка интерес к себе и своему телу.

Данный факт является важной составляющей психосексуального развития подростков.

Само психосексуальное развитие включает в себя несколько этапов. На начальных этапах формируется осознанное разделение полов, причем ребенок себя относит к одному из них; также формируется полоролевое поведение, продолжающееся примерно до 10–12 лет. Здесь ребенок осваивает стиль поведения взрослых той микросоциальной сферы, которая его окружает [49, с. 11–12]. Следующий этап – это период, связанный с формированием психосексуальной ориентации (полового влечения) – развивающийся в возрасте от 10–12 до 18–25 лет. Он начинается у девушек с возникновением менархе и раньше; с началом эякулярхе и раньше – у мальчиков.

Как отмечает А.А. Кирпиченко, в самом периоде полового влечения возникает ряд стадий формирования психосексуальной ориентации. Первая стадия называется романтическая (платоническая). Происходит идеологизация при выборе объекта полового влечения, это – первая любовь. Уже на этой стадии появляются признаки половой дифференциации. У мальчиков проявляются характерные сексуальные ухаживания.

Вторая стадия – эротическая, у юношей проявляется стремление к ласкам, объятиям, поцелуям, но без полового акта. У девушек эротическая стадия длится долго. Иногда на эротической стадии и заканчивается их развитие. У юношей вторая стадия протекает быстро, в то время как у девушек психологически зафиксировано ухаживание на эротической фазе. И когда у юношей появляется стремление к совокуплению, она не понимает, зачем это нужно, если можно обойтись и без полового акта.

Третья стадия – сексуальная. Она быстро развивается у юношей, т.к. оргазм, возникающий в этой фазе, закрепляет всю функциональную систему, и чем она больше, тем меньше сбоев. У девочек сексуальная фаза развивается медленно, потому что:

- во-первых, менструации не связаны с оргазмом, иногда болезненны;
- во-вторых, возможность полового акта сопровождается боязнью лишения девственности;
- в-третьих, возникает боязнь забеременеть;
- в-четвертых, возможны осуждения окружающих.

Человека с опытом сексуального насилия, как правило, захлестывают сильные эмоциональные переживания, иногда болезненные и пугающие, осложняющие диалог с самим собой, а также отношения с другими. Вот, например, как говорит об этом студентка в одном из проведенных нами исследований: «С 16-летнего возраста я подвергалась насилию со стороны двух мужчин, которые занимались различными развращениями. Мои переживания были очень тяжелыми и мучительными, т.к. внутри меня

что-то оборвалось. Мой внутренний мир, который до этого был ярким и насыщенным стал тусклым и неинтересным. Рассказывать об этом я никому не хотела, потому что мне было стыдно и не приятно... Честно говоря, я перестала воспринимать мальчиков как объект увлечения. Они меня интересовали лишь как друзья. Если я и увлекалась кем-то, то ненадолго. Поцелуи всегда заканчивались полным фиаско для меня. Мне было противно, когда ко мне кто-то прикасался. Мне хотелось романтики, как и раньше, до этого случая, но меня никто не понимал...» [124].

Отмечается, что оргазм у девушек появляется при первом половом акте в том случае, если она ранее занималась мастурбацией. В случае недоразвития эрогенных зон у женщины, правильное развитие этих зон зависит от постоянных ласк мужчин. Так как мужчина считает, что женщина не должна отказываться от полового акта, та идет с ним до уровня эротических ласк. Таким образом, появляется большое число изнасилований, в которых 50% случаев действия девушек являются провокационными [49, с. 13–14].

Таким образом, постепенная смена стадий (романтической, эротической, сексуальной) в подростковом возрасте у мальчиков и девочек будет зависеть от таких факторов как: особенности созревания организма каждой личности (акселерация, ретардация), социальной ситуации развития, особенностей интеллектуальных и личностных характеристик.

Помимо вышеобозначенной позиции этапов психосексуального развития выделяется еще одна, в которой рассматриваются моменты осознания жертвой характера и значения совершаемых с нею действий. В этом плане перспективной для нашего исследования представляется позиция профессора В.Л. Васильева. В свою очередь он отмечает, что способность понимать характер и значение происходящего предполагает достаточную сформированность высших психических образований личности – самосознания, иерархии нормативно-ценностной структуры, способности к эмпатии, развитых критических и прогностических способностей, коммуникативных навыков, правового и нравственного сознания и др. [24, с. 518]. Ссылаясь на мнение М.А. Догадиной и др., В.Л. Васильев придерживается следующей позиции.

1. Возраст до 7 лет соответствует первому этапу психосексуального развития. В это время происходит формирование полового самосознания – в первую очередь складывается правильное представление о своей половой принадлежности, к 3–4 годам дети могут дифференцировать окружающих по внешним половым признакам (одежде, внешнему виду, строению тела и половых органов, тембру голоса и др.). Затем появляется любопытство, направленное на половые органы, на поведение животных и людей с констатацией элементов сексуального взаимодействия, они спрашивают у взрослых о строении тела, деторождении,

супружестве, играют в игры, имитирующие сексуальное взаимодействие, – «в семью», «в доктора», нередко подобные игры сопровождаются раздеванием, демонстрацией и разглядыванием половых органов. Криминальную ситуацию в этом возрасте дети могут оценивать как игру или наказание. Будучи потерпевшими (жертвами), они способны воспринимать лишь внешнюю, формальную сторону событий и не понимают ни характера, ни значения совершаемых с ними действий.

2. Возрастной период 7–13 лет соответствует второму этапу психосексуального развития, стержневой характеристикой которого является формирование стереотипа полоролевого поведения ребенка на основе его психофизиологических особенностей и стереотипов мужественности и женственности, господствующих в микросоциальном окружении. В это время около половины детей получают информацию о половом акте, не менее трети принимают участие в сексуальных играх с детьми противоположного пола, наблюдается разделение детей по половому признаку, таким образом, вырабатывается, дифференцируется и усваивается мужской и женский половой стереотип. В зависимости от степени сформированности полоролевого поведения жертвы (потерпевшей) можно сделать вывод о ее способности понимать характер и значение совершаемых с ней действий. Незавершенность формирования второго этапа приводит к выводу о способности такой потерпевшей понимать только характер, фактическую сторону совершаемых с ней действий, понимание значения действий виновного для нее недоступно.
3. Третий этап психосексуального развития характеризуется формированием психосексуальной ориентации и сопровождается последовательной сменой стадий платонического, эротического и сексуального полового влечения [24, с. 516–517].

Придерживаясь мнения С.Н. Ениколопова, следует отметить, что при анализе данных по изучению полового самосознания в литературе существует проблема соотношения терминов «половой или сексуальной» и «полоролевой или гендерной» идентичности. Смешение этих терминов проявляется на методическом уровне, когда сходные феномены описываются с помощью различных методов. Более того, существует проблема и на методологическом уровне, когда одним и тем же термином обозначаются различные структуры полового самосознания, различающиеся по своей глубине, доступности осознания, возможности изменения непосредственной ситуации. Поэтому приближением к методологическому решению этой проблемы может быть рассмотрение половой идентичности с позиции методологии Я-концепции [31, с. 110].

Большое количество работ по данной проблеме доказывает важность и значимость исследований полового самосознания, с одной стороны. И неудовлетворенность объяснительными и прогностическими функциями существующих теоретических моделей – с другой. По мнению С.Н. Ениколопова, причиной данных трудностей является ограниченность методологических подходов, акцентирующих внимание на вопросе становления гендерных и сексуальных структур самосознания. И далее продолжает: «Пути их преодоления лежат в привлечении динамических моделей самосознания, объясняющих роль не только онтогенетически сформированных predispositions личности, но и ситуационных факторов в регуляции различных форм поведения» [31, с. 109].

Выводы по 1 главе

1. Тема сексуального насилия в настоящее время сохраняет свою актуальность для многих регионов не только Российской Федерации, но и других суверенных государств так называемого «постсоветского пространства», одним из которых является Беларусь.

2. Учеными проводились попытки объяснить феномен агрессии и насилия с позиции этологического, психоаналитического, фрустрационного, бихевиорального и других подходов. Так, в современной психологии разводятся понятия агрессии как специфической формы поведения и агрессивности как психических свойств личности. Агрессия объясняется как процесс, имеющий специфическую функцию и организацию; агрессивность же рассматривается как некоторая структура, являющаяся компонентом более сложной структуры психических свойств личности.

3. Агрессия тесно связана с такими понятиями, как насилие и жестокость. В первую очередь тем, что агрессия, помимо конструктивной, несет в себе еще и деструктивную форму. Именно с последней связаны насилие и жестокость.

4. Само насилие разделяется на прямое, структурное и культурное. Такие виды могут иметь окраску индивидуального и/или социального насилия. Использование жестокости рассматривается с позиции дисбаланса сил, прежде всего физических (асимметричные силовые взаимоотношения). Более того, насилие и жестокость могут совпадать, например, в понятии физического насилия. Сексуальное насилие также может включать в себя понятие жестокости. По нашему мнению, это касается тех случаев, которые происходят с позиции возрастного дисбаланса, когда ребенок не осознает значения совершаемых с ним действий.

5. Сексуальность рассматривается как комплексная характеристика человека, отражающая определенность (выраженность) его биологических, психологических и социальных характеристик, связанных с полом и обнаруживающаяся в его поведении. Существующие теории (феминистская, социального научения, эволюционная, синтетическая) рассматривают сексуальное насилие односторонне, т.е. с позиции нападающего и/или с точки зрения сексуальности уже взрослых людей.

6. Значимость темы сексуального насилия возрастает, если это касается детей и подростков. Различные социальные факторы в ходе развития могут существенно повлиять на формирование виктимности подрастающей личности, в частности на ее самосознание и на результат процессов самосознания – Я-концепцию.

7. Важными в психосексуальном развитии являются такие механизмы самосознания, как идентификация и дифференциация (обособление). Причем идентификация «отвечает» за социализацию, т.е. присвоение индивидом своей человеческой сущности. Обособление, в свою очередь, отвечает за индивидуализацию, т.е. формирование и поиск собственной индивидуальности. В подростковом возрасте наступает важный момент в личностном развитии: становление дифференцированной и осознанной «Я-концепции» как системы внутренне согласованных представлений о себе [62, с. 280–314; 58; 78, с. 275–294; 103]. Формирование этой системы проходит через идентификацию с другими. Такая идентификация представляет собой определенный этап формирования Я-образа подростка, который развивается первоначально на основе Ты-образов, стимулируя возникновение качественно обновленного, дифференцированного Я-образа.

ГЛАВА 2. МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Программа, предмет, объект и задачи исследования

2.1.1. Программа изучения личности подростков, переживших сексуальное насилие

Как отмечают С.Н. Ениколопов и Н.В. Дворянчиков, все больше возрастает роль психологии пола при решении большого числа прикладных задач, возникающих перед специалистами. Например, при изучении лиц с расстройствами сексуального влечения (Н.В. Дворянчиков), при решении экспертных вопросов в отношении несовершеннолетних жертв сексуального насилия (А.А. Ткаченко, М.А. Догадина, Н.В. Дворянчиков), при анализе механизмов аномального сексуального поведения (С.Н. Ениколопов, А.В. Герасимов, Н.В. Дворянчиков), агрессивного сексуального (А.В. Герасимов, А.А. Ткаченко), инцестуозного поведения (А.А. Ткаченко, Ю.В. Ковальчук, Н.В. Дворянчиков), а также при психологическом исследовании транссексуалов (Д.С. Саламова, С.Н. Ениколопов, Н.В. Дворянчиков) [31, с. 100].

Роль психологии пола в настоящее время возрастает также при решении экспертной и психокоррекционной практики в психологии. Актуальность этой темы проявляется в контексте решения задач, связанных с оценкой степени сохранности произвольного поведения, способности несовершеннолетних в полной мере воспринимать характер и значение действий насильника, а также тяжести последствий сексуального насилия. Постановка психокоррекционных задач важна для решения вопросов супружеской дисгармонии, проблем полового воспитания, оказания помощи жертвам сексуального насилия, коррекции девиантного сексуального поведения [31, с. 101].

В свою очередь Н.И. Юдашина также отмечает, что самым «слабым местом» остаются проблемы сексуального развития ребенка и полового воспитания [147, с. 67].

Несмотря на актуальность данной проблемы, и ее коррекции, по нашему представлению, не менее важной является проблема причинности сексуального насилия в отношении подростков.

Для того чтобы изучить особенности социально-перцептивных образов подростков, перенесших сексуальное насилие, нами была разработана программа исследования, включающая следующие основные пункты:

1. *Определение предмета, целей и задач исследования.*
2. *Выбор объекта исследования:*
 - 2.1. Выявление категории подростков, воспитанников приюта, подвергавшихся сексуальному насилию.

- 2.2. Включение в изучаемую группу подростков, проходивших по уголовным делам по факту изнасилования.
- 2.3. Включение во вторую группу подростков методом случайной выборки из учащихся средних общеобразовательных школ г. Витебска.
- 2.4. Включение в третью группу подростков методом случайной выборки школы-интерната Витебской области.
3. *Применение методов в процедуре изучения социально-перцептивных образов подростков, переживших сексуальное насилие:*
 - 3.1. Выбор доступных и простых, но информативных и сопоставимых методов изучения личностных особенностей подростков, перенесших сексуальное насилие.
 - 3.2. Применение методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» с целью изучения особенностей социально-перцептивных образов подростков, переживших сексуальное насилие.
 - 3.3. Использование системы качественного и количественного анализа полученных эмпирических данных.
4. *Обработка полученных результатов:*
 - 4.1. Первичная обработка эмпирических данных.
 - 4.2. Математико-статистическая обработка данных.
 - 4.3. Анализ полученных результатов.
 - 4.4. Интерпретация эмпирических данных.
 - 4.5. Описание полученных результатов.

2.1.2. Предмет и объект исследования

Известно, что развитие личности может быть представлено как процесс и результат вхождения человека в новую социокультурную среду. Индивид при благоприятно складывающихся обстоятельствах проходит такие фазы своего становления в ней, как личности, адаптации, индивидуализации, интеграции [101, с. 174–177; 140, с. 49–50].

Предметом данного исследования стала структура и содержание Я-, Ты-образов «друзей» и «недрузгов» в сознании подростков и взрослых – жертв сексуального насилия.

Объектом исследования была определена социально-перцептивная сфера подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.

В исследовании участвовало подростков – 139 человек, в том числе: мальчиков – 73, девочек – 66, из них лиц, переживших сексуальное насилие – 30 человек, в том числе: мальчиков – 15, девочек – 15; студенты – 173 человека, в том числе: мужчин – 51, женщин – 122, из них лиц, переживших сексуальное насилие – 67 человек, в том числе: юношей – 11, девушек – 56.

Включение в программу исследования людей разного возраста и половой принадлежности позволяет:

- во-первых, выявить особенности Я-образов подростков (мальчиков и девочек), переживших сексуальное насилие;
- во-вторых, изучить особенности Ты-образов подростков, подвергавшихся сексуальному насилию;
- в-третьих, сопоставить Я-, Ты-образы подростков с социально-перцептивными образами взрослых, переживших сексуальное насилие.

В исследование были включены мальчики и девочки подросткового возраста, в основном воспитанники приюта, подвергавшиеся сексуальному насилию не только со стороны взрослых, но и сверстников. Выбор объекта исследования в данном случае основывался на размытости статистических данных по факту совершения сексуального насилия над детьми. Например, согласно статистике МВД России, в 2000 г. 60% всех тяжких преступлений произошло в семьях, где жертвами в их подавляющем большинстве случаев были женщины и дети [53, с. 98]. Однако не оговаривается, какого пола дети и какого возраста. Также не рассматривается вопрос о том, кто чаще подвергается сексуальному насилию: девочки или мальчики? Например, по мнению Н.И. Юдашиной, мальчики более подвержены, чем девочки сексуальному насилию, т.к. в обществе менее оберегаемы [147, с. 69]. Вот как описывает свою ситуацию один респондент, участвующий в нашем исследовании: «Первое мое знакомство с женским телом произошло в дошкольном возрасте. Со мной в доме жила девушка старшего школьного возраста, и мы с ней часто встречались. Вместе проводили время, она катала меня на велосипеде и фотографировала. Однажды она пригласила меня к себе посмотреть на подаренную ей игрушку. Я долго играл с говорящим клоуном, а она лежала на диване. Когда я собрался уходить, она попросила меня об одной услуге. Она попросила гладить ее тело и при этом показывала где. Она разделась до нижнего белья и легла на кровать, а я лег на нее. Спустя некоторое время мне стало страшно при виде ее полузакрытых глаз и судорожного дыхания, и попросил отпустить меня. Она попросила меня продолжить, но я не понял и, в конце концов, убежал... Последующие половые акты проходили с девушками, которые меня не привлекали и в основном в алкогольном опьянении. Я до сих пор не могу найти ту, которую я бы мог полюбить» [124].

Среди взрослых были выделены две группы, различающиеся по половому признаку. Следует отметить, в результатах исследования А.Х. Пашиной 65,6% женщин исследовательской выборки, вне зависимости от возраста, наличия или отсутствия семьи, детей, работы, характера профессии, по их субъективной оценке переживали какое-либо насилие. Наиболее распространенный вид насилия в отношении женщин, вошедших в указанную выше выборку, – психологическое, далее частота встречаемости уменьшается в следующем порядке: экономическое, сексуальное и физическое. Проявление какого-либо од-

ного вида насилия в отношении женщины достоверно часто сопровождается проявлением другого (других) вида насилия. Сексуальное же насилие женщина чаще всего переживает на работе и затем – от собственного мужа/партнера. Более того, переживание насилия с высокой степенью достоверности связано с деформацией эмоциональной сферы [18; 85, с. 104–105]. В свою очередь исследований по переживанию мужчинами сексуального насилия в нашей стране, насколько нам известно, никем не проводилось. Вероятнее всего это связано с тем, что мужчины, возможно, стыдятся того, что с ними произошло, потому что общество предпочитает мужскую силу и самодостаточность [96]. Поэтому они наравне с женщинами также были включены в программу исследования.

2.1.3. Основные задачи исследования

Целью проведенного исследования явилось изучение особенностей социально-перцептивных образов подростков, переживших сексуальное насилие.

Программа проведенного исследования предполагала решение следующих задач:

1. Теоретическое изучение и анализ проблемы сексуального насилия в отношении детей и подростков.
2. Изучение особенностей Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие.
3. Исследование образов «друга» и «недруга» в сознании подростков, переживших сексуальное насилие.
4. Сравнительный анализ Я-, Ты-образов подростков, переживших сексуальное насилие, с социально-перцептивными образами взрослых, подвергавшихся сексуальному насилию.

2.2. Изучение личности подростков, переживших сексуальное насилие

2.2.1. Основные методы проведенного исследования

Для проверки гипотезы и решения поставленных задач нами использовались следующие методы исследования:

1. Методы теоретического исследования: анализ монографий, статей и других научных публикаций, отражающих состояние проблемы изучения личности подростков, переживших сексуальное насилие.
2. Методы эмпирического исследования: опросник акцентуации личности К. Леонгарда–Х. Смишека; методика изучения самоотношений (В.В. Столин); методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А.П. Осницкого); методика диагностики социально-психологической

адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда); методика изучения образа человека «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» В.Л. Ситникова.

3. Методы обработки материалов исследования: контент-анализ, составление таблиц, корреляционный анализ данных, анализ достоверных различий.

2.2.2. Применение опросных методов в исследованиях личности

Как известно, личностные опросники предназначены для диагностики степени выраженности у индивида определенных личностных черт или других психологических характеристик [101, с. 239], [29], [17], [98].

Для определения группы подростков, переживших сексуальное насилие, с целью выяснения объективной картины данного факта, с учетом специфики поставленных задач, необходимо определить наиболее надежные способы изучения особенности таких личностей, которые в своей жизни переживали этот опыт.

В связи с этим для сбора и анализа фактического материала важно применять разные методики, комплексное использование которых и обеспечивает надежность, достоверность получаемых данных. Выбор конкретных методик для проведения психологического изучения личности подростков производился нами с расчетом на получение с помощью этих средств объективного факта воздействия изучаемой группы подростков сексуальному насилию.

При выборе методик в первую очередь учитывалось:

- положительная оценка применения и надежность методики;
- доступность методики для изучаемого контингента подростков;
- возможность математической обработки полученных результатов.

В настоящее время для исследования агрессивности широко применяются опросные методики. Они отличаются тем, что при строгом их использовании позволяют получить надежную информацию не только о внутренних побуждениях детей, но и результатах их деятельности, поведения. В свое время А. Басс справедливо указывал, что при изучении агрессии и насилия, опросники не нашли широкого применения. Он объяснял это тем, что ответы на вопросы частично обусловлены желанием респондентов показать себя с позитивной стороны. Эта тенденция, называемая «социальной желательностью», обычно проявляется при применении опросников, созданных для исследования поведения, которое считается социально неприемлемым. Существенным моментом является как сам факт мотивированного искажения ответа, так и быстрое изменение ответов в различных ситуациях, что и является субъективным изменением смысла ответов [112, с. 26].

Сам А. Басс попытался преодолеть отмеченные ограничения и совместно с А. Дарки разработал опросник, ставший весьма популярным среди психологов разных стран, в том числе России, Белоруссии. Данный опросник неоднократно применялся в научных исследованиях.

Этот личностный опросник предназначен для диагностики агрессивных и враждебных реакций. Создавая опросник, А. Басс и А. Дарки решили учесть различные формы агрессивных реакций. А. Басс предлагал разграничивать две реакции: реакцию, проявляющуюся «внешне», активно по отношению к конкретным лицам, которую он определяет термином «агрессия». И реакцию, состоящую в том, что личность занимает, в общем, негативную позицию по отношению к окружающим, – такая реакция определяется А. Бассом как «враждебность».

Методика Басса–Дарки позволяет определить типичные для испытуемых формы агрессивного поведения. Также, по мнению Л.М. Семенюк, применяя данную методику можно убедиться в том, что у различных категорий подростков агрессия имеет различные качественные и количественные характеристики. Вместе с тем эта методика позволяет получить данные о готовности детей действовать в определенном направлении. Кроме того, результаты применения данной методики позволяют сделать некоторые выводы о содержании мотивационной сферы ребенка, т.к. выбор способов поведения из числа привычных для субъекта форм реагирования связан с реально действующими смыслообразующими мотивами [112, с. 31–32].

По мнению Л.Ф. Бурлачука и С.М. Морозова, данный опросник широко распространен в зарубежных исследованиях, в которых подтверждаются его высокие валидность и надежность, однако данные об его стандартизации на отечественных выборках не указываются [20, с. 20].

В рамках проведения исследования с подростками экспериментальной и контрольных групп нами был использован личностный опросник самооотношений (В.В. Столин), который направлен на изучение отношения к себе [15; 79; 83].

Л.Ф. Бурлачук и С.М. Морозов отмечают стандартизацию и удовлетворительную надежность этого опросника. А также указывают на проведение исследований по валидности конструктивной. Этот личностный опросник рекомендуется для применения в консультативных целях и в научных исследованиях [20, с. 296].

В нашем исследовании была использована методика определений акцентуаций личности К. Леонгарда–Х. Смишека. В связи с тем, что объектом исследования являются подростки, про которых с определенной долей вероятности можно говорить о заострении черт акцентуированного характера, на наш взгляд, невозможно обойтись без данной методики. Тем более, что она применялась при изучении осо-

бенностей полоролевого и сексуального поведения транссексуалов такими исследователями, как Б.М. Ворник, Т.В. Говорун, Н.С. Кроль [31, с. 105].

Для изучения особенностей подростков, переживших сексуальное насилие, мы использовали методику социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [81, с. 415–421]. В этой методике содержатся высказывания о человеке, о его образе жизни – переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения. Их всегда можно соотнести с собственным образом жизни человека. Для нашего исследования выгодным моментом в данной методике являются показатели по шкалам «Адаптивность» и «Деадаптивность», «Приятие себя» и «Неприятие себя», «Приятие других» и «Неприятие других», «Эмоциональный контроль» и «Эмоциональный дискомфорт», «Внутренний контроль» и «Внешний контроль».

Так как, по утверждению А.А. Реана, интернальность коррелирует с социальной зрелостью и просоциальным поведением, а экстернальность связана с недостаточной социальной зрелостью и асоциальным поведением, на наш взгляд, невозможно не употребить данную методику в изучении особенностей личности подростков, переживших сексуальное насилие [108, с. 97].

2.2.3. Изучение социально-перцептивной сферы подростков и взрослых

Социально-перцептивная сфера подростков и взрослых изучалась при помощи методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», разработанной В.Л. Ситниковым. В основе методики изучения образа человека лежат две методики: «20 высказываний» (М. Кун и Т. Макпартлэнд, 1954) и «психогеометрический тест» (С. Делингер, 1989). Соответственно методика «СОЧ(И)» состоит из двух частей: вербальной и невербальной. Первая из них дает возможность сбора вербальной, в той или иной степени осознаваемой информации; вторая позволяет получить данные об интуитивной, мало осознаваемой, невербализованной и неструктурированной группе представлений о человеке.

Как отмечает В.Л. Ситников, методика «Структура образа человека (иерархическая) – СОЧ(И)» предназначена для выявления и анализа образов человека, имеющих в сознании взрослых и детей. Данная методика позволяет выявить структуру и содержание вербальных и невербальных образов ребенка и Я-образов детей и взрослых, а также провести их количественную и качественную обработку и выявить взаимовлияние Я-образов и других разновидностей образов детей и взрослых: образов-проекций, образов-отражений, образов-ориентиров и образов-эталонов [116, с. 145], [115].

Первая методика, которая лежит в основе СОЧ(И) – «20 высказываний», по мнению В.Л. Ситникова, достаточно хорошо известна и за сорок пять лет со дня опубликования многократно использовалась как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях.

Авторы теста «20 высказываний» М. Кун и Т. Макпартлэнд применяли данный тест для выявления локусных установок личности, исходя из того, что люди организуют и направляют свое поведение в соответствии с их субъективно определяемыми идентификациями. Как отмечают авторы: «вопрос «Кто Я?» является тем вопросом, который логически должен связываться с тем, с чем себя идентифицирует индивид, т.е. с социальным статусом и теми чертами, которые, по его мнению, связываются с этим» [Цит. по: 116, с. 128].

Как утверждает автор, выбор психометрического теста основан на компактности, процедурной простоте, достаточной широте интерпретации и проверке на валидность и надежность данного теста, осуществленной сотрудниками кафедры психологии РГПУ им. А.И. Герцена [116, с. 126].

Для выявления взаимовлияния образов подростков в сознании других детей и их Я-образов, изучались содержание и структура Я-образов.

В процессе исследования нас интересовало не только соотношение объективных и субъективных характеристик, подростков, переживших сексуальное злоупотребление, но и содержание самих характеристик, а также то, какую структуру образа человека они отражают.

Более того, нас интересовал вопрос о соотношениях структурных компонентов и содержания Ты-образов (друга и недруга) подростков. Причем данное соотношение касалось не только социально-перцептивных образов подростков, также изучались Я-, Ты-образы взрослых, переживших ситуацию сексуального насилия. В дальнейшем полученные результаты сопоставлялись.

2.3. Организация сбора эмпирического материала

2.3.1. Основные этапы сбора эмпирических данных и контингент испытуемых

Организация сбора эмпирического материала проходила в 4 этапа.

Первый этап: выявление и обследование подростков, переживших сексуальное насилие.

С 1998 по 2000 г. в опытную группу исследования вошли девушки-подростки в количестве 5 человек, проходившие по уголовным делам по факту изнасилования. И 1 мальчик-подросток, мать которого обратилась на кафедру психологии и коррекционной работы Витеб-

ского государственного университета за психологической помощью по факту совершения с ним развратных действий. А с 2001 по 2003 г. были обследованы подростки Витебского детского социального приюта в количестве 63 человек. Из них на основании проводившейся беседы с психологом и медицинскими работниками того же учреждения впоследствии было выделено 14 мальчиков и 10 девочек, обнаруживающих признаки сексуального насилия.

Косвенными признаками сексуального насилия для нас явились: изображение подростками гипертрофированных половых органов в рисунках; гиперсексуальное поведение, например, склонение к сексу, в том числе оральному младших детей уже в самом приюте; прохождение ребенком лечения после вензаболеваний; ориентация на мнения психолога, педагогов, подозревающих признаки насилия.

Прямыми признаками стали утвердительные ответы самих ребят на вопросы, например: «Кто-нибудь, когда-нибудь пытался схватить тебя, заключить в объятия, поцеловать тебя и ты чувствовал при этом угрозу?»; «Кто-либо, когда-нибудь пытался дотронуться до твоей груди или половых органов (гениталий) против твоего желания?» [152].

Таким образом, общее количество составило 30 человек в возрасте от 13 до 16 лет, из них 15 мальчиков и 15 девочек.

Второй этап: обследование учащихся общеобразовательных школ, не подвергавшихся сексуальному насилию.

В 2002–2003 гг. были обследованы и включены во вторую группу подростки, обучавшиеся в средних общеобразовательных школах № 9, № 25, № 39 г. Витебска. Всего 75 человек в возрасте от 13 до 16 лет, из них 39 мальчиков и 36 девочек.

Сбор эмпирического материала для сравнения структур и содержания Я-, Ты-образов осуществлялся методом случайной выборки на классных часах, проводимых в средних школах.

Третий этап: обследование воспитанников школы-интерната, не подвергавшихся сексуальному насилию.

В 2003 году были обследованы и включены в третью группу подростки – воспитанники школы-интерната. Всего 34 человека в возрасте от 13 до 16 лет, из них 19 мальчиков и 15 девочек.

Сбор эмпирического материала для сравнения структур и содержания Я-, Ты-образов осуществлялся методом случайной выборки в двух классах школы-интерната г. Сенно Витебской области.

Четвертый этап: выявление и обследование взрослых, переживших сексуальное насилие.

С 2001 по 2003 год велось исследование по определению взрослых (студентов), подвергавшихся сексуальному насилию.

Организация сбора эмпирического материала с целью выявления структуры и содержания Я-, Ты-образов взрослых – жертв сексуального

насилия происходила в аудиторных условиях, в ходе занятий по психологии со студентами вторых–пятых курсов факультета социальной педагогики и психологии, факультета физической культуры и спорта Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Таким образом, с применением комплекса методик были обследованы подростки:

- воспитанники приюта: 24 человека;
- учащиеся общеобразовательных школ: 75 человек;
- воспитанники школы-интерната: 34 человека;
- подростки, проходившие по уголовным делам и обратившиеся за помощью: 6 человек.

Из них:

- мальчики: 73 человека;
- девочки: 66 человек.

Всего было обследовано подростков: 139 человек.

По методике «СОЧ(И)» обследованы взрослые (студенты) в количестве 173 человека.

Из них:

- мужчин: 51 человек;
- женщин: 122 человека.

Отметили, что подвергались сексуальному насилию взрослые (студенты): 67 человек.

Из них:

- мужчин: 11 человек;
- женщин: 56 человек.

Всего обследовано 312 человек. Переживших сексуальное насилие: 97 человек.

2.3.2. Принципы отбора испытуемых

Принципами отбора респондентов-подростков явились: пол, возраст, тип учреждения.

Принципами отбора взрослых явились: пол, возраст.

Так, среди подростков были обследованы следующие три категории: подростки – воспитанники приюта, пережившие сексуальное насилие; подростки общеобразовательных средних школ; подростки – воспитанники школ-интернатов. Среди взрослых – мужчины и женщины, обучающиеся в Витебском государственном университете. Важно отметить, что вышеуказанные группы были выбраны по следующим причинам:

- во-первых, на основании анализа психолого-педагогической литературы можно предположить большую степень встречаемости интересующей нас группы детей в таких учреждениях, как приюты;
- во-вторых, для того чтобы выявить специфические особен-

ности личности подростков с признаками сексуального насилия, были обследованы учащиеся средних общеобразовательных школ;

– в-третьих, для того чтобы нивелировать влияние фактора депривации подростков, переживших сексуальное насилие, была обследована еще одна группа, в которую вошли воспитанники школы-интерната;

– для сравнения особенностей социально-перцептивной сферы подростков, переживших сексуальное насилие, в исследование были включены взрослые, обнаруживающие аналогичные проблемы.

2.3.3. Процедура эмпирического обследования

Во всех трех группах подростков исследование включало следующие методики:

1. Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки (адаптация А.П. Осницкого).
2. Опросник акцентуации личности К. Леонгарда–Х. Смишека.
3. Методика изучения самоотношений (В.В. Столин).
4. Методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда).
5. Методика изучения образа человека «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» – вербальная часть (В.Л. Ситников).

Перед проведением диагностического блока в первой группе с подростками устанавливался доверительный контакт. Следует отметить, что мальчики, по сравнению с девочками, сложнее шли на него. Однако после определенного времени знакомства раскрывались и рассказывали о себе. Что касается выполнения заданий, то девочки выполняли их с большой охотой, а мальчики просили больше времени для того, чтобы подумать. Однако затем приступали к выполнению, мотивируя это тем, что все равно нечем заняться.

Перед проведением исследования делались необходимые комментарии и пояснения к каждой методике. Задания в этой группе выполнялись индивидуально. Методики предъявлялись подросткам по очереди. Учитывались также такие особенности, как утомляемость, пресыщение, работоспособность.

Задания во второй и третьей группах выполнялись в индивидуальном режиме: до полного выполнения или до самостоятельного решения о переходе к выполнению следующей методики, без жестких ограничений по времени.

Обследование с применением методик проводилось в разное время, как правило, не более 2–3 методик в один день, в отдельных случаях по одной.

Для того чтобы можно было проследить изменения с возрастом в Я-, Ты-образах у подростков, переживших сексуальное насилие, на-

ми была проведена методика «СОЧ(И)» – исследование вербальных образов у взрослых (студентов университета). В обследовании участвовало 173 человека (122 женщины и 51 мужчина). Из них, отметивших, что пережили сексуальное насилие, 67 человек (56 женщин и 11 мужчин). Причем 1 мужчина отмечает возраст до 7 лет. А остальные 10 человек возраст от 7 лет и старше. В отношении женщин доминирующим является период после 13 лет. Хотя 16 человек отмечают период от 7 до 13 лет.

Процедура проведения обследования по методике «СОЧ(И)» сводилась к выполнению задания «20 высказываний»: о себе (20 Я), о друге (20 друг), о недруге (20 недруг).

Перед проведением исследования оговаривались принципы: а) анонимности; б) шифровки (необходимость ее заключалась в дифференциации групп мужчин и женщин, отметивших сексуальное насилие над собой и групп, не отметивших таких особенностей); в) ограничения времени написания.

Инструкция предъявлялась следующим образом: «Представьте себе, что Вы хотите рассказать о себе другому человеку. Для того чтобы у него сложилось наиболее точное представление о Вас, требуется дать ему не более (но и не менее) 20 определений самих себя. Это могут быть односложные синонимы, ассоциативные образы или развернутые определения, но в этом случае каждое определение должно раскрывать только одно понятие. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят вам в голову. Не заботьтесь об их логичности или важности. Пишите быстро, поскольку Ваше время ограничено. Итак, 20 высказываний о себе...». Затем предлагалось дать 20 определений своего друга..., после чего – 20 определений своего недруга.

Перед началом задания часть испытуемых испытывали некоторое замешательство, но после уточняющих вопросов приступали к его выполнению. Следует отметить, что достаточно большая часть респондентов испытывали заметную заинтересованность не только при описании себя, но и при описании недруга.

2.3.4. Программа обработки полученных данных

Математико-статистическая обработка проводилась с использованием рекомендаций В.Л. Ситникова, С.И. Гусевой-Кедич, И.Ю. Шилова.

Полученные с помощью личностных опросников данные подвергались контент-анализу, математико-статистическому анализу через описательную статистику и двухвыборочный t-критерий Стьюдента с помощью компьютерной программы обработки эмпирических данных, полученных по методике «СОЧ(И)», разработанной психологами В.Л. Ситниковым, С.И. Гусевой-Кедич и программистом С.А. Левич.

Данная программа позволяет:

- сверять введенные в базу данных РС IBM определения со структурным словарем и вносить в него не встречавшиеся ранее определения;
- автоматически распределять характеристики описываемых образов по различным компонентам структуры;
- проводить количественный анализ структуры образов. Обработка включала следующие процедуры:
- составление частотных словарей определений Я-образов подростков;
- составление частотных словарей определений собирательных образов «друга» и «недруга»;
- контент-анализ эмпирических данных;
- выявление компонентных типов структур Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, и подростков общеобразовательной средней школы;
- выявление компонентных типов структур Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, и подростков – воспитанников школы-интерната;
- статистический анализ структур Я-образов подростков, включающий описательную статистику, определение критерия различий Стьюдента;
- построение таблиц, отражающих соотношение структур Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, с Я-образами подростков контрольных групп.

После введения эмпирического материала в компьютерную базу данных, отдельно по каждой категории составлялись матрицы контент-анализа, которые служили основой для статистической обработки следующих компонентов характеристик структуры образов: поведенческих, деятельностных, социальных, волевых, эмоциональных, интеллектуальных, телесных, конвенциональных и метафорических.

Полученные матрицы позволяют обобщить все выявившиеся структуры по следующим основаниям:

- 1) доминирующий компонент структуры Я-образов мальчиков, переживших сексуальное насилие;
- 2) доминирующий компонент структуры Я-образов девочек, переживших сексуальное насилие;
- 3) преобладание в сознании подростков, переживших сексуальное насилие, Ты-образов «друга» и «недруга».

Выводы по 2 главе

1. Объектом исследования явилась социально-перцептивная сфера подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.
2. В исследовании подростков всех групп целесообразно применение личностных опросников, направленных в данном случае на получение дополнительных объективных данных о психологических особенностях изучаемой группы подростков.
3. Методика «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», предназначена для выявления и анализа образов человека, имеющих в сознании подростков и взрослых. В данном случае эта методика направлена на выявление различий в структурах Я-, Ты-образов подростков, переживших сексуальное насилие, и остальных подростков – воспитанников школы-интерната и средних общеобразовательных школ. Кроме того, она позволяет сравнить структуры и содержание Я-, Ты-образов подростков, переживших сексуальное насилие со структурой и содержанием социально-перцептивных образов взрослых, ставших жертвами сексуального насилия.

Глава 3. Особенности личности и социально-перцептивных образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие

3.1. Гендерные особенности личности подростков, переживших сексуальное насилие

3.1.1. Гендерные особенности агрессивности подростков, переживших сексуальное насилие

Подростковая агрессия есть результат специфичного научения. При этом считается, что причины развития и закрепления агрессивного поведения следует искать в том, как родители воспитывали своих детей в первые годы жизни, а также и в более поздние периоды, включая подростковый возраст [102, с. 285]. Данный тезис весьма актуален для изучения тех подростков, которые по ряду причин стали жертвами сексуального насилия.

Применяя методiku диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки, мы предположили, что здесь могут быть обнаружены существенные различия между подростками, пережившими сексуальное насилие, и подростками из общеобразовательных школ, а также из школы-интерната. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Достоверные различия показателей и форм агрессии подростков

Подростки	Физическая агрессия	Вербальная агрессия	Косвенная агрессия	Негативизм	Раздражение	Подозрительность	Обида	Чувство вины
М – Д						2,22		
М – М1				-3,52		2,7	2,25	3,14
Д – Д1				-3,13				2,09
М – М2							2,49	2,15
Д – Д2		-2,21		-2,92		-2,05		

Условные обозначения: М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие;
 М1, Д1 – мальчики и девочки подросткового возраста, обучающиеся в средних школах;
 М2, Д2 – мальчики и девочки подросткового возраста, воспитанники школы-интерната.

Жирным шрифтом обозначены критические значения t-критерия Стьюдента: при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы 1, существенные различия у мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, отмечаются по шкале «Подозрительность». Скорее всего недоверие и осторожность в отношениях с людьми складывается после перенесенной ситуации насилия, или же из-за убеждения в том, что другие намерены причинить вред.

При сравнении с подростками из общеобразовательной средней школы мальчики с признаками сексуального насилия обнаруживают различия по шкалам «Негативизм», «Подозрительность», «Обида», «Чувство вины». По нашему мнению, значения по шкале «Негативизм», выявленные в пользу подростков средних школ, относятся к социальным характеристикам. Выраженность же значений по шкалам «Подозрительность», «Обида», «Чувство вины» являются по А. Бассу проявлением враждебного отношения к окружающим.

При сравнении с подростками из школы-интерната у мальчиков, переживших сексуальное насилие, обнаруживаются достоверные различия по шкалам «Обида», «Чувство вины». Гипотетически, на наш взгляд, это связано с большей направленностью мальчиков на себя, на свои переживания и проблемы, нежели на проблемы другого. Сущность подозрительности заключается в недоверии и настороженности по отношению к людям. Более того, это может быть убеждением, что другие люди планируют и приносят вред. Возможно и то, что ребята, подвергавшиеся сексуальному злоупотреблению, выработали такой механизм психологической защиты.

Девочки, пережившие сексуальное насилие, по сравнению со своими сверстницами из общеобразовательных средних школ обнаруживают достоверные различия по шкалам «Негативизм», «Чувство вины». Аналогичным образом, как и у мальчиков, переживших сексуальное насилие, у девочек выражено убеждение, что они являются плохими, поступают зло. А при сравнении с ровесницами из школы-интерната достоверные различия выявлены по шкалам «Вербальная агрессия», «Негативизм», «Подозрительность». Данный факт свидетельствует о том, что девочки интерната в большей степени, чем их сверстницы, пережившие сексуальное насилие, способны выражать свои чувства как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угрозы, проклятия). Если сравнивать полученные данные в диаде Д–Д2 по шкале «Подозрительность», то отмечается практическая равенность показателей у девочек интерната с девочками, пережившими сексуальное насилие. Однако, эта особенность практически не характерна для мальчиков школы-интерната.

Таким образом, анализ показал следующее количество достоверных различий по шкалам. У мальчиков, переживших сексуальное насилие, 3 из 8. А у девочек, переживших сексуальное насилие, 4 из 8. При сравнении полученных результатов в диадах практически не обнаружено различий по шкалам «Физическая агрессия», «Косвенная агрессия», «Раздражение».

3.1.2. Гендерные особенности акцентуаций личности подростков, переживших сексуальное насилие

В сокращенном варианте акцентуация определяется как дисгармоничное развитие характера, гипертрофированная выраженность отдельных его черт, что обуславливает повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняет ее адаптацию в некоторых специфичных ситуациях. По мнению А.А. Реана, вопрос о динамике акцентуаций разработан еще недостаточно, хотя уже сейчас можно говорить о заострении черт акцентуированного характера в подростковом возрасте. По данным Н.Я. Иванова, распространенность акцентуаций в подростковом возрасте, а также в ранней юности различна у мальчиков и девочек. Кроме того, определенная доля акцентуированных варьируется в зависимости от типа и особенностей учебного заведения [102, с. 251–252].

Так, при анализе результатов опросника акцентуации личности К. Леонгарда–Х. Смишека наметились предпосылки существенных различий между мальчиками и девочками. Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Достоверные различия выраженности акцентуаций личности подростков

Подростки	Гипертимический тип	Ригидный тип	Лабильный тип	Педантичный тип	Тревожный тип	Циклотимный тип	Демонстративный тип	Возбудимый тип	Дистимичный тип	Экзальтированный тип
М – Д				<i>2,31</i>						
М – М1			4,96		2,94					
Д – Д1				-3,32						2,56
М – М2		2,47	3,43							
Д – Д2			-3	-5,14	-2,97					

Условные обозначения: М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие;
 М1, Д1 – мальчики и девочки подросткового возраста, обучающиеся в средних школах;
 М2, Д2 – мальчики и девочки подросткового возраста, воспитанники школы-интерната.

Жирным шрифтом обозначены критические значения t-критерия Стьюдента: при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

Данные таблицы 2 отображают значительные различия между мальчиками и девочками по шкале «Педантичность». Педантичность, прежде всего, связана с неприятными фактами, травмирующими переживаниями, которые часто застревают в памяти; негибкостью, инертностью психических процессов. Более того, с педантичностью связаны такие особенности, как нерешительность, склонность к пространственным рассуждениям, к углубленному самоанализу и проявлению навязчивых состояний (мыслей, переживаний и т.д.). Повышенная боязнь за будущее, судьбу своих близких и самого себя [100, с. 132–136].

Данная особенность в большей степени характерна для мальчиков, переживших сексуальное насилие, для девочек из средних общеобразовательных школ и девочек школы-интерната (достоверность различий у этих подростков находится на уровне $p < 0,001$).

При сравнении с подростками из общеобразовательной средней школы мальчиков-подростков, обнаруживающих признаки сексуального насилия, выявляются различия по «Лабильному типу», «Тревожному типу». Причем достоверность различий по «Лабильному типу» находится на уровне $p < 0,001$.

При сравнении с подростками школы-интерната у мальчиков, переживших сексуальное насилие, достоверные различия отмечаются по «Ригидному типу», «Лабильному типу». Достоверность различий по «Лабильному типу» у мальчиков, переживших сексуальное насилие, определяется на уровне 0,001 достоверности различий.

У девочек, переживших сексуальное насилие, по сравнению со сверстницами общеобразовательных средних школ отмечаются достоверные различия по «Педантичному типу» и по «Экзальтированному типу». А в сравнении со сверстницами школы-интерната достоверные различия отмечаются по «Лабильному типу», «Педантичному типу», «Тревожному типу» в сторону девочек интерната.

Таким образом, анализ показал следующее количество достоверных различий по шкалам:

- у мальчиков, переживших сексуальное насилие, 5 из 10;
- у девочек, переживших сексуальное насилие, 6 из 10.

В общем, при сравнении полученных результатов в диадах практически не обнаружено различий между подростками изучаемых нами групп по «Гипертимическому типу», «Циклотимному типу», «Демонстративному типу», «Возбудимому типу», «Дистимичному типу».

При проведении качественного анализа были обнаружены, на наш взгляд, достаточно интересные данные. Обработав их по ключу методики, впоследствии определялись те значения, которые превышали 12 баллов. Полученные результаты части подростков, у которых была обнаружена ярко выраженная акцентуация (акцентуации), подвергались ранжированию, что впоследствии стимулировало к оформлению таблиц и проведению качественного анализа.

Как видно из таблицы 3, на первых местах как у мальчиков, так и у девочек, переживших сексуальное насилие, наблюдается «Лабильный тип» и «Ригидный тип». Также у мальчиков на третьем месте обнаружены «Циклотимный» и «Демонстративный» типы акцентуации личности. У девочек наравне с «Ригидным типом» наблюдается «Экзальтированный».

Таблица 3

**Ранжирование значений акцентуации личности подростков,
переживших сексуальное насилие (n = 30)**

Тип акцентуации	Кол-во мальчиков	Ранг	Процент	Тип акцентуации	Кол-во девочек	Ранг	Процент
Лабильный	15	1	100,00%	Лабильный	13	1	100,00%
Ригидный	14	2	88,80%	Ригидный	12	2	77,70%
Циклотимный	12	3	66,60%	Экзальтированный	12	2	77,70%
Демонстративный	12	3	66,60%	Гипертимный	10	4	55,50%
Гипертимный	10	5	33,30%	Циклотимный	10	4	55,50%
Педантичный	10	5	33,30%	Возбудимый	8	6	33,30%
Экзальтированный	10	5	33,30%	Дистимичный	8	6	33,30%
Возбудимый	8	8	22,20%	Демонстративный	7	8	22,20%
Тревожный	7	9	11,10%	Тревожный	4	9	11,10%
Дистимичный	6	10	,00%	Педантичный	3	10	,00%

Аналогичным образом были получены результаты по подросткам из общеобразовательных средних школ и школы-интерната (таблицы 4, 5).

Таблица 4

**Ранжирование значений акцентуации личности подростков
общеобразовательных средних школ (n = 75)**

Тип акцентуации	Кол-во мальчиков	Ранг	Процент	Тип акцентуации	Кол-во девочек	Ранг	Процент
Гипертимный	30	1	100,00%	Гипертимный	30	1	100,00%
Циклотимный	29	2	88,80%	Ригидный	27	2	77,70%
Ригидный	28	3	66,60%	Лабильный	27	2	77,70%
Демонстративный	28	3	66,60%	Циклотимный	26	4	44,40%
Педантичный	26	5	55,50%	Демонстративный	26	4	44,40%
Возбудимый	24	6	44,40%	Возбудимый	26	4	44,40%
Экзальтированный	16	7	33,30%	Дистимичный	18	7	33,30%
Дистимичный	15	8	22,20%	Педантичный	17	8	11,10%
Лабильный	14	9	11,10%	Тревожный	17	8	11,10%
Тревожный	2	10	,00%	Экзальтированный	13	10	,00%

Как видно из приведенной таблицы, на первых трех местах у подростков из общеобразовательных средних школ обнаруживаются «Гипертимический тип», который характерен как для мальчиков, так и для девочек изучаемой нами выборки. Далее, на втором месте у мальчиков выявлен «Циклотимный тип», а у девочек – «Ригидный» и «Лабильный» типы. У мальчиков на третьем месте присутствуют «Ригидный» и «Демонстративный» типы.

У подростков из школы-интерната также отметились некоторые особенности (таблица 5).

Таблица 5

**Ранжирование значений акцентуации личности подростков,
воспитанников школы-интерната (n = 34)**

Тип акцентуации	Кол-во мальчиков	Ранг	Процент	Тип акцентуации	Кол-во девочек	Ранг	Процент
Гипертимный	15	1	100,00%	Лабильный	15	1	100,00%
Циклотимный	14	2	88,80%	Ригидный	13	2	66,60%
Демонстративный	13	3	66,60%	Педантичный	13	2	66,60%
Экзальтированный	13	3	66,60%	Демонстративный	13	2	66,60%
Ригидный	12	5	55,50%	Гипертимный	12	5	33,30%
Лабильный	10	6	44,40%	Тревожный	12	5	33,30%
Возбудимый	9	7	22,20%	Циклотимный	12	5	33,30%
Дистимичный	9	7	22,20%	Экзальтированный	11	8	22,20%
Педантичный	8	9	11,10%	Возбудимый	7	9	,00%
Тревожный	7	10	,00%	Дистимичный	7	9	,00%

Из представленной таблицы видно, что на первых трех местах у мальчиков присутствует «Гипертимический тип», а у девочек – «Лабильный». На втором месте у мальчиков – «Циклотимный тип», а у девочек на этом месте выявляется сразу несколько. В частности это – «Ригидный», «Педантичный», «Демонстративный» типы. На третьем месте у мальчиков, так же как и у девочек, выявлено несколько – это «Демонстративный» и «Экзальтированный» типы.

Таким образом, было определено, что у мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, на первом и втором месте обнаружены «Лабильный» и «Ригидный» типы акцентуации личности. По мнению К. Леонгарда, для «Лабильного/эмотивного» типа характерна высокая чувствительность, глубокие реакции в области тонких эмоций. Также характерны доброта, задушевность, эмоциональная отзывчивость, высокоразвитая эмпатия. «Ригидный/застревающий» тип характеризуется высокой устойчивостью аффекта, длительностью эмоционального отклика, переживаний. Окружающими такие личности могут рассматриваться как злопамятные и мстительные. Помимо того, что черты «Лабильного» и «Ригидного» типов являются подобными у мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, однако выявлены те черты, которыми они различаются. У мальчиков – это черты «Циклотимного» и «Демонстративного» типов, которые занимают третье ранговое место. В частности для вышеобозначенных типов характерно то, что «Циклотимный тип» характеризуется частой систематической сменой гипертимических и дистимических состояний. Демонстративная акцентуация рассматривается через призму потребности и постоянного стремления произвести впечатление, привлечь к себе внимание. Это проявляется в тщеславном, часто нарочитом поведении. У девочек, в отличие от мальчиков, переживших сексуальное

насилие, на втором месте обнаруживается «Экзальтированный тип», выраженностью которого является крайняя впечатлительность по поводу любого события или факта и бурными, экзальтированными реакциями.

Следует отметить тот факт, что у всех мальчиков, т.е. тех, кто пережили сексуальное насилие, и тех, кто не подвергались ему, отмечается наличие «Циклотимной» и «Демонстративной» акцентуаций, занимающих второе и третье ранговые места. У девочек, переживших сексуальное насилие, на первых двух ранговых местах, аналогичным образом, как и у девочек из школы-интерната, так и у девочек общеобразовательных школ, выявлены черты «Лабильного» и «Ригидного» типов акцентуаций.

По-видимому, наличие подобий по «Лабильному» и «Ригидному» типам акцентуаций как у мальчиков, так и у девочек, переживших сексуальное насилие, скорее всего, является особенностью их личностей. Наличие различий по «Циклотимному» и «Демонстративному» типам у мальчиков и отмеченные различия по «Экзальтированному типу» у девочек, перенесших сексуальное насилие, рассматривается нами как факт гендерных особенностей подростков.

Причем следует отметить то, что в выборке мальчиков с опытом сексуального насилия первые ранговые места занимают акцентуации, характерные как для мальчиков из других учебных учреждений («Циклотимный» и «Демонстративный» типы), так и те акцентуации, которые характерны для девочек с опытом сексуального насилия («Лабильный» и «Ригидный» типы).

Таким образом, наличие таких черт, как высокая чувствительность, глубокие эмоциональные реакции, доброта, эмоциональная отзывчивость; высокоустойчивая аффективность, чувствительность, болезненная обидчивость, легкоуязвимость объединяют мальчиков и девочек, которые становятся жертвами сексуального насилия. Плюс к этому для мальчиков будет добавляться частая систематическая смена гипертимических и дистимических состояний; потребность и постоянное стремление произвести на окружающих впечатление, привлечь к себе внимание. Для девочек – крайняя впечатлительность по поводу любого события с бурными, экзальтированными реакциями на происходящее [17; 102, с. 251–260].

Исходя из вышеобозначенных особенностей мальчиков, перенесших сексуальное насилие, не исключается возможность склонности к деликвентному поведению. По мнению А.А. Реана, среди распространенности различных типов акцентуаций в группе деликвентов 48% относится к «Циклотимной», которая находится на втором месте после «Гипертимной» акцентуации [102, с. 254]. Для девочек, подвергшихся сексуальному злоупотреблению, в силу вышеобозначен-

ных особенностей будет характерна эмоциональная депривация, которая, по утверждению А.А. Реана, сама по себе может стать одним из пусковых механизмов деликвентности [102, с. 256].

Следует отметить, что в изученной литературе нами не было обнаружено каких-либо исследований по наличию или отсутствию связей акцентуаций личности подростков с особенностями их социально-перцептивной сферы.

3.1.3. Гендерные особенности социально-психологической адаптации подростков

Социально-перцептивные образы подростков, переживших сексуальное насилие, являются отражением их субъективных представлений о себе и окружающих. Эти представления, безусловно, отражают те или иные личностные особенности самих подростков. В целях выявления связей между субъективной спецификой отражения и объективно определяемыми психологическими особенностями личности подростков, с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда было проведено изучение социально-психологической адаптации подростков, пострадавших вследствие сексуального злоупотребления. Мы предположили, что могут быть обнаружены существенные различия в адаптации мальчиков и девочек. Для проверки предположения при помощи t-критерия Стьюдента был проведен анализ различий социально-психологической адаптации мальчиков и девочек, подвергавшихся сексуальному злоупотреблению, а также мальчиков и девочек, не подвергавшихся сексуальному злоупотреблению. В этот анализ были включены результаты проведенного исследования с подростками общеобразовательных школ и подростками, являющимися воспитанниками школы-интерната. Результаты анализа представлены в таблице 6.

Таблица 6
Достоверные различия социально-психологической адаптации подростков

Подростки	Адаптивность	Дезадаптивность	Лживость	+	Приятие себя	Неприятие себя	Приятие других	Неприятие других	Эмоциональный комфорт	Эмоциональный дискомфорт	Внутренний контроль	Внешний контроль	Доминирование	Ведомость	Эскапизм
М – Д					2,33							-3,24		-2,09	
М – М 1					4,01							-2,27			
Д – Д 1		6,08				2,69		3,23		3,57	2,4	2,36		3,46	2,39
М – М 2															
Д – Д 2			-2,76		-2,06										

Условные обозначения: М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие;
М1, Д1 – мальчики и девочки подросткового возраста, обучающиеся в средних школах;
М2, Д2 – мальчики и девочки подросткового возраста, воспитанники школы-интерната.

Жирным шрифтом обозначены критические значения t-критерия Стьюдента: при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

Самые значительные различия здесь наблюдаются между девочками, пережившими сексуальное насилие, и их обычными сверстницами из общеобразовательных средних школ. Между ними обнаруживаются достоверные различия по шкалам «Дезадаптивность», «Неприятие себя», «Неприятие других», «Эмоциональный дискомфорт», «Внутренний контроль», «Внешний контроль», «Ведомость», «Эскапизм».

Особый интерес в связи с этим вызывает то, что в группах воспитанниц школ-интернатов и девочек, переживших сексуальное насилие, достоверные различия выявлены лишь по шкалам «Ложь» и «Приятие себя». Показатели по этим шкалам выше у девочек школы-интерната. При этом оба показателя почти идентичны и находятся в интервале от 2 до 3 единиц. Можно предположить, что ложь в группе воспитанниц школы-интерната выполняет более выраженную функцию психологической защиты, обеспечивая более высокий уровень самоприятия и обеспечения ситуативной личностной устойчивости.

Анализ гендерных различий по параметрам социально-психологической адаптации показывает, что между девочками, подвергавшимися и не подвергавшимися сексуальному насилию, гораздо больше различий, чем между мальчиками аналогичных групп.

Достаточно неожиданным оказывается тот факт, что между мальчиками, пережившими сексуальное насилие, и учениками общеобразовательных школ, выявлены различия всего по двум параметрам: «Приятие себя» и «Внешний контроль», а между пережившими сексуальное насилие и воспитанниками школы-интерната вообще отсутствуют достоверные различия. Этот факт может свидетельствовать либо об отсутствии влияния сексуального насилия на показатели социально-психологической адаптации мальчиков-подростков, либо о задержке у них, по сравнению со сверстницами, развития этого вида адаптации.

Представляется важным отметить, что наиболее достоверные различия между различными группами мальчиков-подростков выявлены по параметру «Приятие себя» между пережившими сексуальное насилие и учащимися общеобразовательных школ. Причем, этот показатель существенно выше у мальчиков, испытавших сексуальные посягательства. Отмечается серьезное гендерное расхождение по этому параметру. Если у мальчиков, переживших сексуальное насилие, «Приятие себя» существенно выше, чем у не подвергавшихся ему, то у девочек, наоборот, ниже. То есть, можно предположить, что факт сексуального насилия по-разному влияет на отношение к себе мальчиков и девочек-подростков.

Существенные различия у мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, отмечаются по шкалам «Приятие себя», «Внешний контроль» и «Ведомость».

Сравнение полученных результатов в диадах показало, что практически не существует различий по четырем шкалам: «Адаптивность», «Приятие других», «Эмоциональный комфорт», «Доминирование».

3.1.4. Гендерные особенности эмоционально-оценочной системы (самоотношения) подростков, переживших сексуальное насилие

В подростковом возрасте активно формируется самосознание, вырабатывается независимая система образцов самооценивания и самоотношения. Постепенно у подростка формируется своя Я-концепция, которая способствует в дальнейшем осознанному или неосознанному формированию поведения [102, с. 93; 15, с. 374–379].

Одной из основных задач развития в пубертатном возрасте является преобразование телесного образа Я, постепенный переход к взрослой сексуальности. Причем этими задачами во многом и определяется развитие Я-концепции подростков, в частности их самооценка [102, с. 93].

Для изучения самоотношения у подростков мы использовали методику, направленную на изучение сложной, уровневой эмоционально-оценочной системы (В.В. Столин). Самоотношение рассматривается как выражение смысла «Я» для субъекта, как некоторое устойчивое чувство в адрес собственного «Я», которое, несмотря на обобщенность, содержит ряд специфических модальностей (измерений), различающихся как по эмоциональному тону, переживанию, так и по семантическому содержанию соответствующего отношения к себе [83; 84]. Полученные результаты были подвергнуты математико-статистическому анализу (таблица 7).

Таблица 7

Достоверные различия особенностей эмоционально-оценочной системы (самоотношения) подростков

Подростки	Открытость	Самоуверенность	Саморук-ководство	Зеркальное «Я»	Самоценность	Самоприятие	Самопривязанность	Конфликтность	Самообвинение
М – Д									
М – М1								2,04	2,45
Д – Д1	2,42	-2,51			-3,16	-4,81	3,71	-3,02	7,9
М – М2									
Д – Д2			-2,3		-3,4			-11,7	9,61

Условные обозначения: М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие;
 М1, Д1 – мальчики и девочки подросткового возраста, обучающиеся в средних школах;
 М2, Д2 – мальчики и девочки подросткового возраста, воспитанники школы-интерната.

Жирным шрифтом обозначены критические значения t-критерия Стьюдента: при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы 7, достоверных различий по самоотношению между мальчиками и девочками, пережившими сексуальное насилие, не выявлено.

При сравнении с подростками из общеобразовательной средней школы у мальчиков-подростков с признаками сексуального насилия обнаруживаются различия по шкалам «Внутренняя конфликтность», «Самообвинение». Эти шкалы были объединены в один фактор, называемый «Самоуничижение». В один фактор их объединяет наличие негативного эмоционального тона самоотношения, содержащегося в каждой из этих шкал.

По мнению В.В. Столина, высокие значения по шкале «Внутренняя конфликтность» свидетельствуют о наличии внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопровождаемых чувством вины. Высокие значения по шкале «Самообвинение» говорят о самообвинении, готовности поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки. Более того, шкала является индикатором отсутствия симпатии, что сопровождается негативными эмоциями в свой адрес, даже несмотря на высокую самооценку качеств и достижений.

Между подростками школы-интерната и мальчиками, пережившими сексуальное насилие, достоверных различий не обнаружено.

У девочек, переживших сексуальное насилие, при сравнении со сверстницами из общеобразовательных средних школ достоверные различия выявлены по шкалам «Открытость», «Самоуверенность», «Самоценность», «Самопрятие», «Самопривязанность», «Конфликтность», «Самообвинение».

Причем у девочек, перенесших сексуальное насилие, по сравнению с обычными сверстницами из общеобразовательных средних школ, выявлены достоверно более высокие показатели по шкалам «Закрытость–открытость», «Самопривязанность», «Самообвинение».

По всей видимости, наличие высоких значений у девочек по шкале «Закрытость–открытость» говорит о закрытости, неспособности или нежелании осознавать и выдавать значимую информацию о себе. Скорее всего, это связано с закрытым (защитным) отношением к себе.

Высокие значения по шкале «Самопривязанность» свидетельствуют о ригидности Я-концепции, привязанности, нежелании меняться на фоне общего положительного отношения к себе. Данные переживания часто сопровождаются привязанностью к неадекватному Я-образу. По мнению В.В. Столина, тенденции к сохранению такого образа – один из защитных механизмов самосознания. Различия по шкале «Самообвинение», аналогичным образом, как и у мальчиков, рассматриваются как индикатор отсутствия симпатии, что сопровождается негативными эмоциями в свой адрес, несмотря на достаточно высокую самооценку собственных качеств и достижений личности.

Достоверные различия по шкале «Самоуверенность» между группой Д–Д1 выражены в пользу девочек, обучающихся в средних

школах. Однако низкие значения по данной шкале, характерные в большей степени для девочек, переживших сексуальное насилие, рассматриваются как неудовлетворенность собой и своими возможностями, сомнениями в способности вызывать уважение.

Достоверные различия по шкале «Самоценность», которая отражает эмоциональную оценку себя, своего Я по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатство внутреннего мира выражены в пользу девочек средних школ. Тем не менее, наличие низких баллов по данной шкале говорит о недостатке своего духовного Я, сомнениях в ценности собственной личности, отстраненности, граничащей с безразличием к своему Я, потере интереса к внутреннему миру. У девочек, переживших сексуальное насилие, такая особенность может рассматриваться как факт негативной аутосимпатии, которая в дальнейшем может стимулировать проявления делинквентного поведения.

Существенные различия отмечаются и по шкале «Самопрятие», выраженные в пользу обычных девочек из средних школ. Следует отметить, что высокий полюс соответствует дружескому отношению к себе, принятию себя и т.д. Однако низкие значения, наличие которых обнаруживается у девочек, переживших сексуальное насилие, свидетельствуют о недостаточном самоприятии. По мнению В.В. Столина, данное свидетельство является важным симптомом внутренней дезадаптации.

Помимо вышеперечисленных различий было выявлено еще одно по шкале «Внутренняя конфликтность». В пользу девочек из общеобразовательных школ отмечается умеренное повышение по шкале, причем это говорит о повышенной рефлексии, глубоком проникновении в себя, адекватном образе Я и отсутствии вытеснения. Низкие же значения рассматриваются как факт отрицания проблемы, закрытости, поверхностном самодовольстве, импунитивных тенденциях.

В сравнении со сверстницами из школы-интерната выявленные достоверные различия отмечаются по шкалам «Саморуководство», «Самоценность», «Внутренняя конфликтность», «Самообвинение». Причем в пользу девочек, переживших сексуальное насилие, достоверные различия отмечаются лишь по «Самообвинению». Следует отметить, что различия по этой шкале характерны как для девочек, так и для мальчиков – жертв сексуального злоупотребления.

Данный факт, скорее всего, связан с ситуацией насилия, которая впоследствии спровоцировала внутреннюю конфликтность, самообвинение, негативное самоотношение (самоуничижение) у данной группы подростков.

Помимо этой особенности в пользу девочек школы-интерната отмечаются достоверные различия по шкале «Саморуководство». Выраженность этого критерия говорит об адекватности такого чувства,

как самоуважение у девочек школы-интерната. В отличие от них у девочек с опытом сексуального насилия отмечаются такие особенности, как неспособность противостоять судьбе, плохая саморегуляция, размытость локуса Я, отсутствие тенденции искать причины поступков и результатов в самом себе.

Так, анализ показал следующее количество достоверных различий по шкалам: у мальчиков, переживших сексуальное насилие, по 2 из 9, а у девочек, переживших сексуальное насилие, по 8 из 9.

Наибольшее количество различий отмечается по шкалам «Конфликтность» и «Самообвинение». По-видимому, для подростков, переживших сексуальное насилие, будет характерна выраженность фактора «Самоуничужения», который связан с защитными механизмами самоподдержания [83]. При сравнении полученных результатов в диадах практически не обнаружено различий по шкале «Зеркальное Я».

Таким образом, анализируя вышеперечисленные особенности личности подростков, переживших сексуальное насилие, можно констатировать, что у мальчиков отмечаются признаки рассогласования структурных компонентов Я-концепции, причиной чего является внутриличностная конфликтность. По нашему мнению, несмотря на приятие себя идеального, у таких подростков обнаруживается отсутствие симпатии к себе реальному, проявляющееся через самообвинение. Наличие негативных эмоций в свой адрес, как нам кажется, порождает обиду, подозрительность и чувство вины (аутоагрессию). Возможно, компенсаторным фактором для таких личностей является приятие себя, но не в реальных, а в идеальных представлениях.

Однако следует отметить, что, по мнению А.А. Реана, аутоагрессия не коррелирует ни с какими другими шкалами агрессии, за исключением положительной корреляции со шкалой «Обида». Более того, он рассматривает неприятие себя как наиболее общую характеристику аутоагрессивной личности, в то время как чувство вины отражает лишь один из аспектов аутоагрессии [102, с. 285].

У девочек, переживших сексуальное насилие, достаточно ярко прослеживаются признаки эмоциональной депривации, критериями которой являются выраженность внешнего и внутреннего контроля, эмоционального дискомфорта, ведомости, чувства вины, самообвинения, аутоагрессии, ригидности Я-концепции. Возможно, защитными реакциями для них будут служить избегание проблем (уход от проблем), а также сохранение тенденции привязанности к неадекватному Я-образу.

3.2. Особенности социально-перцептивных образов в сознании подростков, переживших сексуальное насилие

3.2.1. Гендерные особенности Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие

Каждый ребенок осознает себя и любого другого ребенка через призму пола. Это осознание пронизывает все существование ребенка и, конечно, отражается в его представлениях о себе и других людях. Пол человека и свой собственный, прежде всего, является своего рода пусковым механизмом для формирования схемы образа человека, для оценки его личности и поведения [116, с.184]. Современными исследователями отмечается, что гендерные характеристики, определяющие половые особенности человека, являются одними из ключевых в самосознании подавляющего большинства людей (как, впрочем, и всего животного мира). Именно они обеспечивают правильную половую идентификацию, способствующую адекватной самореализации и продолжению рода. [116, с. 157]. Не вызывает сомнения влияние на половое самоопределение подростков своих сверстников, особенно на психосексуальное развитие. По результатам исследования В.Л. Ситникова, сверстники своего и противоположного пола играют серьезную роль в формировании у детей представлений о себе и окружающих людях. Более того, особенности представлений детей о своих сверстниках практически не исследованы. Это при том, что в подростковом возрасте формируется сексуальная сфера, которая включается в гендерные характеристики, но не отождествляется с ними. Особенно остро проблема полового самоопределения стоит у жертв сексуального насилия. В связи с недостаточной изученностью этой проблемы, мы решили проанализировать особенности Я-, Ты-образов у подростков, которые пережили сексуальное насилие.

В качестве основного инструмента анализа мы использовали методику «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая)», разработанную В.Л. Ситниковым. Применяя эту методику, мы собрали вербальную, т.е. в той или иной степени осознаваемую респондентами информацию.

Изучая с помощью методики диагностики «СОЧ(И)» Я-образы подростков, пострадавших вследствие сексуального злоупотребления, мы предположили, что могут быть обнаружены существенные различия между мальчиками и девочками. Для проверки данного предположения при помощи t-критерия Стьюдента был проведен анализ гендерных различий структур образов подростков. Результаты анализа представлены в таблице 8.

Таблица 8

**Достоверные различия в структурах Я-образов подростков,
переживших сексуальное насилие**

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
М – Д			2,53					-2,6					
М – М1		2,11							3,15				
Д – Д1		2,46	-2,25	-2,66									
М – М2							3,24	-3,24					
Д – Д2	-2,33		-3,05										

Условные обозначения: Здесь и далее в таблицах приняты следующие условные обозначения:

- В** – волевые; **Д** – деятельностные; **И** – интеллектуальные; **ИС** – интеллект социальный; **К** – конвенциональные; **П** – поведенческие; **С** – социальные; **Т** – телесные; **Э** – эмоциональные; **М** – метафорические; (+) – положительные; (=) – нейтральные; (-) – отрицательные.
- М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие; М1, Д1 – мальчики и девочки подросткового возраста, обучающиеся в средних школах; М2, Д2 – мальчики и девочки подросткового возраста, воспитанники школы-интерната.
- Жирным шрифтом** обозначены критические значения t-критерия Стьюдента:
при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы 8, в Я-образах мальчиков, переживших сексуальное насилие, по сравнению с девочками, достоверно преобладают характеристики интеллектуально-творческого плана, в то же время, в Я-образах девочек, переживших сексуальное насилие, значительно больше внимания уделяется телесным характеристикам.

Можно предположить, что в отмеченных различиях у мальчиков – жертв насилия проявляется компенсаторный механизм личностной защиты: переживания некоторой телесной ущербности компенсируются акцентированностью интеллектуальных качеств, или, наоборот, при недостатке интеллекта предпочтение отдается телесным характеристикам. Но в аналогичном соотношении отражения интеллектуальных и телесных компонентов может проявляться и обратная модальность характеристик, т.е. при отсутствии переживания каких-либо проблем со своей внешностью, ребенка могут беспокоить плохая успеваемость, невнимательность и другие особенности когнитивной сферы. Эти особенности имплицитной концепции личности нашли отражение и в житейской психологии, отраженной в фольклоре: «красив куст, да пуст», «красота без разума пуста», «красота приглядится, а ум вперед пригодится» [97].

По мнению И.С. Кона, А.А. Реана и др., именно в этот возрастной период, когда происходят важнейшие преобразования в организме, когда внешний облик и физические данные начинают сильно волновать подростка, соответствие физического развития ребенка стандартам, принятым в группе его сверстников, становится определяющим фактором в его социальном признании, положении в группе [102, с. 94]. Так, для девочек особо важную роль играют телесные характеристики.

В рамках половых различий Я-концепция девушек сильнее коррелирует с оценкой привлекательности своего тела, чем с оценкой его эффективности. У юношей, наоборот, ведущим критерием самооценки является эффективность тела. И эта зависимость во многом объясняется социально-ролевыми функциями мужчин и женщин [102, с. 94].

Однако направленность на свой физический облик у девушек может быть сопряжена не только с возрастными особенностями, но и с ситуативными, в частности с ситуацией насилия. После его воздействия девушки могут осознавать, что собственное тело становится не только их достоянием, но и достоянием других. Поэтому могут возникать ощущения отделения своего тела от мыслей. Психологи такое состояние называют диссоциацией. Суть его заключается в выключенности (безразличии ко всему), как правило, кратковременной. Но если, по утверждению Н.Д. Ярославцевой, подросток не сможет найти более конструктивных способов адаптации и не выработает другой защитный механизм, это может повлечь большие проблемы личностной сферы. Более того, тело может стать «орудием» в сексуальных контактах для удовлетворения некоторых потребностей самой девушки, например физиологических: в пище, в удовлетворении половой страсти; социальных: потребность быть значимой в группе сверстников, не быть «белой вороной» и т.д.

Рассматривая Я-образ подростков, переживших сексуальное насилие, важно сравнить его с Я-образами обычных подростков из общеобразовательных школ и школы-интерната. Разделив их в первую очередь по половому признаку, а во-вторых, по условиям существования, мы сопоставили мальчиков с мальчиками, а девочек с девочками. В результате были выявлены следующие существенные различия (таблица 8):

1. В диаде М–М1 достоверные различия отмечаются по деятельностным и эмоциональным характеристикам. Причем такая особенность наблюдается в сторону выборки мальчиков, перенесших сексуальное насилие. Наличие деятельностной характеристики нами связывается с тем, что сама среда в государственном учреждении, в данном случае в приюте, стимулирует у подростков такие особенности поведения, как, например, «трудолюбивый», «старательный», «учебный», «ленивый», «аккуратный» и т.д. В отношении эмоциональной характеристики следует отметить, что ее наличие по нашему мнению, обусловлено выраженным лабильным типом акцентуации, обнаруженном практически у 100% мальчиков, перенесших сексуальное насилие.

2. В диаде Д–Д1 отмечаются достоверные различия по деятельностной, и интеллектуальной характеристикам, социальному интеллекту. Причем в сторону девочек, переживших сексуальное насилие,

выражена деятельностная характеристика. При сравнении показателей по ней как у мальчиков, так и у девочек выясняется, что окружающая среда действительно является серьезным стимулом для развития таких особенностей поведения, как «аккуратная», «трудолюбивая», «хозяйственная», «ленивая». Что касается интеллектуальной характеристики и социального интеллекта в отношении прогнозирования ситуации, предвосхищения тех событий, в которых могут оказываться подростки, по-видимому, будут в выигрыше девочки средних школ. На наш взгляд, у учащихся общеобразовательных школ, по сравнению с подростками, подвергавшихся сексуальному насилию, это связано с тем, что в анамнезе отмечаются наиболее благоприятные обстоятельства для развития интеллекта. Это условие, несомненно, является значимым для развития детей и подростков. Можно предположить, что отсутствие соответствующих условий сказывается на том, что у девочек-жертв сексуального насилия существенно слабее проявляются такие способности, как определение успешности оценки и прогнозирования поведения людей. Что и является дополнительным виктимогенным фактором, провоцирующим посягательства на их половую неприкосновенность.

3. В группе мальчиков с опытом сексуального насилия, и мальчиков школы-интерната обнаружены существенные различия по социальной и телесной характеристикам. Причем показатели идентичны между собой и обратно пропорциональны, т.е. мальчики, перенесшие сексуальное насилие, по сравнению с мальчиками из школы-интерната, при актуализации Я-образа выделяют существенно больше характеристик социального и существенно меньше характеристик телесного плана ($p < 0,05$).

Интересно, что по данным, полученным ранее при исследовании социально-перцептивной сферы детей и взрослых, обнаружен тот факт, что подростки, старшеклассники и студенты по социальному компоненту Я-образов не имеют различий между собой, но существенно отличаются от младших школьников и взрослых, располагаясь практически посередине между этими крайними возрастными категориями [116, с. 148].

4. При сравнении показателей у девочек, переживших сексуальное насилие, со сверстницами из школы-интерната, достоверные различия отмечаются по волевым и интеллектуальным характеристикам в сторону выражения второй группы.

Также следует отметить, что у подростков больше всего обнаружено различий по интеллектуальной характеристике.

3.2.2. Гендерные особенности Ты-образов у подростков – жертв сексуального насилия

С ранних этапов онтогенеза развитие ребенка обусловлено влиянием на него значимых других, первоначально взрослых. Как утверждает А.А. Реан, считается доказанным факт наличия связи между полноценностью и сложностью представлений человека о самом себе и многозначностью, дифференцированностью отражений им индивидуальных и личностных особенностей других людей [102, с. 329]. С целью выявления специфических особенностей социально-перцептивного отражения подростками, жертвами сексуального насилия, их ближайшего окружения (условно обозначенного нами как «Ты-образ»), мы сопоставили образы друга и недруга в сознании разных групп подростков (таблица 9).

Таблица 9

Достоверные различия в структурах Ты-образов (друг) подростков

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
М-Д													
М-М1													
Д-Д1		2,05										2,11	
М-М2							2,07	-2,44					
Д-Д2						3,67							

Условные обозначения: см. стр. 96

Как видно из таблицы 9, между мальчиками и девочками, пережившими сексуальное насилие, в изучаемой нами выборке достоверных различий не выявлено. Но при сравнении их с другими группами подростков отмечается ряд существенных различий.

Так, в образах друга у мальчиков, переживших сексуальное насилие, по сравнению с мальчиками школы-интерната, заметно большее внимание уделяется социальным и существенно меньшее телесным характеристикам. Но при этом отсутствуют принципиальные различия в этих образах между жертвами сексуального насилия и учащимися общеобразовательных школ.

При сопоставлении двух групп девочек, где сравнивались респонденты, пережившие сексуальное насилие, с респондентами из общеобразовательных средних школ обнаружены различия по деятельностным и амбивалентным компонентам. Исходя из этого, можно заключить, что для девочек, переживших сексуальное насилие, образ друга является, как правило, нейтральным или амбивалентным. Данное различие позволяет предположить наличие эмоционально-оценочной нечеткости в образе друга у девушек, которые пережили сексуальное насилие. В связи с отсутствием различий по этому показателю между жертвами сексуального насилия и воспитанницами школы-интерната, можно заключить, что у воспитанниц также на-

блюдается аналогичная особенность образа друга. При сравнении со второй группой у девушек, переживших сексуальное насилие, отмечается достоверное преобладание поведенческой составляющей образа друга (причем уровень значимости различий очень высокий – 0,001).

Достаточно интересные данные мы обнаружили и в описаниях образов недругов респондентов, переживших сексуальное насилие. Подвергнув полученные данные математико-статистическому анализу через t-критерий Стьюдента, были получены следующие результаты (таблица 10).

Таблица 10

Достоверные различия в структурах Ты-образов (недруг) подростков

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
М – Д	-2,49			-2,52			-2,36		-1,96	2,12			
М – М1													
Д – Д1	2,03	3,23											
М – М2				-2,49							-1,98		2,88
Д – Д2	2,11												

Условные обозначения: см. стр. 96.

Как видно из таблицы, достоверные гендерные различия подростков, переживших сексуальное насилие, отмечаются по волевой, социальной, эмоциональной, метафорической характеристикам, а также социальному интеллекту. Причем у мальчиков выражено значение только метафорической характеристики. Данное явление связано, по нашему мнению, с гендерными особенностями, обнаруживающимися при восприятии недруга. У девочек, в первую очередь, этот образ связан с превосходством интеллектуальных способностей другого, определяющих успешность оценки и прогнозирования поведения людей.

В группах мальчиков (М–М1) каких-либо достоверных различий не выявлено. Аналогичная картина наблюдалась и при описании достоверных различий образа друга. Этот факт вполне вероятен в силу того, что восприятие друга и недруга как у мальчиков, переживших сексуальное насилие, так и у мальчиков средней школы недостаточно расчленено. Данный факт, по нашему мнению, связан с недостаточной зрелостью социально-психологической адаптации подростков.

В сравниваемых группах девочек (Д–Д1) выявлены достоверные различия по волевой и деятельностной характеристикам. Причем достоверные различия по волевой характеристике обнаруживаются преобладающими у группы девочек, перенесших сексуальное насилие. На наш взгляд, различия по этой характеристике у девушек данной группы обусловлены тем, что недруг, в частности его поведение, воспринимается как опосредованное внутренним интеллектуальным планом,

выполняющим функцию сознательной регуляции деятельности, и не являющимся просто импульсивным или ситуативным. Таким образом, жертва насилия впоследствии может понимать, что другой отчетливо представляет себе последствия тех действий, которые он совершает, следуя сознательно поставленной цели. Различия по деятельностной характеристике нами связываются с тем, что подростки включаются в межличностные отношения другого учреждения, в частности такого, как приют, где социальная ситуация по сравнению с общеобразовательной школой будет несомненно изменена.

В сравниваемых группах мальчиков (М–М2) между подростками, пережившими сексуальное насилие, и воспитанниками школы-интерната достоверные различия в социально-перцептивном отражении недруга выявлены по эмоционально нагруженным характеристикам и компоненту, характеризующему социальный интеллект. Так, у мальчиков с опытом сексуального насилия восприятие недруга будет отрицательным, а вот у мальчиков школы-интерната положительным.

В группе (Д–Д2) достоверные различия выявлены лишь в сторону девочек, переживших сексуальное насилие, и только по волевой характеристике.

Таким образом, наибольшее количество различий во всех группах респондентов наблюдается по волевой характеристике.

Обнаруженные вышеописанные особенности стимулировали нас к анализу вопросов идентификации Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие. То есть нас заинтересовало, с кем больше они отождествляют себя с другом или недругом. Для этого мы воспользовались двухвыборочным t-критерием Стьюдента.

Таблица 11

Достоверные различия образов подростков – жертв сексуального насилия

Пол	Образы	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
Мальчики	Я-реальный/друг													
	Я-реальный/недруг													
Девочки	Я-реальный/друг													
	Я-реальный/недруг									2,1		9,94	2,81	-8,42

Условные обозначения: см. стр. 96.

Сравнение образов внутри каждой группы показывает, что только у девушек и в паре «Я-реальный/недруг» есть структурно-компонентные различия. Эти различия отмечаются и по модальности характеристик. Видимо, девушки дают себе больше положительных или нейтральных характеристик, а вот недруга описывают только отрицательно.

У мальчиков по этому блоку исследования достоверных различий не выявлено.

Таким образом, учитывая, что взаимодействие – это как минимум двусторонний процесс, образ другого человека может восприниматься девочками-жертвами сексуального злоупотребления или амбивалентно или отрицательно. Как следствие этого у них, может отмечаться настороженность в общении, боязнь, тревога и/или другие негативные особенности личностного развития.

3.2.3. Взаимосвязи социально-перцептивных образов у подростков, переживших сексуальное насилие

Корреляционное исследование, как правило, проводится для подтверждения или опровержения гипотезы о статистической связи между несколькими переменными [29, с. 166]. Обнаруженные различия в самой выборке подростков, переживших сексуальное насилие, послужили стимулом для проведения корреляционного анализа структурных компонентов социально-перцептивной сферы подростков с опытом сексуального насилия.

Мы сопоставили Я-, Ты-образы мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, и получили достаточно интересные данные.

Как видно из таблицы 12, в Я-образах у девочек сохраняются положительные связи между такими структурными компонентами, как интеллектуальные и социальные, поведенческие и метафорические.

У мальчиков отмечается большее количество корреляционных связей, чем у девочек, причем не только положительных, но и отрицательных. Так, отрицательная корреляция отмечается по волевому и метафорическому, а также по социально-интеллектуальному и телесному компонентам. Положительное соотношение в Я-образах у мальчиков наблюдается по интеллектуальному и метафорическому, а также по социально-интеллектуальному и метафорическому компонентам образа. Причем у девочек положительные соотношения находятся на 95% уровне значимости.

У мальчиков на 99% уровне значимости обнаруживается положительная корреляционная связь между социальным интеллектом и метафорическим компонентом образов, а отрицательная связь при том же уровне значимости – между волевым и метафорическим компонентами Я-образа.

Таким образом, можно сделать вывод о важности наличия метафорического компонента и его связей с другими характеристиками Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие. В ходе проведенного исследования подтвердилось, что мужчины в целом хуже владеют вербализацией своих мыслей, затрудняются в точных определениях и поэтому вынуждены прибегать к использованию метафор. Однако считаем, что для подростков, переживших ситуацию насилия, будет характерным прибегать к сравнениям в силу не только трудно-

стей при вербализации своих мыслей, но и по причине размытости (расплывчатости) их Я-образов.

Таблица 12

Связи между структурными компонентами социально-перцептивных образов у подростков – жертв сексуального насилия

Корреляции Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие																								
Компоненты Я-образа девочек (n = 15)											Компоненты Я-образа мальчиков (n = 15)													
		в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м			в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	
Я-образ	в											Я-образ	в											
	д												д											
	и												и											
	ис												ис											
	к												к											
	п												п											
	с			0,53									с											
	т												т				-0,54							
	э												э											
м						0,64					м	-0,7	0,59	0,66										
Ты-образ (друг)	в	0,57										Ты-образ (друг)	в											
	д	0,53											д	0,53			0,53							
	и			0,63		-0,52							и	0,66								-0,7		
	ис												ис											
	к												к											
	п	-0,7		0,53		0,53							п											
	с												с						0,69	-0,6				
	т								0,54				т								0,67			
	э	-0,53											э											
м											м													
Ты-образ (недруг)	в				0,59							Ты-образ (недруг)	в											
	д												д											
	и							0,59					и											
	ис												ис											
	к												к											
	п												п											
	с												с			-0,72								
	т					0,52					0,52		т								-0,6			
	э	-0,6			0,57						-0,6		э											
м											м													

Условные обозначения: Жирным шрифтом обозначены критические значения коэффициента корреляции: при $p < 0,01$; светлым – при $p < 0,05$.

В Ты-образах друга у девочек количество корреляционных связей значительно возрастает, причем их виды будут как положительными, так и отрицательными. Так, наибольшее количество корреляционных связей в Ты-образах друга у девочек обнаруживается по волевому компоненту, причем на 99% уровне отрицательная корреляционная связь выявлена в совокупности с поведенческим компонентом Ты-образа друга.

У мальчиков с опытом сексуального насилия, отмечаются наиболее прочные корреляционные связи в Ты-образах друга. На 99% уровне значимости выявлено лишь одно отрицательное соотношение между эмоциональной и интеллектуальной характеристиками образов. В остальных случаях на 99% уровне значимости определяются только положительные корреляционные связи. Это такие связи между характеристиками, как деятельностная и интеллектуальная характеристики, социальная и социальная, телесная и телесная.

В Ты-образах недруга у девочек наличие корреляционных связей намного больше, нежели в Ты-образах недруга у мальчиков. Причем у мальчиков в данном случае отсутствуют положительные связи. Так, в Ты-образе недруга у мальчиков отмечается связь между интеллектуальной и социальной характеристиками, причем на 99% уровне значимости, а также между социальной и телесной, на 95% уровне значимости.

У девочек положительные корреляционные связи выявлены по социальному интеллекту и волевой характеристике, по социальному интеллекту и эмоциональной характеристике, по конвенциональной и телесной, по телесной и интеллектуальной, по метафорической и телесной характеристикам образов. Отрицательные корреляционные связи обнаружены по волевой и эмоциональной характеристикам, по телесной и эмоциональным структурным компонентам.

Таким образом, несмотря на различие корреляционных связей в Я-образах мальчиков и девочек, переживших сексуальное насилие, нами был обнаружен факт того, что в Ты-образах друга, как у мальчиков, так и у девочек определяется положительная корреляционная связь между телесными компонентами образов. Причем у мальчиков данный факт выявлен на 99% уровне различий, а у девочек на 95% уровне. Также следует отметить и то, что Я-образ девочек, переживших сексуальное насилие, тесно связан как с образом друга, так и с образом недруга. У мальчиков же в большей степени Я-образ согласуется с образом друга, чем с образом недруга.

3.3. Я-образы и образы «друга» и «недруга» в сознании подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие

3.3.1. Сравнительный анализ особенностей Я-образов в сознании взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие

Как мы уже отмечали, любовные и сексуальные людские переживания на различных этапах онтогенеза многолики и противоречивы. Особенно это касается тех людей, которые уже вступали в сексуальные отношения. Применяя методику «СОЧ(И)» мы попытались рассмотреть образ уже взрослеющих людей, которые в определенных

условиях оказались жертвами сексуального нападения или домогательства.

Как показывает сравнительный анализ структур Я-образов подростков (мальчиков и девочек) и студентов (юношей и девушек), переживших сексуальное насилие, первые ранговые места во всех группах занимают социальные, эмоциональные и телесные характеристики (таблица 13).

Таблица 13

Структуры Я-образов подростков и студентов, переживших сексуальное насилие

Компоненты структуры образов	Я-образы							
	подростки				взрослые			
	Мальчики		Девочки		Мужчины		Женщины	
	□ характеристик	Ранг	□ характеристик	Ранг	□ характеристик	Ранг	□ характеристик	Ранг
Волевые	19	6	17	4	17	6	67	7
Деятельностные	14	7	8	7	9	7	22	8
Интеллектуальные	27	4	8	7	28	4	74	4
Соц. интеллект	21	5	12	5	21	5	71	6
Конвенциональные	2	9	1	9	7	8	29	9
Поведенческие	9	8	9	6	6	9	14	10
Социальные	77	2	62	2	59	2	227	1
Телесные	33	3	38	3	41	3	70	3
Эмоциональные	80	1	70	1	78	1	183	2
Метафоры	2	9	1	9	5	10	58	5

Из таблицы видно, что вышеперечисленные компоненты структуры Я-образов, занимающие первые места как у подростков, так и у взрослых, остаются практически независимыми от пола и возраста. По остальным компонентам Я-образов возрастные различия прямо связаны с полом обследуемых. У представителей мужского пола структуры Я-образов не изменяются с возрастом, а у представителей женского пола по всем компонентам структуры образов, кроме социальных, эмоциональных и телесных, отмечаются явные ранговые расхождения.

Используя вербальную часть методики «СОЧ(И)», мы предположили, что могут быть обнаружены существенные различия между подростками и взрослыми, пережившими сексуальное насилие. Для проверки данного предположения при помощи t-критерия Стьюдента был проведен анализ различий структуры образов взрослых. Результаты анализа представлены в таблице 14.

Из таблицы видны достоверные различия как представителей мужского пола, так и женского. Так, в Я-образах взрослых присутствуют различия по социальной, телесной и эмоциональной характеристикам. Причем в сторону юношей выраженными являются телесные и эмоциональные структурные компоненты.

Таблица 14

**Достоверные различия в структурах Я-образов студентов
и подростков, переживших сексуальное насилие**

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
Муж – Жен							-3,19	4,15	2,25				
М – Муж								-2,38				-2,15	
Д – Жен	-2,46			-2,88	-2,5		-2,64	4,52	2,23		2,94	-2,1	-2,4

Условные обозначения: Здесь и далее в таблицах приняты следующие условные обозначения:

- В** – волевые; **Д** – деятельностные; **И** – интеллектуальные; **ИС** – интеллект социальный; **К** – конвенциональные; **П** – поведенческие; **С** – социальные; **Т** – телесные; **Э** – эмоциональные; **М** – метафорические; (+) – положительные; (=) – нейтральные; (-) – отрицательные.
- Муж., Жен. – мужчины и женщины, пережившие сексуальное насилие;
М, Д – мальчики и девочки подросткового возраста, пережившие сексуальное насилие.
- Жирным шрифтом** обозначены критические значения t-критерия Стьюдента:
при $p < 0,001$; светлым – при $p < 0,01$; курсивом – при $p < 0,05$.

В сравниваемых группах респондентов мужской выборки обнаружили достоверные различия по телесной характеристике в сторону группы юношей. На наш взгляд, выраженность телесной характеристики связана с тем, что под воздействием факта постепенного осознания произошедшего с ними актуализируется интерес к своему телу, однако скорее не с точки зрения привлекательности, как у девушек, а с точки зрения эффективности. Нам кажется, у юношей это обусловлено невозможностью по каким-то причинам применения физической силы с целью защиты от посягательства на свою половую неприкосновенность. Эти причины могут быть различными. Предположительно можно сказать о малолетнем возрасте жертвы, т.е. когда он не мог оказывать сопротивление. О том, что «нападение» совершалось знакомым лицом, и ребенок не сопротивлялся. Или же по своим физическим данным жертва проигрывала злоупотребителю.

При сравнении групп респонденток женской выборки выраженными у девочек-подростков, обнаружили различия по телесной, эмоциональной и позитивной характеристикам. В пользу студенток – по волевой, конвенциональной, социальной характеристикам, социальному интеллекту, а также амбивалентной и отрицательной характеристикам. Обнаруженные различия у девушек, на наш взгляд, в некоторой степени подтверждают гипотезу о том, что по прошествии определенного промежутка времени девушки-жертвы злоупотреблений в силу осознания значения произошедшего с ними могут чрезмерно контролировать свое поведение, быть настороженными во взаимодействии, особенно с представителями противоположного пола. Возможно, полученный опыт также «стимулирует» развитие такого качества, как прогнозирование поведения других людей, угадывание истинных намерений. Весьма интересным фактом оказалось то, что Я-образ девочек, переживших сексуальное насилие, оценивается

ими со знаком «+», а вот девушки оценивают свой образ или нейтрально, или отрицательно, причем разница между этими показателями незначительная.

Самое большое количество различий выявилось по телесным компонентам, и в основном в сторону студентов.

Анализ частотных словарей Я-образов подростков и взрослых, отражающих обобщенные особенности Я-образов, может помочь более детально разобраться в специфике не только структуры, но и содержания Я-образов.

При создании типичной обобщенной характеристики из каждого подраздела частотного словаря каждой категории образов отбирались наиболее употребляемые характеристики [116, с. 168].

В таблицах 15 и 16 приведены результаты содержания Я-образов подростков (мальчиков и девочек) и взрослых (мужчин и женщин), подвергавшихся сексуальному насилию.

Таблица 15

Дословные совпадения обобщенных Я-образов мальчиков и юношей, переживших сексуальное насилие

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики взрослых	частота	%
1.	Добрый	11	10,78	Люблю покушать	5	7,69
2.	Хороший	8	7,84	Добрый	5	7,69
3.	Умный	8	7,84	Умный	4	6,15
4.	Красивый	8	7,84	Веселый	4	6,15
5.	Веселый	7	6,86	Трудолюбивый	3	4,62
6.	Интересный	6	5,88	Спокойный	3	4,62
7.	Заботливый	6	5,88	Сильный	3	4,62
8.	Трудолюбивый	5	4,90	Самостоятельный	2	3,08
9.	Ласковый	5	4,90	Привлекательный	2	3,08
10.	Прекрасный	4	3,92	Обаятельный	2	3,08
11.	Спокойный	3	2,94	Люблю природу	2	3,08
12.	Вежливый	3	2,94	Ленивый	2	3,08
13.	Справедливый	2	1,96	Ласковый	2	3,08
14.	Сильный	2	1,96	Красивый	2	3,08
15.	Люблю природу	2	1,96	Классный	2	3,08
16.	Ленивый	2	1,96	Заботливый	2	3,08
17.	Доверчивый	2	1,96	Вежливый	2	3,08
18.	Эмоциональный	1	0,98	Эмоциональный	1	1,54
19.	Симпатичный	1	0,98	Хороший	1	1,54
20.	Самостоятельный	1	0,98	Справедливый	1	1,54
21.	Работающий	1	0,98	Симпатичный	1	1,54
22.	Простой	1	0,98	Работающий	1	1,54
23.	Привлекательный	1	0,98	Простой	1	1,54
24.	Переживающий	1	0,98	Прекрасный	1	1,54
25.	Обаятельный	1	0,98	Переживающий	1	1,54
26.	Нормальный	1	0,98	Нормальный	1	1,54

27.	Не пью	1	0,98	Непьющий	1	1,54
28.	Мечтательный	1	0,98	Мечтательный	1	1,54
29.	Любопытный	1	0,98	Любопытный	1	1,54
30.	Люблю маму	1	0,98	Люблю маму, бабушку	1	1,54
31.	Люблю кушать	1	0,98	Интересный	1	1,54
32.	Классный	1	0,98	Доверчивый	1	1,54
33.	Вспыльчивый	1	0,98	Вспыльчивый	1	1,54
34.	Внимательный	1	0,98	Внимательный	1	1,54
35.	Быстрый	1	0,98	Быстрый	1	1,54
	Σ	102	100	Σ	65	100

Анализ содержания образов подростков и взрослых, обобщенных по структурно-частотному принципу, показывает, что есть не только структурно-статистическая связь, но и содержательно-качественная взаимосвязь между элементами Я-образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.

Таблица 16

Дословные совпадения обобщенных Я-образов девочек и женщин, переживших сексуальное насилие

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики женщин	частота	%
1.	Добрая	15	7,81	Добрая	31	8,49
2.	Красивая	13	6,74	Веселая	27	7,40
3.	Умная	12	6,22	Нежная	15	4,11
4.	Веселая	10	5,18	Вспыльчивая	15	4,11
5.	Хорошая	7	3,63	Умная	14	3,84
6.	Привлекательная	7	3,63	Общительная	14	3,84
7.	Ласковая	7	3,63	Красивая	12	3,29
8.	Аккуратная	6	3,11	Дружелюбная	12	3,29
9.	Интересная	5	2,59	Ласковая	11	3,01
10.	Доверчивая	5	2,59	Ленивая	10	2,74
11.	Спокойная	4	2,07	Интересная	10	2,74
12.	Обаятельная	4	2,07	Хорошая	9	2,47
13.	Нежная	4	2,07	Любимая	9	2,47
14.	Мечтательная	4	2,07	Заботливая	9	2,47
15.	Задорная	4	2,07	Сексуальная	8	2,19
16.	Заботливая	4	2,07	Надежная	8	2,19
17.	Стройная	3	1,55	Солнышко	7	1,92
18.	Смешная	3	1,55	Привлекательная	7	1,92
19.	Скромная	3	1,55	Доверчивая	7	1,92
20.	Радостная	3	1,55	Вежливая	7	1,92
21.	Приятная	3	1,55	Симпатичная	6	1,64
22.	Надежная	3	1,55	Мечтательная	6	1,64
23.	Злая	3	1,55	Вредная	6	1,64
24.	Гордая	3	1,55	Аккуратная	6	1,64
25.	Вспыльчивая	3	1,55	Сильная	5	1,37
26.	Хозяйственная	2	1,04	Агрессивный человек	5	1,37
27.	Тихая	2	1,04	Честная	4	1,10

28.	Старательная	2	1,04	Хозяйственная	4	1,10
29.	Спортивная	2	1,04	Смешная	4	1,10
30.	Соня	2	1,04	Нервная	4	1,10
31.	Солнечная	2	1,04	Грубая	4	1,10
32.	Сладкоежка	2	1,04	Гордая	4	1,10
33.	Симпатичная	2	1,04	Влюбчивая	4	1,10
34.	Не злая	2	1,04	Уверена в себе	3	0,82
35.	Не жадная	2	1,04	Счастливая	3	0,82
36.	Жизнерадостная	2	1,04	Спокойная	3	0,82
37.	Честная	1	0,52	Обаятельная	3	0,82
38.	Уверенная	1	0,52	Неуравновешенная	3	0,82
39.	Счастливая	1	0,52	Люблю компании	3	0,82
40.	Собранная	1	0,52	Злая	3	0,82
41.	Сильная	1	0,52	Жизнерадостная	3	0,82
42.	Сексуальная	1	0,52	Старательная	2	0,55
43.	Порядочная	1	0,52	Соня	2	0,55
44.	Понимающая	1	0,52	Скромная	2	0,55
45.	Печальная	1	0,52	Порядочная	2	0,55
46.	Озорная	1	0,52	Понимающая	2	0,55
47.	Общительная	1	0,52	Печальная	2	0,55
48.	Неуравновешенная	1	0,52	Мягкая	2	0,55
49.	Нервная	1	0,52	Милая	2	0,55
50.	Настойчивая	1	0,52	Люблю общаться	2	0,55
51.	Мягкая	1	0,52	Культурная	2	0,55
52.	Милая	1	0,52	Тишина	1	0,27
53.	Люблю чистоту	1	0,52	Стройная	1	0,27
54.	Люблю рисовать	1	0,52	Спортсменка	1	0,27
55.	Люблю общаться с друзья	1	0,52	Собранная	1	0,27
56.	Люблю новые компании	1	0,52	Сладкоежка	1	0,27
57.	Люблю гулять	1	0,52	Радуюсь	1	0,27
58.	Любимая	1	0,52	Приятный собеседник	1	0,27
59.	Ленивая	1	0,52	Озорная	1	0,27
60.	Культурная	1	0,52	Не очень злая	1	0,27
61.	Замечательная	1	0,52	Не жадная	1	0,27
62.	Дружелюбная	1	0,52	Настойчивая	1	0,27
63.	Грублю	1	0,52	Люблю чистоту	1	0,27
64.	Гибкая	1	0,52	Люблю рисовать	1	0,27
65.	Вредная	1	0,52	Люблю гулять	1	0,27
66.	Влюбчивая	1	0,52	Замечательная	1	0,27
67.	Вежливая	1	0,52	Задорная	1	0,27
68.	Агрессивная	1	0,52	Гибкая (характер)	1	0,27
	Σ	193	100	Σ	365	100

Следует отметить, что количество дословных совпадений в женской выборке существенно больше чем в мужской. Причем с возрастом в женской выборке частота совпадений значительно увеличивается.

При сравнении дословных совпадений, независимо от возраста и пола, обнаруживается то, что респонденты, подвергшиеся насилию, представляют себя **ВЕЖЛИВЫМИ, ВЕСЕЛЫМИ, ВСПЫЛЬЧИВЫМИ,**

ДОБРЫМИ, ДОВЕРЧИВЫМИ, ЗАБОТЛИВЫМИ, ИНТЕРЕСНЫМИ, КРАСИВЫМИ, ЛАСКОВЫМИ, ЛЕНИВЫМИ, МЕЧТАТЕЛЬНЫМИ, ОБАЯТЕЛЬНЫМИ, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ, СИЛЬНЫМИ, СИМПАТИЧНЫМИ, СПОКОЙНЫМИ, УМНЫМИ, ХОРОШИМИ.

Следует отметить, что наличие таких характеристик, как «веселый», «добрый», «красивый», «ласковый», «лентяй», «умный» встречаются и в исследованиях, проведенных под руководством В.Л. Ситникова.

3.3.2. Специфика Ты-образов у взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие

Осознанное и неосознанное определение психологических критериев познания человека крайне необходимо ребенку не только для познания других, оно необходимо ему и для познания самого себя, для того чтобы точнее определить свои возможности, цели и пути их достижения. А все это находит отражение в образе самого себя и в отражении тех или иных качеств других людей [116, с. 185].

Как утверждает В.Л. Ситников, каждый ребенок осознает себя и любого другого ребенка через призму пола. Это осознание пронизывает все существование ребенка и, конечно же, не может не отразиться в его представлениях о себе и других людях. Пол человека, и свой собственный, является своего рода спусковым механизмом для формирования схемы образа человека, для оценки его личности и поведения [116, с. 184].

В нашем исследовании мы затронули не только особенности Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, но и уделили внимание изучению их Ты-образов. Более того полученные результаты сопоставили с данными Ты-образов взрослых, которые отметили, что пережили ситуацию сексуального насилия.

Сравнивая ранговые места в Ты-образах (по другу и недругу) у подростков и у взрослых, отмечается наличие социальных, телесных и эмоциональных компонентов. Исключения составляют такие структурные компоненты, как социальный интеллект и интеллектуальные характеристики, обнаруживающиеся у девушек-студенток (таблицы 15, 16).

Анализируя результаты по другу (таблица 17) следует отметить, что у респондентов мужской выборки сохраняется та же последовательность первых ранговых мест, отмеченная в Я-образах. То есть на первом месте, как у подростков, так и у взрослых отмечается наличие социальной характеристики, на втором – эмоциональной, на третьем – телесной.

Результаты же по другу у респондентов женской выборки имеют свои особенности. Так, у девочек-подростков на первом месте выступают социальные компоненты, на втором – эмоциональные, на третьем – телесные. А вот у студенток в Ты-образах наблюдаются из-

менения. Здесь на первом месте обнаруживаются социальные компоненты, на втором – эмоциональные, а на третьем появляются интеллектуальные.

Таблица 17

Структуры образов друга у подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие

Компоненты	Ты-образ (друг) подростков				Ты-образ (друг) взрослых			
	Мальчики	Ранг	Девочки	Ранг	Мужчины	Ранг	Женщины	Ранг
Волевые	17	6	18	5	16	6	73	5
Деятельностные	15	7	9	8	13	7	21	10
Интеллектуальные	27	4	17	5	29	4	81	4
Социальный интеллект	21	5	21	4	27	5	87	3
Конвенциональные	1	9	3	9	5	9	31	8
Поведенческие	5	8	11	7	7	8	22	9
Социальные	73	1	75	1	77	1	281	1
Телесные	38	3	46	3	31	3	59	6
Эмоциональные	55	2	73	2	53	2	167	2
Метафоры	1	9	0	10	2	10	47	7

Анализируя полученные данные по недругу (таблица 18), следует отметить тот факт, что у представителей мужской выборки тенденция к той же ранговой последовательности структурных компонентов Ты-образов сохраняется. То есть на первом месте – социальные компоненты, на втором – эмоциональные, на третьем – телесные.

У представителей женской выборки, в частности у девочек-подростков, сохраняется та же последовательность структурных компонентов, что и у мальчиков. А вот у студенток отмечаются изменения, где на третьем месте после социальных, эмоциональных отмечается социальный интеллект.

Данный факт, по нашему мнению, объясняется тем, что со временем девушки начинают осознавать значение совершаемых с ними действий. Причем это осознание проходит через призму Ты-образов (друга и недруга).

В отношении мужской выборки респондентов следует отметить ту особенность, сущность которой сводится к недостаточной, на наш взгляд, расчлененности Я-образа с Ты-образом причем как друга, так и недруга. В отличие от женской выборки изменения в Я-образе и Ты-образе (друга и недруга) в мужской выборке не обнаруживаются. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о том, что у мальчиков, подвергавшихся сексуальному насилию, отмечается недостаточная дифференциация Я-образа от Ты-образов друга и недруга.

Таким образом, обнаруженная особенность этих подростков может являться одной из причин того, что они становятся жертвами сексуального насилия.

Таблица 18

**Структуры образов недруга у подростков и взрослых,
переживших сексуальное насилие**

Компоненты	Ты-образ (недруг) подростков				Ты-образ (недруг) взрослых			
	Мальчики	Ранг	Девочки	Ранг	Мужчины	Ранг	Женщины	Ранг
Волевые	8	7	25	4	10	7	58	6
Деятельностные	10	6	10	7	9	8	17	9
Интеллектуальные	21	4	25	4	22	5	59	5
Социальный интеллект	14	5	24	6	32	4	109	3
Конвенциональные	0	10	0	10	1	10	12	10
Поведенческие	6	8	6	9	3	9	18	8
Социальные	67	1	98	1	75	1	323	1
Телесные	38	3	35	3	41	3	76	4
Эмоциональные	50	2	69	2	47	2	166	2
Метафоры	5	9	8	8	20	6	55	7

При сопоставлении групп респондентов различной возрастной категории как мужской, так и женской выборки были получены следующие достоверные различия (таблица 19).

Таблица 19

**Достоверные различия в структурах образов друга
у подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие**

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
Муж – Жен	-2,08	2,65						2,29					
М – Муж													
Д – Жен	-2,64		-2,2	-2,63			-2,08	5,23	3,22				

Условные обозначения: см. стр. 106

Как видно из представленной таблицы, у девушек и юношей, переживших сексуальное насилие, отмечаются достоверные различия по волевой, деятельностной и телесной характеристикам.

Ссылаясь на исследования, проведенные под руководством Ситникова В.Л., считаем, что по мере взросления в компонентах социально-перцептивных образов независимо от пола будет отмечаться рост волевых компонентов [116, с. 159]. Выраженность телесной характеристики в Ты-образах является, на наш взгляд, последствием пережитой ситуации насилия, которая стимулирует чрезмерное внимание на привлекательности (непривлекательности), сравнении своих телесно-физических характеристик с такими же характеристиками другого человека. Что касается деятельностной характеристики, то, мы считаем, она связана с приобретением молодыми людьми профессиональных знаний, умений и навыков.

При сопоставлении Ты-образов (друг) группы юношей и группы мальчиков-подростков, переживших сексуальное насилие, достоверных различий не выявлено.

При сравнении Ты-образа друга группы девочек-подростков, переживших сексуальное насилие, с Ты-образом друга группы девушек-студенток обнаружены достоверные различия по волевой, интеллектуальной, социальной, телесной, эмоциональной характеристикам и социальному интеллекту. Причем в пользу девочек-подростков отмечаются различия лишь по телесной и эмоциональной характеристикам. Следует отметить, что обнаруженные достоверные различия по характеристикам Я-образа девушек, переживших сексуальное насилие, по некоторым характеристикам совпадают с Ты-образом (друга). Так, например, эти совпадения отмечаются по волевой, социальной, телесной, эмоциональной характеристикам и социальному интеллекту. Это, по нашему мнению, дает основания предположить, что Я-образ девушек, переживших сексуальное насилие, недостаточно расчленен с Ты-образом друга. Аналогичное явление отмечается в отношении девочек-подростков. Обнаруженные достоверные различия в Я-образе девочек-подростков по телесной и эмоциональной компонентам характерны и для структурных компонентов Ты-образа друга.

В отношении Ты-образа недруга были обнаружены следующие достоверные различия (таблица 20).

Таблица 20

Достоверные различия в структурах образов недруга у подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие

Носители образа	В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
Муж. – Жен.							-4,16	4,12					
М – Муж.				-3,61							-1,98		
Д – Жен.		2,1	-3,96				-4,12	4,2					

Условные обозначения: см. стр. 106

Как видно из представленной таблицы, в отношении юношей и девушек, переживших сексуальное насилие, достоверные различия отмечаются по социальной и телесной характеристикам.

При сопоставлении двух групп респондентов мужского пола выявлены достоверные различия в пользу юношей по социальному интеллекту и позитивной характеристике. Следует отметить тот парадокс, который обнаружился при сопоставлении обобщенных характеристик Ты-образов недруга мальчиков и юношей, переживших сексуальное насилие. Несмотря на наличие отрицательных характеристик (например, дурак, злой, плохой и др.), даваемых недругу, как мальчики, так и юноши оценивают Ты-образ недруга положительно. По нашему мнению, это связано с тем, что образ отрицательного персонажа идеализируется и является более привлекательным в силу его доминирования, превосходства, например, в силе, в уме, в статусном положении и др.

В отношении респондентов женского пола по недругу (таблица 20) отмечаются достоверные различия по деятельностной, интеллектуальной, социальной и телесной характеристикам. Причем в пользу девушек, переживших сексуальное насилие, достоверные различия отмечаются лишь по интеллектуальной и социальной характеристикам.

Помимо анализа частотных словарей Ты-образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, отражающих обобщенные особенности Ты-образов, можно более детально разобраться в специфике не только структуры, но и содержания Ты-образов друга и недруга (таблицы 21, 22, 23, 24).

При создании типичной обобщенной характеристики из каждого подраздела частотного словаря каждой категории образов отбирались наиболее употребляемые характеристики [116, с. 168].

Таблица 21

Дословные совпадения обобщенных образов друга у мальчиков и мужчин, переживших сексуальное насилие

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики студентов	частота	%
1.	Красивый	15	12,93	Знаток	9	11,54
2.	Умный	14	12,07	Веселый	9	11,54
3.	Добрый	12	10,34	Умный	6	7,69
4.	Хороший	9	7,76	Трудолюбивый	4	5,13
5.	Веселый	7	6,03	Общительный	4	5,13
6.	Сильный	6	5,17	Красивый	4	5,13
7.	Спокойный	4	3,45	Добрый	4	5,13
8.	Любит курить	4	3,45	Любит машины	3	3,85
9.	Интересный	4	3,45	Умелый	2	2,56
10.	Заботливый	4	3,45	Справедливый	2	2,56
11.	Вежливый	4	3,45	Сильный	2	2,56
12.	Трудолюбивый	3	2,59	Работающий	2	2,56
13.	Общительный	3	2,59	Обаятельный	2	2,56
14.	Классный	3	2,59	Любит курить	2	2,56
15.	Юморной	2	1,72	Любит девочек	2	2,56
16.	Самостоятельный	2	1,72	Классный	2	2,56
17.	Друг	2	1,72	Заботливый	2	2,56
18.	Доверчивый	2	1,72	Вежливый	2	2,56
19.	Быстрый	2	1,72	Юморной	1	1,28
20.	Щедрый	1	0,86	Щедрый	1	1,28
21.	Умелый	1	0,86	Хороший	1	1,28
22.	Справедливый	1	0,86	Способный	1	1,28
23.	Способный	1	0,86	Спокойный	1	1,28
24.	Разговорчивый	1	0,86	Самостоятельность	1	1,28
25.	Работающий	1	0,86	С ним интересно	1	1,28
26.	Понимающий	1	0,86	Разговорчив	1	1,28
27.	Обаятельный	1	0,86	Понимающий	1	1,28
28.	Любознательный	1	0,86	Любознательный	1	1,28
29.	Любит спортивные игры	1	0,86	Любит спорт	1	1,28

Окончание табл. 21

30.	Любит машины	1	0,86	Любит выпить	1	1,28
31.	Любит девчонок	1	0,86	Друг	1	1,28
32.	Любит выпить	1	0,86	Доверчивость	1	1,28
33.	Знающий	1	0,86	Быстрый	1	1,28
	Σ	116	100	Σ	78	100

Таблица 22

**Дословные совпадения обобщенных образов друга у девочек
и женщин, переживших сексуальное насилие**

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики студентов	частота	%
1.	Добрый	14	12,39	Веселый	32	10,92
2.	Спортивный	12	10,62	Умный	31	10,58
3.	Уравновешенная	7	6,19	Добрый	25	8,53
4.	Ласковый	7	6,19	Сильный	19	6,48
5.	Доверчивый	6	5,31	Честный	14	4,78
6.	Отзывчивый	5	4,42	Понимающий	13	4,44
7.	Аккуратный	4	3,54	Отзывчивый	13	4,44
8.	Сильный	3	2,65	Нежный	13	4,44
9.	Обаятельный	3	2,65	Ласковый	12	4,10
10.	Жизнерадостный	3	2,65	Заботливый	12	4,10
11.	Веселая	3	2,65	Надежный	11	3,75
12.	Щедрый	2	1,77	Открытая	9	3,07
13.	Шустрый	2	1,77	Аккуратный	8	2,73
14.	Честная	2	1,77	Спортивный	5	1,71
15.	Скромный	2	1,77	Обаятельный	5	1,71
16.	Серьезный	2	1,77	Милый	5	1,71
17.	Сексуальная	2	1,77	Жизнерадостный	5	1,71
18.	Психованный	2	1,77	Гордый	5	1,71
19.	Нежный	2	1,77	Щедрый	4	1,37
20.	Надежный	2	1,77	Уравновешенный	4	1,37
21.	Любимый	2	1,77	Спокойная	4	1,37
22.	Хороший	1	0,88	Любимый	4	1,37
23.	Умный	1	0,88	Хороший	3	1,02
24.	Спокойный	1	0,88	Сексуальный	3	1,02
25.	Сообразительный	1	0,88	Решительный	3	1,02
26.	Соня	1	0,88	Ленивая	3	1,02
27.	Смешной	1	0,88	Дружелюбный	3	1,02
28.	С чувством юмора	1	0,88	Доверчивый	3	1,02
29.	С характером	1	0,88	Смешной	2	0,68
30.	Решительный	1	0,88	Лидер	2	0,68
31.	Приятный	1	0,88	Загадочный	2	0,68
32.	Понимающая	1	0,88	Шустрый	1	0,34
33.	Открытая	1	0,88	Чувство юмора	1	0,34
34.	Нормальная девчонка	1	0,88	Сообразительный	1	0,34
35.	Неповторимый	1	0,88	Соня	1	0,34
36.	Милый	1	0,88	Скромная	1	0,34
37.	Любит читать	1	0,88	Серьезный	1	0,34
38.	Любит погулять	1	0,88	С характером	1	0,34

39.	Лидер	1	0,88	Психованный	1	0,34
40.	Ленивая	1	0,88	Приятный	1	0,34
41.	Идеальный	1	0,88	Почти идеальный для меня	1	0,34
42.	Загадочная	1	0,88	Нормальная	1	0,34
43.	Заботливая	1	0,88	Неповторимая	1	0,34
44.	Жизнелюбивая	1	0,88	Любит читать	1	0,34
45.	Желанный	1	0,88	Любит погулять	1	0,34
46.	Дружелюбная	1	0,88	Жизнелюб	1	0,34
47.	Гордый	1	0,88	Желанный	1	0,34
	Σ	113	100	Σ	293	100

При анализе дословных совпадений Ты-образов друга независимо от половой принадлежности и возраста отмечается наличие таких характеристик, как ВЕСЕЛЫЙ, ДОБРЫЙ, ДОВЕРЧИВЫЙ, ЗАБОТЛИВЫЙ, ОБАЯТЕЛЬНЫЙ, ПОНИМАЮЩИЙ, СИЛЬНЫЙ, СПОКОЙНЫЙ, УМНЫЙ, ХОРОШИЙ, ЩЕДРЫЙ. Следует отметить, что данные характеристики, кроме «понимающий», «умный» и «щедрый» отражались и в Я-образах изучаемой нами выборки.

При анализе дословных совпадений по Ты-образу недруга всех респондентов следует отметить такие характеристики, которые в большей степени встречаются в мужской выборке (таблица 21). У мальчиков-подростков это следующие определения: «драчливый», «дурак», «урод», «придур», «плохой», «злой» и др. У юношей – это «урод», «злой», «козел», «предатель» и др.

Таблица 23

Дословные совпадения обобщенных Ты-образов (недруг) мальчиков и мужчин, переживших сексуальное насилие

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики студентов	частота	%
1.	Драчливый	11	9,32	Урод	5	9,09
2.	Дурак	9	7,63	Злой	5	9,09
3.	Урод	7	5,93	Козел	4	7,27
4.	Придур	7	5,93	Предатель	3	5,45
5.	Плохой	7	5,93	Дебильный	3	5,45
6.	Злой	7	5,93	Груб с женщинами, родными	3	5,45
7.	Тупой	6	5,08	Тупой	2	3,64
8.	Некрасивый	6	5,08	Плохой	2	3,64
9.	Трус	5	4,24	Некрасивый	2	3,64
10.	Петух	5	4,24	Лысый	2	3,64
11.	Лох	5	4,24	Гад	2	3,64
12.	Козел	5	4,24	Хилый	1	1,82
13.	Дебил	5	4,24	Трусливый	1	1,82
14.	Курит	4	3,39	Придурок	1	1,82
15.	Жестокий	4	3,39	Петух	1	1,82
16.	Предатель	3	2,54	Несправедливый	1	1,82
17.	Зануда	2	1,69	Наркоман	1	1,82

18.	Грубый	2	1,69	Наглый	1	1,82
19.	Говнюк	2	1,69	Мудак	1	1,82
20.	Гад	2	1,69	Мелочный	1	1,82
21.	Балда	2	1,69	Любит покурить	1	1,82
22.	Хилый	1	0,85	Лох	1	1,82
23.	Несправедливый	1	0,85	Кретин	1	1,82
24.	Наркоман	1	0,85	Кривой	1	1,82
25.	Наглый	1	0,85	Идиот	1	1,82
26.	Мудак	1	0,85	Зараза	1	1,82
27.	Мелочь	1	0,85	Зануда	1	1,82
28.	Лысый	1	0,85	Животное	1	1,82
29.	Кретин	1	0,85	Жестокий	1	1,82
30.	Кривой	1	0,85	Дурак	1	1,82
31.	Идиот	1	0,85	Драчун	1	1,82
32.	Зараза	1	0,85	Говнюк	1	1,82
33.	Животное	1	0,85	Балда	1	1,82
	Σ	118	100	Σ	55	100

В женской выборке также можно выделить наиболее часто встречаемые определения по Ты-образу недруга. У девочек-подростков это такие определения: «злой», «плохой», «неумный» и др. У студенток – «злой», «грубый», «эгоист», «агрессивный», «завистливый», «жадный», «глупый», «наглый» и др.

Причем следует отметить, что при анализе дословных совпадений Ты-образов недруга независимо от половой принадлежности и возраста отмечается наличие таких характеристик, как ГАД, ГРУБЫЙ, ДУРНОЙ/ДУРАК, ЗАНУДА, ЗЛОЙ, НАГЛЫЙ, ПЛОХОЙ.

Таблица 24

Дословные совпадения обобщенных Ты-образов (недруг) девочек и женщин, переживших сексуальное насилие

№	Характеристики подростков	частота	%	Характеристики студенток	частота	%
1.	Злой	10	7,81	Злой	36	10,94
2.	Плохой	8	6,25	Грубый/грубиян	29	8,81
3.	Неумный	5	3,91	Эгоист	25	7,60
4.	Грубая	5	3,91	Агрессивный	23	6,99
5.	Глупый	5	3,91	Завистливый	22	6,69
6.	Ругается	4	3,13	Жадный	19	5,78
7.	Нервный	4	3,13	Глупый	17	5,17
8.	Неаккуратный	4	3,13	Наглый	16	4,86
9.	Дурной	4	3,13	Хитрый	13	3,95
10.	Грустный	4	3,13	Тупой	10	3,04
11.	Хитрый	3	2,34	Грязь	10	3,04
12.	Уродливый	3	2,34	Занудливый	6	1,82
13.	Тупой	3	2,34	Обидчивый	5	1,52
14.	Противный	3	2,34	Неуверенный	5	1,52

15.	Неприятный	3	2,34	Неприятный	5	1,52
16.	Ненадежный	3	2,34	Высокомерный	5	1,52
17.	Наглый	3	2,34	Упрямый	4	1,22
18.	Слабая	2	1,56	Умный	4	1,22
19.	Сердитая	2	1,56	Задира	4	1,22
20.	Обидчивый	2	1,56	Дурак	4	1,22
21.	Неуравновешенный	2	1,56	Гордый	4	1,22
22.	Несдержанный	2	1,56	Черствый	3	0,91
23.	Медлительная	2	1,56	Уродлив	3	0,91
24.	Издевается	2	1,56	Слабый	3	0,91
25.	Зануда	2	1,56	Сильный	3	0,91
26.	Завистливый	2	1,56	Плохой	3	0,91
27.	Жадный	2	1,56	Неуравновешенный	3	0,91
28.	Гордый	2	1,56	Нервный	3	0,91
29.	Эгоистичный	1	0,78	Гадкий/гадина	3	0,91
30.	Черствый	1	0,78	Вспыльчивый	3	0,91
31.	Упрямая	1	0,78	Противный	2	0,61
32.	Унылый	1	0,78	Неряха	2	0,61
33.	Умный	1	0,78	Необязательный	2	0,61
34.	Страшная	1	0,78	Неаккуратный	2	0,61
35.	Сильный	1	0,78	Настойчивый	2	0,61
36.	Ревнивая	1	0,78	Бесчувственный	2	0,61
37.	Паразитка	1	0,78	Унылый	1	0,30
38.	Опустившийся	1	0,78	Страшный	1	0,30
39.	Обезьяна	1	0,78	Сердитый	1	0,30
40.	Неуверенный	1	0,78	Ругается	1	0,30
41.	Нетерпеливый	1	0,78	Ревнивая	1	0,30
42.	Нет друзей	1	0,78	Паразит	1	0,30
43.	Неряха	1	0,78	Опустившийся	1	0,30
44.	Необязательный	1	0,78	Обезьяна	1	0,30
45.	Некультурный	1	0,78	Неумный	1	0,30
46.	Неинтересный	1	0,78	Нетерпеливый	1	0,30
47.	Недружелюбная	1	0,78	Нет друзей	1	0,30
48.	Невеселый	1	0,78	Несдержанный	1	0,30
49.	Не очень надежный	1	0,78	Ненадежный	1	0,30
50.	Настойчивый	1	0,78	Ненадежный	1	0,30
51.	Надоедливый	1	0,78	Некультурный	1	0,30
52.	Задира	1	0,78	Неинтересный	1	0,30
53.	Грязь	1	0,78	Недружелюбный	1	0,30
54.	Гадкая	1	0,78	Невеселый	1	0,30
55.	Высокомерная	1	0,78	Надоедливый	1	0,30
56.	Вульгарный	1	0,78	Медлительный	1	0,30
57.	Вспыльчивый	1	0,78	Издевается над слабым	1	0,30
58.	Вежливый	1	0,78	Вульгарный	1	0,30
59.	Бесчувственный	1	0,78	Все время грустный	1	0,30
60.	Агрессивный	1	0,78	Вежливая	1	0,30
	Σ	128	100	Σ	329	100

3.3.3. Результаты корреляционного исследования социально-перцептивных образов взрослых и подростков, переживших сексуальное насилие

Интересные данные были получены нами и при проведении корреляционного анализа структурных компонентов Я-, Ты-образов подростков, переживших сексуальное насилие, и взрослых, оказавшихся в аналогичной ситуации (таблица 25).

Таблица 25

Корреляции социально-перцептивных образов подростков и взрослых – жертв сексуального насилия

Корреляции Я-образов респондентов мужского пола, переживших сексуальное насилие																					
		Компоненты Я-образа мальчиков (n = 15)										Компоненты Я-образа мужчин (n = 11)									
		в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м	в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м
Я-образ	в																				
	д																				
	и																				
	ис																				
	к																				
	п																				
	с														0,85						
	т				-0,54									-0,64	-0,61						
	э																				
м	-0,7		0,59	0,66																	
Ты-образ (друг)	в																				
	д		0,53				0,53														
	и		0,66							-0,7								0,66			
	ис																				
	к																			0,87	
	п														-0,75			0,67			
	с							0,69	-0,6						0,65						
	т								0,67										0,809		
	э												0,75								
м																				0,67	
Ты-образ (недруг)	в												0,73							-0,77	
	д																			-0,61	
	и																				
	ис																				
	к																		0,72		
	п													0,73							
	с				-0,72								0,66								
	т								-0,6						-0,71						
	э												0,62								
м																				-0,84	0,61

Условные обозначения: Жирным шрифтом обозначены критические значения коэффициента корреляции: при $p < 0,01$; светлым – при $p < 0,05$.

Так как нас интересовал вопрос не только различий, но и соотношения структурных компонентов социально-перцептивных образов

подростков и студентов, переживших сексуальное насилие, то в своей работе мы сопоставили полученные корреляционные связи у подростков и студентов, предварительно разделив их по половой принадлежности.

Как видно из представленной таблицы, у мальчиков, переживших сексуальное насилие, отрицательные корреляционные зависимости выявлены между волевой и метафорической характеристиками, также между социальным интеллектом и телесной характеристикой. Положительные связи обнаружены между интеллектуальной и метафорической характеристиками, между социальным интеллектом и метафорической характеристикой. Причем на 99% уровне значимости находятся положительное соотношение социального интеллекта с метафорической характеристикой, а отрицательная зависимость между волевой и метафорической характеристиками.

У юношей положительная связь выявлена между социальным интеллектом и социальной характеристикой, которые находятся на 99% уровне значимости. Отрицательная – между интеллектуальной и телесной характеристиками и между конвенциональными и телесными характеристиками Я-образов студентов.

В Ты-образах друга, как у мальчиков, так и у юношей наблюдаются достаточное количество разнообразных связей. Интересным на наш взгляд, является то, что в телесных компонентах Ты-образов друга наблюдаются зависимости как у одной группы, так и у второй, причем на 99% уровне значимости. Нами данный факт рассматривается как социальная особенность этих людей. Формирование Я-образов мальчиков и юношей, переживших сексуальное насилие, без сомнения проходит через восприятие образа значимого другого человека и, скорее всего, через восприятие его телесного компонента.

В Ты-образах недруга у мальчиков практически отсутствуют корреляционные связи, исключение составляют две из них: отрицательная корреляционная зависимость интеллектуального и социального компонентов (99% уровень значимости), отрицательная связь социальной и телесной характеристик (95% уровень значимости). У юношей корреляционных связей уже намного больше. Причем это дает основание предполагать, что Я-образ юношей тесно взаимосвязан не только с образом друга, но также и с образами недруга. Данный факт дает право предполагать, что под воздействием временного и ситуативного факторов Я-образ ребят может серьезным образом подвергаться деформации и искажению.

Достаточно интересными получились данные при сопоставлении результатов корреляционного анализа между девочками и девушками – жертвами сексуального насилия (таблица 26).

Таблица 26

**Корреляции социально-перцептивных образов подростков
и взрослых – жертв сексуального насилия**

Корреляции Я-образов респондентов женского пола, переживших сексуальное насилие																																	
Компоненты Я-образа девочек (n = 15)											Компоненты Я-образа женщин (n = 57)																						
		в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м			в	д	и	ис	к	п	с	т	э	м										
Я-образ	в											Я-образ	в																				
	д												д																				
	и												и																				
	ис												ис																				
	к												к	-0,4	0,5		-0,38																
	п												п																				
	с				0,53								с				-0,44	0,46															
	т												т									-0,4											
	э												э									0,33											
м										0,64	м	-0,3								-0,57		-0,44											
Ты-образ (друг)	в	0,57										Ты-образ (друг)	в											-0,34									
	д	0,53											д		0,43																		
	и				0,63						0,52		и																				
	ис												ис						0,45														
	к												к												-0,32								
	п	-0,68			-0,53						0,53		п									0,33											
	с												с												-0,38								
	т										0,54		т												0,42								
	э	-0,53											э													0,39							
м											м													-0,37	0,44								
Ты-образ (недруг)	в				0,59							Ты-образ (недруг)	в											0,39									
	д										д														0,41								
	и										0,59		и																				
	ис										ис		0,31						0,38														
	к												к													-0,39							
	п												п																				
	с												с																				
	т										0,52																						
	э	-0,6									-0,6		э																				
м											м														0,43								

Условные обозначения: Жирным шрифтом обозначены критические значения коэффициента корреляции: при $p < 0,01$; светлым – при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы, в Я-образах девушек, по сравнению с Я-образами девочек, переживших сексуальное насилие, возникает огромное количество разнообразных корреляционных связей. В том числе сохраняется отмеченное у девочек соотношение интеллектуальной и социальной характеристик. Однако у девушек данное соотношение будет со знаком минус.

Вероятно, не имеет смысла рассматривать все взаимосвязи, следует отметить лишь наиболее общие и важные выводы, которые следуют из этого. Наличие огромного числа корреляционных соотноше-

ний в выборке девушек как в Я-образах, так и в Ты-образах нами рассматривается как факт достаточно тесной связи этих образов, причем наиболее прочные и многообразные связи обнаруживаются в представлениях девушек.

Неожиданным и интересным для нас в исследовании стало выявление у всех респондентов, переживших сексуальное насилие, того факта, что телесная характеристика Я-образа положительно коррелирует с телесной характеристикой Ты-образа друга. Полученные данные служат подтверждением того, что Я-образ респондентов, подвергавшихся сексуальному насилию, тесным образом связан с Ты-образом друга.

У взрослых, подвергавшихся сексуальному насилию, тенденция связи Я-образа с Ты-образами сохраняется, причем имеет свои особенности. В частности у девушек происходят изменения в структурах Я-образов, появляется почти в шесть раз больше связей, однако они не совсем прочные, чем у девочек-подростков.

У юношей также происходят изменения, в частности это касается Я-образов и Ты-образов. В Я-образах количество корреляционных связей уменьшается, а вот в Ты-образах недруга значительно увеличиваются, причем доминируют прочные связи.

Таким образом, мы можем утверждать, что различия в структуре и содержании между Я- и Ты-образами подростков коррелируют с фактом пережитого подростками сексуального насилия. Социально-перцептивные образы подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, не имеют различий в структуре, но обнаруживают различия в их содержании.

Выводы по третьей главе

1. У подростков, перенесших сексуальное насилие, в отличие от их обычных сверстников, выявлена специфика социально-перцептивных образов и таких личностных особенностей, как социально-психологическая адаптация, акцентуации, самоотношение, агрессия.

- В группе девочек, переживших сексуальное насилие, преобладает такой параметр агрессивности, как шкала «Чувство вины» ($p < 0,05$), а в аналогичной группе мальчиков преобладание отмечается по шкалам: «Подозрительность» ($p < 0,05$), «Обида» ($p < 0,05$), «Чувство вины» ($p < 0,01$).
- У девочек, подвергшихся сексуальному насилию, существенно реже ($p < 0,001$), чем у других сверстниц, проявляется акцентуация по педантичному типу. У мальчиков, подвергшихся сексуальному насилию, значительно чаще ($p < 0,001$), чем у других сверстников, проявляется акцентуация по лабильному типу.

- Между группами девочек такие параметры социально-психологической адаптации, как «Дезадаптивность», «Эмоциональный дискомфорт», «Ведомость» ($p < 0,001$), «Неприятие себя», «Неприятие других» ($p < 0,01$) существенно выше у девочек, переживших сексуальное насилие, чем у обычных девочек, обучающихся в средних школах. Между мальчиками в аналогичном сравнении выраженным для подростков, перенесших сексуальное насилие, стало «Приятие себя» ($p < 0,001$).
- В эмоционально-оценочной системе в группах мальчиков преобладающим для подростков – жертв сексуального злоупотребления стал фактор «Самоуничижение» ($p < 0,001$). В сравниваемых группах девочек существенные различия у подростков, перенесших сексуальное насилие, выявились практически по всем модальностям самоотношения: «Самоуважению», «Аутосимпатии», «Самоуничижению». У девочек, подвергавшихся сексуальному насилию, преобладающими стали значения по шкалам «Самопривязанность», «Самообвинение» ($p < 0,001$).
- Социально-перцептивные образы подростков, перенесших сексуальное насилие, индивидуальны, отражают субъективные представления о себе и других, существенно отличаются по структуре и содержанию от социально-перцептивных образов, отражаемых подростками, у которых не зафиксировано случаев сексуального насилия. Так, между Я-образами подростков, переживших сексуальное насилие и не переживших сексуальное насилие, отсутствуют достоверные различия по 3 из 10 структурным компонентам (конвенциональным, поведенческим и метафорическим). В образах друга в тех же группах подростков практически не отмечаются достоверные различия по социальному интеллекту, волевым, интеллектуальным, конвенциональным, эмоциональным, метафорическим компонентам. В образах недруга в группах подростков, перенесших сексуальное насилие, существенных различий не выявлено по интеллектуальным, конвенциональным, поведенческим и телесным характеристикам.

2. В ходе исследования подростков, перенесших сексуальное насилие, выявились гендерные различия по показателям социально-психологической адаптации, агрессии, самоотношения и акцентуаций личности, социально-перцептивной сферы, проявившиеся в следующем:

- Выявлены существенные гендерные различия во влиянии фактов сексуального насилия на показатели социально-

психологической адаптации подростков разного пола. Отмечается существенное влияние этих фактов на показатели социально-психологической адаптации девочек (по 8 параметрам из 15) и практически отсутствует влияние фактов сексуального насилия на показатели социально-психологической адаптации мальчиков (по 2 параметрам из 15).

- Гендерные различия у подростков, переживших сексуальное насилие, отмечаются и по показателям агрессии. У мальчиков по 4 параметрам из 8, а именно по шкалам «Негативизм», «Подозрительность», «Обида», «Чувство вины». У девочек тоже по 4 из 8 – по «Негативизму», «Вербальной агрессии», «Подозрительности», «Чувству вины».
- В анализе выраженности акцентуаций гендерные различия у мальчиков, перенесших сексуальное насилие, определяются по 4 из 10 параметрам, а у девочек – по 3 из 10.
- Существенные гендерные различия обнаружены и при анализе эмоционально-оценочной системы. Значительно больше их определяется в группе девочек, переживших сексуальное насилие (по 8 параметрам из 9), чем у аналогичных мальчиков (по 2 параметрам из 9).
- Я-образы подростков, перенесших сексуальное насилие, тесным образом связаны с образами друга. Причем у девочек корреляция статистически значима ($p < 0,05$), а у мальчиков ($p < 0,01$) и в основном является положительной.
- Выявились существенные различия в корреляционных связях между структурными компонентами в Я-, Ты-образах у подростков, переживших сексуальное насилие, между компонентами структур Я-образов у мальчиков и девочек. У подростков, перенесших насилие, установлено значительно меньше корреляционных связей, чем в Ты-образах.
- Выявились специфические гендерные особенности в Ты-образах подростков – жертв сексуального насилия, которые проявились в следующем: у девочек как в образах друга, так и в образах недруга выявилось достаточно большое количество (от 7 до 9) корреляционных связей между различными компонентами структуры Ты-образов; у мальчиков выявлены существенные различия в количестве корреляционных связей между разными компонентами структур образов друга и недруга.
- Установленные факты позволяют сделать вывод, что формирование Я- и Ты-образов у подростков – жертв сек-

суального насилия наряду с выявленными ранее общими закономерностями формирования и развития социально-перцептивных образов отмечается и достаточно существенная гендерная специфика функционирования Я-, Ты-образов. Можно предположить, что в процессе формирования Я-образов девочки и мальчики практически не соотносят свой образ с тем, что отмечают в самих себе сверстники. Совсем другие выводы можно сделать в отношении Ты-образов. Можно предположить, что у девочек в ходе формирования Ты-образов друга и недруга срабатывает один и тот же механизм ориентации на мнение сверстниц. В то время как мальчики ориентируются на мнение сверстников лишь при отражении друзей, а при отражении недругов ориентируются на самих себя.

3. В ходе исследования подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие, выявились значительные возрастные различия по показателям социально-перцептивной сферы, проявившиеся в следующем:

- В характеристиках Я-образов всех групп подростков и взрослых наиболее часто употребляемыми явились социальные, эмоциональные, телесные и амбивалентные компоненты структуры образов.
- Имеющиеся в сознании подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, образы себя, друга и недруга взаимосвязаны по структуре и содержанию, но в то же время существенно различаются между собой.
- В образах друга наибольшее количество различий у подростков и взрослых обнаружено по волевому и телесному компонентам. А в образах недруга – по социальному и телесному компонентам.
- В ходе исследования выявились закономерности доминирования отдельных структурных компонентов социально-перцептивных образов. Социальные, телесные и эмоциональные компоненты структуры Я-образов, занимающие первые места как у подростков, так и у взрослых, остаются практически независимыми от пола и возраста. По остальным компонентам Я-образов возрастные различия прямо связаны с полом обследуемых. У представителей мужского пола структуры Я-образов не изменяются с возрастом, а у представителей женского пола по всем компонентам структуры образов, кроме социальных, эмоциональных и телесных, отмечаются явные ранговые расхождения.
- С помощью корреляционного анализа были выявлены од-

нотипные связи между отдельными компонентами структур Я-, Ты-образов подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие. Так, обнаружена положительная корреляционная связь Я-образов с образами друга по телесному компоненту и у подростков, и у взрослых, переживших сексуальное насилие.

- Проведенный анализ дословных совпадений обобщенных Я-образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, показывает, что есть не только структурно-статистическая связь, но и содержательно-качественная взаимосвязь между элементами Я-образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие.
- Проведенный анализ дословных совпадений обобщенных Ты-образов друга и недруга подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, показывает, что большее количество совпадений обнаруживается в женской выборке.
- При анализе дословных совпадений Ты-образов друга независимо от половой принадлежности и возраста отмечается наличие таких характеристик, как *ВЕСЕЛЫЙ, ДОБРЫЙ, ДОВЕРЧИВЫЙ, ЗАБОТЛИВЫЙ, ОБАЯТЕЛЬНЫЙ, ПОНИМАЮЩИЙ, СИЛЬНЫЙ, СПОКОЙНЫЙ, УМНЫЙ, ХОРОШИЙ, ЩЕДРЫЙ.*
- При анализе дословных совпадений Ты-образов недруга независимо от половой принадлежности и возраста отмечается наличие таких характеристик, как *ГАД, ГРУБЫЙ, ДУРНОЙ/ДУРАК, ЗАНУДА, ЗЛОЙ, НАГЛЫЙ, ПЛОХОЙ.*
- При сравнении дословных совпадений независимо от возраста и пола обнаруживается то, что респонденты, подвергшиеся насилию, представляют себя *ВЕЖЛИВЫМИ, ВЕСЕЛЫМИ, ВСПЫЛЬЧИВЫМИ, ДОБРЫМИ, ДОВЕРЧИВЫМИ, ЗАБОТЛИВЫМИ, ИНТЕРЕСНЫМИ, КРАСИВЫМИ, ЛАСКОВЫМИ, ЛЕНИВЫМИ, МЕЧТАТЕЛЬНЫМИ, ОБАЯТЕЛЬНЫМИ, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ, СИЛЬНЫМИ, СИМПАТИЧНЫМИ, СПОКОЙНЫМИ, УМНЫМИ, ХОРОШИМИ.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ и ВЫВОДЫ

В онтогенезе подростковый возраст является одним из критических. В этом возрастном периоде активно происходят не только физиологические изменения, но и изменения социального статуса, поведения, психики ребенка. Известно, что у подростков возрастной кризис сопровождается неприятием, несогласием с общепринятыми установками и нормами социальной среды. Причиной этого, по мнению большинства отечественных ученых, является процесс становления индивидуальности, развитие Я-концепции подростков.

Подростковый возраст, наиболее важный период для формирования самосознания. Изменения, происходящие в нем, кардинальным образом влияют на развитие всей личности. Я-концепция как результат процессов самосознания является центральным новообразованием подросткового возраста. Она формируется под воздействием жизненного опыта человека, прежде всего детско-родительских отношений, однако достаточно рано сама приобретает активную роль, влияя на интерпретацию этого опыта, на те цели, которые личность ставит перед собой, на соответствующую систему ожиданий, прогнозов относительно будущего, оценку их достижения и тем самым на собственное становление.

В своем исследовании мы пришли к следующим выводам:

1. У подростков, перенесших сексуальное насилие, в отличие от их обычных сверстников, выявлено специфическое проявление таких личностных особенностей, как **социально-психологическая адаптация** по шкалам: у девочек «Дезадаптивность», «Эмоциональный дискомфорт», «Ведомость», «Неприятие себя», «Неприятие других»; у мальчиков – «Приятие себя»; **акцентуации**: у девочек существенно реже ($p < 0,01$) проявляется акцентуация по педантичному типу, у мальчиков значительно чаще ($p < 0,01$) выявляется акцентуация по лабильному типу; **самоотношение**: у девочек практически по всем трем факторам: «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Самоуничижение» (от $p < 0,01$ до $p < 0,001$); у мальчиков специфика проявляется лишь по фактору «Самоуничижение» ($p < 0,001$); **агрессивность** по шкалам: у девочек – «Чувство вины» ($p < 0,05$), «Подозрительность» ($p < 0,05$), «Негативизм» ($p < 0,001$), «Вербальная агрессия» ($p < 0,05$); у мальчиков – «Чувство вины» ($p < 0,01$), «Подозрительность» ($p < 0,01$), «Обида» ($p < 0,05$), «Негативизм» ($p < 0,001$).
2. Социально-перцептивные образы всех обследованных групп сходны по структуре, но по содержанию Я- и Ты-образы подростков, перенесших сексуальное насилие, существенно отлича-

ются от социально-перцептивных образов, отражаемых аналогичными испытуемыми взрослого возраста и подростками, у которых не зафиксированы случаи сексуального насилия.

3. Выявлены однотипные связи между отдельными компонентами структур Я-, Ты-образов подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие. В частности, обнаружены положительные корреляционные связи Я-образов с образами друга по телесному компоненту как у подростков, так и у взрослых, переживших сексуальное насилие.
4. В ходе анализа по социально-перцептивной сфере подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, была обнаружена положительная корреляционная связь Я-образов с образами друга по телесному компоненту и у подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие.
5. В ходе исследования выявлена существенная гендерная специфика функционирования Я-, Ты-образов. Сущность ее сводится к тому, что в процессе формирования Я-образов девочки и мальчики практически не соотносят свой образ с тем, что отмечают в самих себе сверстники. Однако у девочек в ходе формирования Ты-образов друга и недруга срабатывает один и тот же механизм ориентации на мнение сверстников и сверстниц. В то время как мальчики ориентируются на мнение сверстников лишь при отражении друзей, а при отражении недругов ориентируются только на самих себя.

Так, полученные результаты дают возможность использовать их при проведении профилактической, коррекционной деятельности, судебно-психологической экспертизы. Способствуют повышению профессиональной деятельности психологов, социальных работников, в рамках оказания психологической помощи и поддержки подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода // Вопросы психологии. – № 5. – 2003. – С. 103–120.
2. Аверин В.А. Психология личности: уч. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
3. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки // Избранные психологические труды: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – С. 128–267.
4. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. – Л., 1961. – 456 с.
5. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
6. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: Чикатило и другие. – М., 1993.
7. Асанова Н.К. Жестокое обращение с детьми: основные методологические вопросы, практические и правовые аспекты: Руководство по предупреждению насилия над детьми. – М.: «ВЛАДОС», 1997.
8. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
9. Блонский П.П. Очерки детской сексуальности в кн. «Психология младшего школьника» / под ред. А.И. Липкиной и Т.Д. Марцинковской. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
10. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М., 1982. – 200 с.
11. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. – Л., 1965.
12. Бодалев А.А. Личность и общение: избранные труды. – М.: Педагогика, 1983. – С. 87.
13. Бодалев А.А. Формирование понятия о человеке как личности. – Л., 1970.
14. Бодалев А.А., Ломов Б.Ф., Матюшкин А.М. Психологическая наука – реформе школы // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 12–25.
15. Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика – СПб.: Изд-во «Речь», 2000.
16. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
17. Болотова А.К., Макарова И.В. Прикладная психология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 383 с.
18. Брутман В.И., Еникопов С.Н., Родионова М.С. Нежелательная беременность у жертв сексуального насилия (психолого-

- психиатрические аспекты проблемы) // Вопросы психологии. – № 1. – 1995. – С. 33–41.
19. Бударцева С. Создан центр помощи жертвам сексуального насилия // Воспитание школьников. – 1996. – № 2. – С. 37–38.
 20. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер Ком, 1999.
 21. Быков А.В., Шульга Т.И. Психологическая служба в учреждениях социально-педагогической поддержки детей и подростков. – М., 2001. – 100 с.
 22. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Изд-во «Питер», 1997.
 23. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. – М.: Педагогика, 1991.
 24. Васильев В.Л. Юридическая психология. – 3-е изд. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
 25. Гайденок Н. Жертвы озверевшего гормона // Литературная газета. – 1996, № 4.
 26. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. – Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 1996.
 27. Гурьева В.А. и др. Предисловие к статье Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства // Вопросы психологии. – Том 13. – № 5. – 1992. – С. 118–120.
 28. Дольто Ф. На стороне подростка / пер. с франц. А.К. Борисовой. – СПб.: Изд-во «Петербург – XXI век», 1997. – 277 с.
 29. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: уч. пособие. – М.: ИНФА-М, 1997. – 256 с.
 30. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. – № 1. – 2001.
 31. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. – 2001. – Том 22. – № 3.
 32. Ениколопов С.Н., Кравцова О.А. Теории сексуального насилия // Прикладная психология – 1999. – № 4 – С. 45–53.
 33. Еремеев Б.А. Психометрика мнений о людях: автореф. дис. на соискание степени д-ра психологич. наук. – СПб., 2003.
 34. Еремеев Б.А. Психометрика мнений о людях: дисс. на соискание д-ра психологич. наук. – СПб, 2003.
 35. Ефимова Л. О конституциональных основах правового регулирования защиты нравственности и здоровья детей в теле- и радиопередачах // Защити меня! – 2000. – № 3. – С. 17–19.
 36. Залысин И.Ю. Структурные и политические источники насилия // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1. – С. 96–111.
 37. Зарецкий В.К. и др. Пути решения проблемы сиротства в России. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2002.

38. Захарьева И.А. Об исследовании структуры личности несовершеннолетних, подвергшихся изнасилованию / тез. докл. международной научно-практической конференции «Социальная работа с детьми и подростками группы риска». – СПб., 15–17 мая, 2000. – С. 164–166.
39. Захарьева И.А. Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования: автореф. дис. на соискание степени канд. психологич. наук. – СПб., 2000.
40. Захарьева И.А., Утемишева Г.У., Цепенюк Ж.В. и др. Профилактика ненасилия в подростковой среде: учеб.-метод. пособие / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: С-Петербург. университет МВД России, 2001.
41. Зембатов М.Р. Роль ритуала в эволюции насилия // Мир психологии. – 2003, № 1 (33) – С. 140–149.
42. Зимелева З.А. Агрессивное поведение подростков и личность родителей // Психологическая наука и образование. – 2001. – № 4. – С. 22–25.
43. Иваненко С. Насилие в семье // Семья и школа. – 1998. – № 2. – С. 10–11.
44. Ильина С.В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. – 1998. – № 6 – С. 65–74.
45. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: Издательская группа Инфа М-НОРМА, 1997.
46. Калмыкова Е.С., Падун М.А. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме: постановка проблемы (сообщение 1) // Психологический журнал. – Том 23. – № 5. – 2002.
47. Киреев Г.Н. Сущность насилия. – М., 1990.
48. Киреева Н.Н., Карпухина О.К. Самоотношение как индикатор личностной незрелости подростка / тез. докл. международной научно-практической конференции «Социальная работа с детьми и подростками группы риска». – СПб., 15–17 мая, 2000. – С. 41–42.
49. Кирпиченко А.А., Кирпиченко Ан.А. Основы психосексуальных расстройств: учеб. пособие. – Витебск: Изд-во ВГМУ, 2001.
50. Коломинский Я.Л. Возрастная и педагогическая социальная психология в свете проблем воспитания // Прикладные проблемы социальной психологии. – М., 1983. – С. 255–270.
51. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малой группе. – М., 1976.
52. Коломинский Я.Л., Березовин Н.А. Некоторые педагогические проблемы социальной психологии. – М., 1977.

53. Коломинский Я.Л., Реан А.А. Социальная педагогическая психология. – СПб., 1999.
54. Комментарий к Семейному кодексу РФ / под общ. ред. д-ра юрид. наук П.П. Крашенинникова и канд. юрид. наук, Заслуженного юриста РФ П.И. Седугина. – М.: Издательская группа Инфа М-НОРМА, 1997.
55. Комментарий к УК РФ. – М., 1996.
56. Кон И. Сокращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. – 1998. – № 5 – С. 58–66.
57. Кон И.С. Введение в сексологию: уч. пособие. – М.: Олимп, ИНФА-М, 1999.
58. Кон И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
59. Кондратьева С.В. Учитель – ученик. – М., 1984.
60. Крайг К. Психология развития. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 992 с.
61. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М., 1991.
62. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт», 2002. – С. 132.
63. Курасова Н.В. Сексуальное насилие в семье // Семейная психология и семейная терапия. – 1997. – № 1 – С. 106–117.
64. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. – М., 1997.
65. Ломова Н.Г. Социальный психотравматизм подростков: автореф. дис. канд. психол. наук. – М., 1994. – 17 с.
66. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Изд-во Питер, 1997.
67. Михайлова О.Ю. Агрессия и сексуальное поведение // Прикладная психология. – 2000. – № 6. – С. 16–24.
68. Михайлова О.Ю. Криминальная сексуальная агрессия: теоретико-методологический подход / под ред. П.Н. Ермакова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2000.
69. Можгинский Ю.Б. Агрессия подростков: эмоциональный и кризисный механизм. – СПб., 1999. – 128 с.
70. Моисеева С.И. Психологические особенности подростков, склонных к девиантным формам поведения в современных социально-экономических условиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2003.
71. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику: учеб. пособие для студентов. – М.: Институт практической психологии, 1997.
72. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. – М., 1984.
73. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. – М., 1985.

74. Мэнделл Дж. Г., Дамон Л. и др. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими насилие / пер. с англ. – М.: Генезис, 1998.
75. Нагаев В.В. Преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних: психологическая экспертиза и правовая защита // Вестник психосоциальной и коррекционной работы. – 1998. – № 4. – С. 59–79.
76. Насилие над женщинами: проблемы и пути преодоления: сб. материалов по исследованию проблемы насилия над женщинами, которые были выполнены рядом общественных организаций Беларуси / отв. ред. Петина Л.С. – Мн.: Женское Независимое Демократическое Движение (ЖНДД), 2000.
77. Никончук А. Начало социально-педагогической виктимологии // Сацьяльна-педагагічная работа, 1997. – Вып. № 2. – С. 10–22.
78. Обухова Л.Ф. Детская психология: теория, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995.
79. Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – М., 1987.
80. Ольвеус Д. Жестокость среди школьников и ее жертвы // Перспективы. – 1997. – Том XXVI. – № 2 – С. 117–147.
81. Основы психологии. Практикум / ред.-сост. Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2000.
82. Осухова А.Г. Психодрама: помощь детям, пережившим насилие // Педагогика. – № 3. – 2001.
83. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. – М.: «Смысл», 1993. – 32 с.
84. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М., 1991.
85. Пашина А.Х. Взаимосвязь различных видов насилия в отношении женщин и особенностей их эмоциональной сферы // Психологический журнал. – Том 23. – № 6. – 2002.
86. Петанова Е.И. Пограничная личностная структура и особенности самосознания детей из групп социального риска / тез. докл. международной научно-практической конференции «Социальная работа с детьми и подростками группы риска». – СПб., 15–17 мая, 2000. – С. 275–276.
87. Петровский А.В. Введение в психологию. – М.: Издательский центр «Академия», 1995.
88. Петровский А.В. К построению социально-психологической теории коллектива // Вопросы философии. – 1973. – № 12. – С. 71–81.

89. Петровский А.В. К построению социально-психологической теории коллектива // Вопросы философии. – 1973. – № 12. – С. 71–81.
90. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982.
91. Петровский А.В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 7–18.
92. Петровский А.В., Снегирева Т.В., Янотовская Ю.В. Некоторые психолого-педагогические аспекты стратометрической концепции // Психологическая теория коллектива. – М., 1979. – С. 186–197.
93. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. – 1985. – № 4.
94. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом анализе личности // Психология развивающейся личности. – М., 1987.
95. Пирс Дж. Последствия злоупотребления и пренебрежения ребенком для его развития: направления психотерапии детей – жертв насилия: Руководство по предупреждению насилия над детьми. – М.: «ВЛАДОС», 1997.
96. Понтон Л. Сексуальная жизнь подростков. Открытие тайного мира взрослеющих мальчиков и девочек / пер. с англ. Э. Касимова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 272 с.
97. Пословицы, поговорки, ребусы / ред. Н.Б. Петрова. – СПб.: дидактика Пресс, 1997. – С. 71.
98. Прикладная социальная психология / под ред. А.Н. Сухова и А.А. Деркача. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998. – 688 с.
99. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Дети без семьи (Детский дом: заботы и тревоги общества). – М.: Педагогика, 1990.
100. Психологическая диагностика в психолого-педагогической практике: уч.-метод. пособие / сост.: Константинов В.В., Ситников В.Л., Шилов И.Ю. – СПб.: ЛГОУ, 2002.
101. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика – Пресс, 1996.
102. Психология подростка. Полное руководство / под ред. член.-корр. РАО А.А. Реана – СПб., 2003.
103. Психология развития / Т.М. Марютина, Т.Г. Стефаненко, К.Н. Поливанова и др.; под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 352 с.

104. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 624 с.
105. Реан А.А. Психология изучения личности: уч. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999.
106. Реан А.А. Семьи и дети группы риска // Преступность несовершеннолетних: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции. – С. 24.
107. Реан А.А., Дандарова Ж.К., Прокофьева В.А. Социальное сиротство в современной России. Аналитический доклад. – М., 2002.
108. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
109. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
110. Руденкова Г.И. Основные направления государственной политики в решении проблемы социального сиротства в Республике Беларусь // Социально-педагогическая работа, № 2, 2001.
111. Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И., Ярославцева Н.Д. Реабилитация детей, пострадавших от жестокого обращения, в условия приюта: Руководство по предупреждению насилия над детьми. – М.: «ВЛАДОС», 1997.
112. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: уч. пособие. – М.: МПСИ: Флинта, 1998. – 96 с.
113. Синягина Н.Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.
114. Ситаров В.А., Маралов В.Г. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / под ред. В.А. Слостенина. – М., 2000. – 216 с.
115. Ситников В., Гусева С., Шилов И. Образы «хорошего» и «плохого» ребенка в сознании педагогов с различным опытом педагогической деятельности / тез. докл. международной научно-практической конференции «Социальная работа с детьми и подростками группы риска». – СПб., 15–17 мая, 2000. – С. 283–285.
116. Ситников В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). – СПб.: Химиздат, 2001.
117. Ситников В.Л., Стреленко А.А. Гендерные особенности «Я»-, «Ты»-образов подростков, переживших сексуальное насилие // Преступность несовершеннолетних: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. А.А. Реана – М., 2003. – С. 244–246.

118. Смагина Л.И., Корнейчик А.С., Петрикевич А.А., Царик И.А. Сто уроков по правам ребенка. – Мн.: Універсітэцкае, 1998.
119. Собкин В., Кузнецова Н. Динамика венерических заболеваний у детей и подростков // Защити меня! – 2001, № 3 – С. 20–21.
120. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
121. Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних: СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
122. Степанова Т.М. Несовершеннолетние как объект торговли и эксплуатации // Социально-педагогическая работа. – 2002. – № 1(29).
123. Стреленко А.А. Изучение личности подростков, пострадавших от жестокого обращения // Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования: материалы V Международной научно-практической конференции «Реальность этноса. Этнонациональные аспекты модернизации образования» (Санкт-Петербург, 18–21 марта 2003 г.) / под науч. ред. И.Л. Набока. – СПб.: Астерион, 2003. – С. 685–688.
124. Стреленко А.А. Изучение характера эмоциональных переживаний мужчин и женщин на различных этапах психосексуального развития // Диагностика: теория, практика, инструментарий: сб. науч. статей / под общ. ред. Богомаза С.Л. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003.
125. Стреленко А.А. К проблеме насилия над детьми: прошлое и настоящее // Актуальные проблемы психологии: теория и практика. – Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – С. 42–45.
126. Стреленко А.А. Социально-психологические аспекты насилия в отношении детей и подростков // Психолого-педагогические основы формирования личности на разных этапах онтогенеза: сб. науч. статей / под общ. ред. Богомаза С.Л. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – С. 48–55.
127. Стреленко А.А. Я-образ в сознании подростков, переживших сексуальное насилие: учебно-методич. пособие / А.А. Стреленко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 42 с.
128. Субботский Е.В. Ребенок открывает мир: кн. для воспитателя детского сада. – М., 1991.
129. Тарасевич Е.В. Особенности посттравматического стрессового расстройства у детей, перенесших насилие / тез. докл. международной научно-практической конференции «Социальная работа с детьми и подростками группы риска». – СПб., 15–17 мая, 2000. – С. 287–288.

130. Улыбина Е.В. Смертельная опасность Другого на модели нарциссизма Снегурочки // Мир психологии. – 2001. – № 3 (27). – С. 157–167.
131. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. – М., 1989.
132. Филатова Е.С. Искусство понимать себя и окружающих. – СПб., 1998.
133. Филатова И. Мальчики и девочки для мужчин и женщин // Аргументы и факты – 1996, № 36.
134. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: ООО Изд-во АСТ – ЛТД, 1998.
135. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979.
136. Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства // Психологический журнал. – 1992. – Том 3. – № 5 – С. 120–129.
137. Цветков В.Л. Проблемы антиобщественного поведения малолетних // Преступность несовершеннолетних: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. А.А. Реана – М., 2003. – С. 129–143.
138. Чернова Г.Р. Феномен жестокости (культурно-антропологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2001.
139. Черносвитов Е.В. Социальная медицина: уч. пособие для студентов высш. уч. заведений. – М.: ВЛАДОС, 2000.
140. Шевандрин Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998.
141. Шереги Ф., Арефьев А., Вострокнутов Н., Зайцев С., Никифоров Б. Молодежная проституция // Защити меня! – 2001. – № 4 – С. 13.
142. Шибанова Н., Шуляк Ю., Кожемякин С., Лавренова В., Кабекова О., Волобуев П., Черных И. Молодое поколение в опасности // Защити меня! – 2001. – № 2 – С. 16–18.
143. Шилов И.Ю. Фамилистика. (Психология и педагогика семьи). Практикум. – СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2000.
144. Шипунова Т.В. Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних: СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
145. Шмелев А.Г. и др. Основы психодиагностики: уч. пособие для студентов пед. вузов. – Москва, Ростов н/Д: «Феникс», 1996. – 544 с.
146. Щербаков Н.Ю., Васильева С.М. Причины подростковой агрессивности в школе // Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений

- несовершеннолетних: сб. статей / под ред. Е.А. Вороновой, С.А. Васильевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
147. Юдашина Н.И. П.П. Блонский о сексуальном развитии ребенка // Педагогика. – № 8. – 2001.
 148. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. – М., 1984.
 149. Ярославцева Н.Д. Посттравматические стрессовые нарушения у детей – жертв сексуального насилия и оказания им психологической помощи // Мир психологии. – 1998. – № 2 (14). – С. 71–80.
 150. Baumring D. The Social Context of Child Maltreatment // Main entry under title: Annual Editions: Deviant Behavior. 1996/97. S. 50–57.
 151. Mitscherlich A. Die Idee des Friedens und die menschliche Aggressivität. Baden-Baden, 17. Auflage, 1993.
 152. Neil Gilbert Was it Rape? An Examination of Sexual Abuse Statistics // Main entry under title: Annual Editions: Deviant Behavior. 1996/97. S. 34–40.
 153. Hornstein W. Gewaltbereitschaft von Kindern und Jugendlichen // Die ganz alltägliche Gewalt. Leske + Budrich, Opladen 1996. S. 19–43.